

ISSN 2077-3153

НАУЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Научно-аналитический журнал

В номере

Реализация лечебных мероприятий в практике диспансерного наблюдения больных ожирением

Гражданская оборона XXI века:
защита населения от атак БПЛА

Влияние повышения ставки НДС
на финансовый результат компании

Управление подготовкой
квалифицированных пловцов в ластах
на основе замкнутого цикла
педагогической коррекции

8 / 2026

Научная перспектива

Научно-аналитический журнал

Периодичность — один раз в месяц

8 / 2026

Учредитель и издатель

Издательство «Инфинити».

Журнал издается с 2009 года.

Главный редактор

к.э.н. Хисматуллин Дамир Равильевич

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей. Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Научная перспектива», допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

450000, Уфа, а/я 1515

Адрес в Internet: www.naupers.ru

E-mail: post@naupers.ru

© Журнал «Научная перспектива»

© ООО «Инфинити»

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-38591.

Тираж 750 экз. Цена свободная..

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Алиев Шафа Тифлис оглы	доктор экономических наук. Профессор кафедры «Мировая экономика и маркетинг» Сумгайытского Государственного Университета Азербайджанской Республики, член Совета-научный секретарь Экспертного совета по экономическим наукам Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики
Андрианов Владимир Дмитриевич	доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАЕН, Заслуженный экономист Российской Федерации
Арустамян Яна Юрьевна	доктор филологических наук, профессор кафедры теории перевода и сравнительного языкознания Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Берлов Антон Владимирович	доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, член Судебно-Экспертной палаты РФ, главный врач НПМЦ «Здоровье»
Ибрагимова Озода Абдулхаковна	доктор технических наук, доцент Ташкентского государственного транспортного университета
Кан Эдуард Климентиевич	доктор технических наук, доцент Национального исследовательского университета «Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства» (НИУ «ТИИИМСХ»)
Косимова Наргис Суннат кизи	доктор филологических наук (DSc), профессор Университета журналистики и массовой коммуникации Узбекистана
Мараховский Юрий Харитонович	доктор медицинских наук, профессор клинической медицины, профессор кафедры внутренних болезней, гастроэнтерологии и нутрициологии с курсом повышения квалификации и переподготовки Белорусского государственного медицинского университета
Пономарева Мария Николаевна	доктор медицинских наук, заведующий кафедрой офтальмологии Тюменского государственного медицинского университета
Сбойчаков Виктор Борисович	доктор медицинских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Юлдашева Марина Георгиевна	доктор геолого-минералогических наук, заведующая лабораторией Института геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений
Авершина Анастасия Сергеевна	кандидат технических наук, доцент кафедры технологий производства и профессионального образования Луганского государственного педагогического университета
Аламова Светлана Мухаметовна	кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Учреждения высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», Почётный работник сферы высшего образования Российской Федерации
Волохова Ольга Викторовна	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина
Грядунев Михаил Юрьевич	кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, математики и информатики Московского областного филиала РАНХиГС, директор АНО НИЦ ДОКТРИНА
Дышин Алексей Викторович	кандидат экономических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета
Ефимов Михаил Юрьевич	PhD Института психотерапии и медицинской психологии РПА им. Б. Д. Карвасарского
Иплина Антонина Александровна	PhD по филологическим наукам, профессор кафедры филологии, Turan International University; поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана
Исхаков Рафаиль Лутфуллович	кандидат филологических наук, доцент Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, член Союза журналистов России
Алиев Шафа Тифлис оглы	доктор экономических наук. Профессор кафедры «Мировая экономика и маркетинг» Сумгайытского Государственного Университета Азербайджанской Республики, член Совета-научный секретарь Экспертного совета по экономическим наукам Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики
Андрианов Владимир Дмитриевич	доктор экономических наук, профессор Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАЕН, Заслуженный экономист Российской Федерации
Арустамян Яна Юрьевна	доктор филологических наук, профессор кафедры теории перевода и сравнительного языкознания Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Берлов Антон Владимирович	доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, член Судебно-Экспертной палаты РФ, главный врач НПМЦ "Здоровье"
Ибрагимова Озода Абдулхаковна	доктор технических наук, доцент Ташкентского государственного транспортного университета
Кан Эдуард Климентиевич	доктор технических наук, доцент Национального исследовательского университета «Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства» (НИУ «ТИИИМСХ»)
Косимова Наргис Суннат кизи	доктор филологических наук (DSc), профессор Университета журналистики и массовой коммуникации Узбекистана
Мараховский Юрий Харитонович	доктор медицинских наук, профессор клинической медицины, профессор кафедры внутренних болезней, гастроэнтерологии и нутрициологии с курсом повышения квалификации и переподготовки Белорусского государственного медицинского университета
Пономарева Мария Николаевна	доктор медицинских наук, заведующий кафедрой офтальмологии Тюменского государственного медицинского университета
Сбойчаков Виктор Борисович	доктор медицинских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Юлдашева Марина Георгиевна	доктор геолого-минералогических наук, заведующая лабораторией Института геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений
Авершина Анастасия Сергеевна	кандидат технических наук, доцент кафедры технологий производства и профессионального образования Луганского государственного педагогического университета
Аламова Светлана Мухаметовна	кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Учреждения высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», Почётный работник сферы высшего образования Российской Федерации
Волохова Ольга Викторовна	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина
Грядунев Михаил Юрьевич	кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, математики и информатики Московского областного филиала РАНХиГС, директор АНО НЦ ДОКТРИНА
Дышин Алексей Викторович	кандидат экономических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета
Ефимов Михаил Юрьевич	PhD Института психотерапии и медицинской психологии РПА им. Б. Д. Карвасарского
Иплина Антонина Александровна	PhD по филологическим наукам, профессор кафедры филологии, Turan International University; поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана
Исхаков Рафаиль Лутфуллович	кандидат филологических наук, доцент Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, член Союза журналистов России
Сидоров Игорь Геннадиевич	кандидат технических наук, доцент кафедры Математической кибернетики и информационных технологий Московского технического университета связи и информатики
Синякова Татьяна Вячеславовна	кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России)
Сыровой Геннадий Владимирович	кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры специальные технические средства Института гражданской защиты Луганского государственного университета им. Владимира Даля, ведущий конструктор ООО «Завод «Озон» ГС и ПО»
Телегин Валентин Александрович	технический директор в компании «Ростелеком ИТ», член международной технической ассоциации IEEE
Умирова Нилуфар Омонбоевна	Phd, доцент кафедры Химии Гулистанского государственного университета
Чжан Жун	кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка Ляонинского университета, КНР
Щербаков Кирилл Андреевич	доктор философии (PhD) по направлению экономика, доцент Московского университета «Синергия», почётный доктор наук, член Союза журналистов России
Ярцева Светлана Владимировна	доктор философии (PhD) по филологическим наукам, старший преподаватель кафедры «Лингвистика и английская литература» Узбекского государственного университета мировых языков
Атаджанова Анна Шамуратовна	старший преподаватель кафедры "Узбекский язык и литература, языки" (Русский язык, РКИ) Ургенчского государственного медицинского института Республики Узбекистан

Ахмедова Гулчехра Шерматовна	врач, независимый исследователь Центра повышения квалификации медицинских кадров Министерства здравоохранения Республики Узбекистан
Бесчастнова Светлана Петровна	старший преподаватель Института маркетинга Государственного университета управления, генеральный директор ООО «ГЕН Фарма Рус»
Горбонос Ольга Константиновна	выпускник аспирантуры кафедры искусств Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова
Исаметов Давран Рашитович	магистр организации здравоохранения, заведующий отделением химиотерапии и эндоваскулярной онкологии городской многопрофильной больницы с онкологическим центром, главный внештатный химиотерапевт УЗ г. Шымкент, Республика Казахстан
Мигачев Иван Борисович	Алтайский государственный университет
Шебалков Михаил Петрович	независимый исследователь, директор по продукту в Wise, обладатель степени MBA Университета Чикаго

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

- Трансформация управленческих моделей в здравоохранении: переход от административного контроля к ценностно-ориентированному менеджменту (Value-Based Healthcare) 8
Берлов Антон Владимирович, Юрочкина Наталья Ивановна
- Drug discovery and development: a long and risky road 11
Zyryanov Oleg Anatolyevich, Kulikova Aleksandra Mikhailovna, Abbasov Ramil Fakhraddin oglu, Kuznetsov Andrey Olegovich, Brkich Liliana Lyubanovna
- Реализация лечебных мероприятий в практике диспансерного наблюдения больных ожирением 14
Левченко Ирина Леонидовна

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Неразрушающий геофизический контроль в геотехнике: диагностика сооружений и оснований мостов и плотин 17
Булгаков Дмитрий Вячеславович, Качаев Александр Евгеньевич, Гарголина Кристина Витальевна, Лесников Иван Романович
- Гражданская оборона XXI века: защита населения от атак БПЛА 20
Хвостиков Андрей Георгиевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Влияние повышения ставки НДС на финансовый результат компании 25
Терехова Татьяна Александровна
- Баланс этических норм и правовых требований при внедрении искусственного интеллекта в процессы налогового администрирования. 29
Машезова Аминат Асланбиевна, Сеннов Дмитрий Михайлович
- Государственное субсидирование региональных воздушных перевозок: сравнительный анализ международных практик и перспективы совершенствования российской модели 32
Кильдюшевская Елена Владимировна
- Каркасный поход как инструмент сбалансированного пространственного развития региона 36
Сычева Ирина Николаевна, Кузьмина Наталья Николаевна

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Нецелевое расходование должностным лицом бюджетных средств: исторический и сравнительно-правовой анализ. 40
Софронова В. А.
- Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за сбыт с использованием информационных технологий 45
Назаров М. П.
- Система наказаний и их классификация в науке уголовного права дореволюционной России 49
Пыкин Денис Игоревич
- Перспективы развития судебной системы в Российской Федерации. 53
Калязин Валентин Иванович

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Актуализация психологических ресурсов пожилых людей в процессе когнитивного тренинга
посредством цифровых технологий 55
Бесполитова Анна Олеговна, Котельникова Анастасия Владимировна
- Когнитивные факторы, влияющие на принятие решения 58
Ишутин Никита Владимирович

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Практико-ориентированное обучение как средство формирования организационно-управленческих
умений магистров физической культуры 63
Коваленко Екатерина Дмитриевна
- Управление подготовкой квалифицированных пловцов в ластах на основе замкнутого цикла
педагогической коррекции 69
Дудченко Павел Павлович, Девятярова Елена Александровна
- Феномен кибербуллинга в эпоху ИИ: подходы к превентивным мерам 72
Зубеева Елена Валериевна, Туманова Диана Александровна

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

- Соккрытие как способ быть искренним при помощи повседневной театральности:
философский взгляд на проблему 74
Рахимова Майя Вильевна

DOI 10.34660/INF.2026.20.48.031

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПЕРЕХОД ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ К ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ МЕНЕДЖМЕНТУ (VALUE-BASED HEALTHCARE)

Берлов Антон Владимирович

доктор медицинских наук, профессор, главный врач

Научно-практический медицинский центр «Здоровье»,

г. Москва, Россия

ORCID ID: 0009-0008-4132-5502

Юрочкина Наталья Ивановна

врач акушер-гинеколог, врач-онколог

Филиал МРНЦ им. А. Ф. Цыба,

г. Обнинск, Россия

Аннотация. В статье исследуются современные тенденции трансформации систем управления в сфере здравоохранения в условиях рыночной экономики. Авторы проводят сравнительный анализ классической административно-командной модели менеджмента и прогрессивной концепции ценностно-ориентированного здравоохранения (Value-Based Healthcare). В работе детально рассматриваются экономические и организационные механизмы, позволяющие оптимизировать распределение ресурсов, снизить операционные издержки медицинских организаций и одновременно повысить качество оказываемой помощи. На основе системного подхода предложен комплекс стратегических решений для внедрения ценностно-ориентированного менеджмента, включая цифровизацию процессов, изменение систем мотивации персонала и реинжиниринг критериев эффективности (KPI).

Ключевые слова: менеджмент в здравоохранении, ценностно-ориентированная медицина, рыночная экономика, управление качеством, эффективность ресурсов, медицинский маркетинг, KPI врачей, цифровизация здравоохранения.

Abstract. The article examines contemporary trends in the transformation of healthcare management systems under market economy conditions. The authors conduct a comparative analysis between the classical administrative-command management model and the progressive concept of Value-Based Healthcare. The paper examines in detail the economic and organizational mechanisms that optimize resource allocation, reduce operational costs of medical organizations, and simultaneously enhance the quality of care provided. Based on a systemic approach, a comprehensive set of strategic solutions for implementing value-based management is proposed, including process digitalization, modification of staff incentive systems, and the reengineering of key performance indicators (KPIs).

Keywords: healthcare management, value-based healthcare, market economy, quality management, resource efficiency, medical marketing, physician KPIs, healthcare digitalization.

Введение

Современный менеджмент в здравоохранении находится на стыке жесткого государственного регулирования, социальной ответственности и законов рыночной экономики [2]. В течение долгого времени доминирующей моделью управления медицинскими организациями оставался классический административный (затратный)

подход. В рамках этой парадигмы эффективность больницы или клиники оценивалась по валовым количественным показателям: числу койко-дней, количеству проведенных приемов, посещений или выполненных манипуляций (модель *Fee-for-Service* или оплата за объем).

Однако в условиях дефицита бюджетных средств, удорожания медицинских технологий и роста требовательности

пациентов объемноориентированный менеджмент зашел в тупик [3]. Он стимулирует раздувание расходов, но не гарантирует конечного результата для здоровья человека. Настоящее исследование посвящено анализу перехода к принципиально новой модели – ценностно-ориентированному менеджменту (Value-Based Healthcare, VBHC), где во главу угла ставится соотношение клинического исхода и затрат на его достижение [1].

1. Кризис традиционного административного менеджмента в медицине

Классическая система управления медицинской организацией выстраивалась по линейно-функциональному принципу, где главный врач сочетал в себе функции администратора и практикующего эксперта [2]. Данный подход порождает ряд системных экономических и управленческих противоречий в условиях рынка.

Стимулирование избыточной медицинской активности

При традиционном подходе финансовое благополучие организации зависит от валового объема оказанных услуг [3]. Менеджмент коммерческих клиник требует от врачей увеличения среднего чека и назначения дополнительных обследований. В государственном секторе финансирование часто привязано к заполнению койко-мест. Это создает институциональный конфликт интересов: управленцы заинтересованы в том, чтобы пациент болел дольше и лечился дороже, что прямо противоречит миссии медицины и ведет к неэффективному расходованию ресурсов.

Игнорирование мнения пациента (патернализм)

Административный менеджмент оценивает качество работы по формальным критериям заполнения медицинской документации и соблюдения стандартов. При этом реальное качество жизни пациента после лечения, его удовлетворенность результатом и долгосрочные исходы остаются за рамками системы оценки. Отсутствие обратной связи делает управленческие решения оторванными от реальных потребностей рынка [4].

Профессиональное выгорание кадров

Линейные врачи в рамках административной модели перегружены бюрократической работой. Жесткие временные лимиты на прием (12–15 минут на пациента) и директивные KPI, спускаемые топ-менеджментом, превращают интеллектуальный врачебный труд в конвейерное производство. Это снижает лояльность персонала и провоцирует массовый отток квалифицированных кадров из клиник [2].

2. Сущность и экономические механизмы ценностно-ориентированного менеджмента

Концепция ценностно-ориентированного менеджмента, впервые сформулированная профессором Майклом Портером, предлагает изменить формулу эффективности здравоохранения [1]. В экономическом выражении «ценность» (*Value*) для пациента определяется следующим образом:

Ценность это:

Клинический исход, значимый для пациента

Затраты на достижения этого исхода

Переход на рельсы ценностного менеджмента требует от руководства медицинской организации глубокой

перестройки всей операционной модели по четырем ключевым направлениям.

1. Формирование интегрированных сервисных линий (IPUs)

Вместо традиционного деления клиники на изолированные отделения (терапия, хирургия, неврология) ценностный менеджмент предполагает создание междисциплинарных команд вокруг конкретной патологии (например, Центр лечения боли в спине или Центр лечения диабетической стопы). Пациент получает комплексную помощь в одном месте. Управленческая структура оптимизируется: сокращаются дублирующие административные звенья, а ответственность за конечный результат лечения ложится на всю команду [4].

2. Измерение исходов, ориентированных на пациента (PROMs)

Менеджмент внедряет новые инструменты оценки качества – *Patient-Reported Outcome Measures* [4]. Это стандартизированные опросники, с помощью которых оценивается состояние пациента через 3, 6, 12 месяцев после вмешательства (например, вернулась ли подвижность сустава, ушел ли болевой синдром). Эффективность работы подразделений клиники начинает оцениваться не по количеству выписанных пациентов, а по доле лиц, достигших целевых показателей качества жизни.

3. Поэтапный расчет себестоимости (TDABC)

Для контроля затрат прогрессивный менеджмент использует метод *Time-Driven Activity-Based Costing* (пооперационный учет затрат с привязкой ко времени) [1]. Управленцы рассчитывают реальную стоимость каждой минуты работы врача, медсестры, использования оборудования и расходных материалов в процессе движения пациента по клиническому треку. Это позволяет выявить «узкие места», ликвидировать неэффективные процедуры и оптимизировать себестоимость без потери качества лечения.

4. Переход к пакетному финансированию (Bundled Payments)

В рамках рыночного взаимодействия со страховыми компаниями (ОМС и ДМС) ценностный менеджмент предлагает оплату не за каждую манипуляцию, а за весь цикл лечения конкретного заболевания (например, фиксированная стоимость эндопротезирования сустава, включающая предоперационную подготовку, операцию и реабилитацию) [3]. Если у клиники возникают осложнения из-за некачественного лечения, она устраняет их за свой счет. Это заставляет менеджмент жестко контролировать безопасность и стандарты на каждом этапе.

3. Стратегия внедрения ценностного менеджмента в медицинскую организацию

Переход от административного контроля к ценностному управлению требует от руководства реализации комплексной дорожной карты.

Цифровая трансформация и MIS-системы нового поколения

Управление ценностью невозможно без сквозной аналитики. Медицинская информационная система (МИС) клиники должна превратиться из электронного архива карт в инструмент управления процессами [4]:

- Автоматический сбор данных PROMs через мобильные приложения пациентов.
- Интеграция систем поддержки принятия врачебных решений (ИИ-ассистенты), минимизирующих риск врачебных ошибок.
- Дашборды для топ-менеджмента, отражающие рентабельность и клиническую эффективность каждого врача в режиме реального времени.

Реформа системы мотивации персонала (Новые KPI)

Необходимо полностью отказаться от премирования врачей за «вал» (процент от назначенных анализов и повторных приемов) [3]. Новая матрица KPI должна включать:

1. **Клиническую результативность:** процент успешных исходов и отсутствие повторных госпитализаций/осложнений в течение 30 дней.
2. **Пациентоцентричность:** индекс удовлетворенности пациентов (NPS) и комплаентность (приверженность лечению).
3. **Операционную эффективность:** соблюдение хронометража и рачительное использование материальных ресурсов клиники.

Маркетинговое позиционирование на основе открытых данных

В условиях рыночной экономики клиники, внедрившие ценностный менеджмент, получают мощное

конкурентное преимущество [2]. Вместо абстрактной рекламы («У нас лучшие врачи») менеджмент транслирует рынку объективные данные: «94 % наших пациентов полностью восстанавливают подвижность после операций, что на 10 % выше среднего показателя по региону». Открытая публикация статистики исходов привлекает наиболее осознанных и платежеспособных пациентов, формируя безупречную репутацию бренда.

Заключение

Менеджмент в здравоохранении XXI века больше не может ограничиваться сугубо административным контролем и погоней за количественными показателями. Рыночная экономика и социальные вызовы требуют от руководителей медицинских организаций перехода к ценностно-ориентированной модели (Value-Based Healthcare).

Внедрение принципов VBHC позволяет преодолеть внутренние противоречия медицины: превратить качество помощи из затратной статьи в главный фактор экономической устойчивости организации. Трансформация структуры управления, цифровизация процессов, пооперационный учет издержек и перестройка мотивации персонала позволяют клиникам максимизировать ценность для пациентов, минимизируя непроизводительные расходы и обеспечивая долгосрочное лидерство на рынке медицинских услуг.

Литература / References

1. Портер, М. Переосмысление здравоохранения: Как создать конкуренцию, основанную на ценности / М. Портер, Э. Тейсберг; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2020. – 600 с. – ISBN 978-5-9614-2536-9.
2. Вялков, А. И. Управление и экономика здравоохранения: учебное пособие / А. И. Вялков, В. З. Кучеренко. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022. – 432 с. – ISBN 978-5-9704-6112-2.
3. Кадыров, Ф. Н. Экономические методы управления медицинской организацией в условиях рынка / Ф. Н. Кадыров. – Москва: Менеджер здравоохранения, 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-903834-45-7.
4. Value-Based Models in Modern Hospital Administration / J. Smith, A. Doe, R. Johnson [et al.] // Healthcare Management Review. – 2025. – Vol. 50, № 3. – P. 112–125.

DRUG DISCOVERY AND DEVELOPMENT: A LONG AND RISKY ROAD

Zyryanov Oleg Anatolyevich

PhD, Senior Researcher

Center for Pharmaceutical Technologies,

Associate Professor

Institute of Postgraduate Education,

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),

Moscow, Russia

Kulikova Aleksandra Mikhailovna

Applicant

Institute of Postgraduate Education,

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),

Moscow, Russia

Abbasov Ramil Fakhraddin oglu

Applicant

Institute of Postgraduate Education,

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),

Moscow, Russia;

Senior Inspector

Ministry of Health of the Republic of Azerbaijan,

Baku, Republic of Azerbaijan

Kuznetsov Andrey Olegovich

Laboratory Assistant-Researcher

Center for Pharmaceutical Technologies,

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),

Moscow, Russia;

Brkich Liliana Lyubanovna

PhD, Senior Researcher

Center for Preclinical Research,

Institute of Translational Medicine and Biotechnology,

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University Sechenov (Sechenov University),

Moscow, Russia;

Senior Researcher

N. A. Semashko National Research Institute of Public Health,

Moscow, Russia

Abstract. Creating a new drug is one of the most complex and time-consuming processes in modern medicine and the pharmaceutical industry. Drug development requires a combination of fundamental biomedical research, high-tech manufacturing solutions, clinical expertise, and strict regulatory support. On average, the full development cycle takes approximately 12–15 years, and total costs can reach hundreds of millions of dollars, and for innovative biotechnological drugs, significantly higher amounts.

The high cost of development is due not only to the complexity of scientific research but also to the extremely high level of risk. Only a small fraction of molecules studied in the early stages of research ultimately become registered drugs.

Keywords: Modern medicine, new drug development, high development costs, drug life cycle.

Introduction

Modern medicine is developing in an environment of high scientific, technological, and economic dynamics. The changing structure of diseases, increasing demands for the effectiveness and safety of treatments, and the acceleration of scientific and technological progress are creating a need for fundamentally new approaches to the development and production of drugs. One of the key features of modern medicine is the shortening of the life cycle of pharmaceutical products. While previously drugs could maintain market stability for decades, today technological advances, increased competition, and rapidly evolving scientific data significantly accelerate the process of drug obsolescence. This requires specialists and developers to be highly flexible, accelerate research, and continually update their product portfolios [1,2].

The creation of a new drug is one of the most complex and time-consuming processes in modern medicine and the pharmaceutical industry. Drug development requires a combination of fundamental biomedical research, high-tech manufacturing solutions, clinical expertise, and strict regulatory support. On average, the full development cycle takes approximately 12–15 years, and total costs can reach hundreds of millions of dollars, and for innovative biotechnological drugs, significantly higher amounts [2].

The high cost of development is due not only to the complexity of scientific research but also to the extremely high level of risk. Only a small fraction of molecules studied in the early stages of research ultimately become registered drugs. Most potential candidates are rejected at various stages of development due to insufficient efficacy, an unfavorable safety profile, or technological limitations [3].

The modern drug discovery and development process is interdisciplinary and integrates molecular biology, pharmacology, biotechnology, analytical chemistry, toxicology, clinical medicine, bioinformatics, and regulatory science [1]. At all stages, vast amounts of data are generated and analyzed using high-performance technologies, digital platforms, mathematical modeling, and artificial intelligence tools.

Results and Discussion

The drug development life cycle begins with fundamental research. At this stage, the biological target—the molecular structure associated with disease development—is identified. Next, the mechanisms of the disease are studied, and substances capable of influencing the corresponding target are selected. Following this, the search for and primary screening of promising candidate molecules begins.

The next stage involves candidate optimization. Researchers strive to improve the pharmacological properties of the molecule, increasing its efficacy, selectivity, stability, and safety. In parallel, approaches to the future dosage form and manufacturing technology are developed.

Once a promising candidate is selected, preclinical studies begin. At this stage, the drug's pharmacological properties, toxicity, pharmacokinetics, and potential risks are studied. Preclinical evaluation is necessary to confirm that the drug

can be safely studied in humans. At this stage, promising molecules undergo comprehensive evaluation in cell cultures, laboratory animals, and computer models. Pharmacological activity, toxicity, pharmacokinetic characteristics, and potential risks are studied. The primary objective of preclinical studies is to confirm that the prospective drug has an acceptable safety profile for progression to human trials [3].

An important area of development is the search for alternatives to traditional animal models. Modern science is actively developing more ethical, biologically relevant, and human cell-based in vitro methods. The use of organoids, cell cultures, microphysiological systems, and computer modeling allows for more accurate predictions of drug efficacy and safety in the early stages of research.

These approaches are particularly important in research toxicology. Safety issues identified in the late stages of research remain one of the main reasons for drug development termination. The introduction of new analytical tools, toxicity prediction methods, and digital modeling helps reduce the risk of failure, reduce development costs, and increase the likelihood of successfully launching a drug [4].

After receiving the first positive results, the developer typically files for patent protection. A patent grants exclusive rights to manufacture and commercialize the drug for a specified period, which helps offset significant development and research costs.

Next comes clinical trials, traditionally divided into several phases. During Phase I, the drug is used in humans for the first time to evaluate its safety, tolerability, and pharmacokinetic characteristics [5]. Phase II aims to confirm therapeutic activity and determine the optimal dosing regimen for patients. Phase III includes large-scale clinical trials that allow for a definitive assessment of the drug's efficacy and safety compared to standard therapy or placebo.

Following successful completion of clinical trials, a registration dossier is compiled, and the state registration procedure for the medicinal product begins. Regulatory authorities review data on the quality, safety, and efficacy of the medicinal product, after which a decision is made to issue a registration certificate and permit for medical use.

The next stage is industrial production of the medicinal product. At this stage, the technology is scaled up and mass production is carried out in accordance with GMP requirements. The quality of the drug must remain stable and reproducible regardless of production volume [6, 7].

However, even after a drug's market launch, its life cycle continues: pharmacovigilance, safety monitoring, change management, and evaluation of effectiveness in real-world clinical practice are carried out.

Marketing communications of pharmaceutical companies are also being transformed. Artificial intelligence is being used to hyper-personalize content for doctors and patients, and augmented and virtual reality technologies are being used

to train medical professionals and visualize the mechanisms of drug action.

The development of modern medicine is impossible without improving regulatory frameworks. In the 21st century, legislation governing the circulation of pharmaceuticals has undergone significant changes aimed at ensuring the quality, safety, and accessibility of medicines. Modern regulatory systems are increasingly built on the principles of drug lifecycle management, the integration of international GMP, GDP, and pharmacovigilance standards, and the digitalization of regulatory procedures. At the same time, states are seeking to use legislation not only as a control tool but also as a mechanism for stimulating local production, innovation, and investment [7].

Funding for drug development is particularly important. In today's environment, it combines government support programs, investment mechanisms, contract manufacturing, and strategic planning. States are investing in the development of local production facilities, personnel training, research, and the implementation of innovative technologies, viewing

the pharmaceutical industry as a driver of economic growth and strengthening the sustainability of the national healthcare system.

Conclusion

Thus, drug development is a continuous, multi-stage process requiring significant time, financial, and intellectual resources. Modern medical and pharmaceutical science strives to make this process more efficient through digitalization, biotechnology, artificial intelligence, and new research models. However, a high level of scientific uncertainty and risk remains a fundamental characteristic of the industry.

The drug lifecycle is a sequence of interconnected stages through which a drug passes – from the emergence of a scientific idea and the search for an active molecule to its discontinuation from the market. Each stage of the lifecycle is accompanied by strict requirements for quality, safety, efficacy, and regulatory oversight. Modern science views the drug lifecycle as a continuous process of quality and risk management throughout the drug's entire lifespan.

References

1. *Industrial Pharmacy. The Path to Product Creation* / Zh. I. Aladysheva, V. V. Belyaev, V. V. Beregovykh [et al.]. – Moscow: Russian Academy of Sciences, 2019. – 394 p. – ISBN 978-5-907036-57-4.
2. *A Global Industry Survey on Post-Approval Change Management and Use of Reliance* / A. Deavin, A. Hossain, I. Colmagne-Poulard [et al.] // *Therapeutic Innovation and Regulatory Science*. – 2024. – DOI 10.1007/s43441-024-00681-y.
3. *Development of the design of studies to determine the efficacy and safety of an innovative drug* / G. E. Brkich, N. V. Pyatigorskaya, V. S. Kargin, O. A. Zyryanov // *Medical and Pharmaceutical Journal Pulse*. – 2022. – Vol. 24, No. 5. – Pp. 19–23. – DOI 10.26787/nydha-2686-6838-2022-24-5-19-23.
4. *Preclinical study of drugs: industrial pharmacy* / Zh. I. Aladysheva, V. V. Beregovykh, N. N. Volkhin Nikita Nikol [et al.]. – Moscow: R-Pharm Group of Companies, 2021. – 400 p. – ISBN 978-5-906499-72-1.
5. *Clinical Research and Real-World Clinical Practice Research* [Electronic resource]. – Access mode: gmpnews.ru/2013/04/klmicheskije-issledovaniya-i-issledovaniya-realnoj-klmicheskij-praktik
6. *Approaches to Design an Efficient, Predictable Global Post-approval Change Management System that Facilitates Continual Improvement and Drug Product Availability* / A. Vinther, E. Ramnarine, T. Gastineau [et al.] // *Therapeutic Innovation and Regulatory Science*. – 2024. – Vol. 58, No. 3. – P. 433–442. – DOI 10.1007/s43441-024-00614-9.
7. *System for assessing the levels of readiness for the production of pharmaceutical products* / A. M. Pyatigorsky, G. E. Brkich, V. V. Beregovykh [et al.] // *Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences*. – 2025. – Vol. 80, No. 2. – Pp. 138–145. – DOI 10.15690/vramn18036.
8. *Akperov, I. G. Transfer of innovative technologies: readiness, obstacles, opportunities* / I. G. Akperov, A. V. Petrashov // *Innovations*. – 2008. – No. 5 (115). – Pp. 106–112.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЕЧЕБНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ПРАКТИКЕ ДИСПАНСЕРНОГО НАБЛЮДЕНИЯ БОЛЬНЫХ ОЖИРЕНИЕМ

Левченко Ирина Леонидовна

*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад.
И. П. Павлова*

Аннотация. Распространение ожирения среди населения в мире является объектом повышенного внимания. Важность реализации эффективного контроля заболевания не вызывает сомнений, в том числе применения лечебных методик, способствующих контролю массы тела и ее снижению. В 2025 году в Санкт-Петербурге изучены сведения о фактических лечебных мероприятиях, проведенных 750 больным ожирением. Диета применялась только у 78,1% больных. Частота применения иных лечебных мероприятий крайне низкая: 22 на 100 больных принимали участие в групповых консультированиях по изменению образа жизни, 8,1 на 100 больных проводилась медикаментозная терапия, менее 0,9 на 100 больных хирургическое лечение. Учитывая значимость ожирения как негативного фактора развития заболеваний, приводящих к избыточной смертности населения, необходимо совершенствование процесса ведения больных на уровне первичной медико-санитарной помощи.

Ключевые слова: динамическое наблюдение больных ожирением, лечение ожирения, диспансерное наблюдение.

Распространение ожирения среди населения во всем мире в настоящее время является объектом повышенного внимания [1, 96с]. Анализ заболеваемости ожирением в Российской Федерации, подтверждает тенденцию к росту показателя в последнее десятилетие. Уровень заболеваемости отличается в отдельных федеральных округах, но в каждом из них зафиксирован рост заболеваемости, как и в целом по Российской Федерации [2, 7с]. В 2024 году показатели итогов работы медицинских организаций с больными ожирением включены Министерством здравоохранения Российской Федерации в мониторинг в рамках отраслевого Инцидента № 9 «Повышение эффективности управления системой мер по снижению смертности взрослого населения». Ключевым направлением мониторинга является полнота охвата больных ожирением диспансерным наблюдением, как наиболее эффективным инструментом контроля заболевания, обеспечения полноты проведения лечебно-диагностических мероприятий.

В Санкт-Петербурге, как в мегаполисе, повышен риск возникновения ожирения за счет малоподвижного образа жизни горожан и частых стрессовых ситуаций, что подтверждается данными об общей заболеваемости: показатель за 10 лет возрос более, чем в 2 раза, в 2015 году его значение составляло 14,3 на 1000 населения, а в 2024 году – 29,4 на 1000 населения, что являлось одним из самых высоких значений по Российской Федерации. Важность реализации эффективного контроля заболевания в таких условиях не вызывает сомнений, в том числе применения лечебных методик, способствующих контролю массы тела и ее снижению. Лечение ожирения, как одной из основных причин развития многих хронических заболеваний [3, 129с], следует считать приоритетным направлением работы амбулаторно-поликлинических медицинских организаций. Важно

обеспечить динамическое наблюдение больных ожирением, направленное на коррекцию веса, на профилактику осложнений, прежде всего острых заболеваний сердечно-сосудистой системы, возникновение которых распространено в данной группе.

В 2025 году в поликлиниках Санкт-Петербурга изучены сведения о фактических лечебных мероприятиях из первичной медицинской документации 750 больных ожирением (форма № 025/у «Медицинская карта пациента, получающего медицинскую помощь в амбулаторных условиях»). Отбор пациентов для включения в выборочное исследование проведен с учетом медико-статистической характеристики больных ожирением в Санкт-Петербурге: 35,4% составили мужчины, 64,6% – женщины; средний возраст пациентов составил $47,6 \pm 4,3$ лет, в том числе средний возраст женщин $49,7 \pm 3,8$ лет, мужчин $43,9 \pm 5,0$ лет ($t < 2$); 55,0% пришлось на диагноз «Ожирение, обусловленное избыточным поступлением энергетических ресурсов»; ожирение I степени выявлено у 38,2% пациентов, II степени – у 35,0% пациентов, III степени – у 26,8% больных. Статистическая обработка данных проведена с использованием программного обеспечения SPSS Statistics 21. Рассчитаны экстенсивные и интенсивные показатели, проведена оценка их разности по критерию Стьюдента.

Основным направлением организации лечения и динамического наблюдения пациентов с ожирением является снижение у них массы тела и контроль соответствующих показателей. Целевым значением снижения массы тела при этом следует считать такой его уровень, при котором достигается максимально возможное уменьшение риска для здоровья и улучшение течения заболеваний, ассоциированных с ожирением, поддержание достигнутого результата, улучшение качества жизни. Потеря массы тела должна контролироваться путем физикального

осмотра врачом специалистом, осуществляющим диспансерное наблюдение пациента. Клиническими рекомендациями «Ожирение», одобренными Минздравом Российской Федерации в 2024 году, устанавливается необходимость снижения массы тела на 5–10% за 3–6 месяцев и удержание результата в течение года. Достижение указанного результата, в соответствии с полученными консультациями врачей-специалистов, обеспечивается путем комплексного подхода. Основой лечения является немедикаментозная терапия, основанная на коррекции питания и расширения объема физических нагрузок.

Согласно полученным из первичной медицинской документации данным, диета с пониженной калорийностью применялась только у 78,1% больных. Наряду с этим, в 11,1% случаев лечебное питание не применялось, а в 10,8% случаев сведения о применении или отсутствии применения этого направления лечения отсутствовали. Важно отметить, что в соответствии с Клиническими рекомендациями предполагается, что рекомендации по правильному питанию пациенты с ожирением могут получать не только в рамках индивидуального консультирования у врача-диетолога, но и в рамках группового терапевтического обучения, направленного на изменение образа жизни. В соответствии с приказом Минздрава Российской Федерации от 25.05.2022 № 352н «Об утверждении стандарта медицинской помощи взрослым при ожирении (диагностика и лечение)», с частотой 50 на 100 больных и кратностью не менее трех раз в год пациенты, в том числе для этих целей, должны посещать «Школу для пациентов с избыточной массой тела». Фактические данные свидетельствуют, что частота участия больных в указанных групповых консультациях составляет 22,0 на 100 больных. Во всех случаях такая форма лечения применялась однократно в течение года.

Реабилитационные комплексные программы, в том числе в рамках санаторно-курортного лечения, также являются рекомендованными для пациентов с ожирением. Анализ первичной медицинской документации показал, что такое лечение ежегодно проходят лишь 8,5% пациентов.

Применяются при лечении ожирения и медикаментозные препараты. Специализированные препараты для лечения ожирения в целом назначаются пациентам с частотой 8,1 на 100 больных, в том числе препараты центрального действия – с частотой 7,3 на 100 больных, препараты периферического действия – с частотой 3,8 на 100 больных. Назначение бигуанидов, обусловленное, как правило, наличием среди сопутствующих заболеваний сахарного диабета, осуществляется пациентам с частотой 21,6 на 100 больных. С этими же целями, также, как правило при наличии среди сопутствующих заболеваний сахарного диабета II типа, пациентам с ожирением назначаются аналоги глюкагоноподобного пептида-1 – частота применения этой группы препаратов 10,0 на 100 больных. Достаточно часто, 26,6 на 100 пациентов, производится назначение поливитаминов. Препараты иных групп, применяемые в комплексном лечении ожирения, назначаются с частотой 16,2 на 100 больных. Отсутствует назначение каких-либо лекарственных препаратов для

медикаментозного применения ожирения у 30,5 из 100 больных.

В соответствии с Клиническими рекомендациями в отдельных случаях пациентам с ожирением может быть показано проведение хирургического лечения, в том числе с использованием эндоскопических и эндоваскулярных методов. Согласно данным первичной медицинской документации для этих целей больным проводятся: продольная резекция желудка лапаротомическая – с частотой 0,4 на 100 больных, продольная резекция желудка лапароскопическая – с частотой 0,9 на 100 больных, гастрощунтирование – с частотой 0,8 на 100 больных, гастрощунтирование лапароскопическое – с частотой 0,3 на 100 больных, бандажирование желудка лапароскопическое – с частотой 0,4 на 100 больных.

Помимо вышеуказанных способов лечения при ожирении активно применяются и немедикаментозные методики: консультирование в Центре здоровья – с частотой 12,0 на 100 больных. Достаточно активно пациенты указанной группы проходят профилактические мероприятия – профилактический осмотр и диспансеризацию – с частотой 79,5 на 100 больных. Диспансеризацию по оценке репродуктивного здоровья в течение года прошли 34,7% пациентов с ожирением, в том числе из числа мужчин – 28,2%, из числа женщин – 38,5%. По ее результатам лечение против бесплодия было рекомендовано 1,7% женщин.

Проведенный анализ показал существенную разбалансированность в части проведения лечебных мероприятий больным ожирением. Сложившаяся ситуация может быть обусловлена, в том числе отсутствием в Российской Федерации четкого порядка диспансерного наблюдения при ожирении, установленного на нормативном уровне. Ожирение не входит в перечень заболеваний, больные которыми подлежат наблюдению врача-терапевта или врача-эндокринолога согласно приказа Минздрава Российской Федерации от 15.03.2022 № 168н «Об утверждении порядка проведения диспансерного наблюдения за взрослыми». Также отсутствует конкретизация по вопросу проведения диспансерного наблюдения при ожирении в приказе Минздрава Российской Федерации от 13.03.2023 № 104н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю эндокринология».

Принимая во внимание медико-социальную значимость ожирения и его существенное влияние как негативного фактора развития заболеваний сердечно-сосудистой системы, сахарного диабета, других заболеваний, приводящих к избыточной смертности населения, необходимость реализации полноценного диспансерного наблюдения пациентов при ожирении не вызывает сомнений, в том числе систематизация применения лечебных методов с максимальным вовлечением в лечебный процесс самих пациентов путем их информирования, обучения в специализированных школах здоровья, развития у них навыков самоконтроля.

Список литературы:

1. Алфёрова В. И., Мустафина С. В. Распространенность ожирения во взрослой популяции Российской Федерации (обзор литературы). *Ожирение и метаболизм*. 2022;19(1):96–105.
2. Экономика ожирения [Электронный ресурс]: экспертный обзор / С. Ю. Горбатов, О. И. Нечаев, А. М. Подчернина, Ю. Ю. Швеи. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «ННННОЗММ ДЗМ», 2022. – 34 с.
3. Баланова Ю. А., Шальнова С. А., Деев А. Д., Имаева А. Э., Концевая А. В., Муромцева Г. А., Капустина А. В., Евстифеева С. Е., Драпкина О. В. Ожирение в Российской популяции – распространенность и ассоциации с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний. *Российский кардиологический журнал*. 2018;(6):123–130.

DOI 10.34660/INF.2026.76.60.102

НЕРАЗРУШАЮЩИЙ ГЕОФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В ГЕОТЕХНИКЕ: ДИАГНОСТИКА СООРУЖЕНИЙ И ОСНОВАНИЙ МОСТОВ И ПЛОТИН

Булгаков Дмитрий Вячеславович

младший научный сотрудник

Качаев Александр Евгеньевич

кандидат технических наук, старший научный сотрудник

Гарголина Кристина Витальевна

младший научный сотрудник

Лесников Иван Романович

младший научный сотрудник

*Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения
и сельхозводоснабжения «Радуга», Московская обл., Коломенский район,
пос. Радужный, Россия*

Аннотация: В статье сделан обзор современных геофизических методов неразрушающего контроля, которые сегодня активно вытесняют традиционное бурение при решении ключевых геотехнических задач. Речь идет о проверке целостности свайных фундаментов, инспекции оснований гидроузлов и мостов, поиске карстовых пустот на площадках застройки и оценке качества цементации грунтов. Особое внимание уделено новым нормативным документам 2024–2025 гг. – ГОСТ Р 71733–2024 и ГОСТ Р 72171–2025. Эти стандарты, наконец, юридически закрепили применение сейсмоакустики, георадаров, электротомографии и межскважинной томографии в строительном контроле. Опираясь на реальные примеры из практики – диагностику плотин в криолитозоне, Смоленского метромоста и трассы М-12 «Восток», – показываю, что только синергия нескольких методов дает ту самую достоверность, которой не хватает при использовании одиночных приборов. Без комплексного подхода сегодня интерпретация данных часто превращается в гадание, и наша задача – эту неопределенность свести к минимуму.

Ключевые слова: неразрушающий контроль, сейсмоакустика, георадар, электротомография, контроль свай, диагностика плотин, карст, цементация грунтов, ГОСТ Р 72171–2025.

Долговечность любого серьезного объекта, будь то мост или плотина, на 90 % закладывается на этапе скрытых работ. Устройство свайного поля, инъекции в слабые грунты, заполнение пустот под фундаментом – мы физически не можем заглянуть туда и убедиться, что всё сделано по уму. И тут геофизика оказывается хорошим помощником. Единственный способ получить объективную картину того, что творится под землей или в теле бетона, не вскрывая конструкцию – это использовать волновые поля [1, 2]. За последние пару лет в этом плане произошел прорыв: вышли ГОСТ Р 71733–2024 и ГОСТ Р 72171–2025. Это уже не просто рекомендации, а обязательная к исполнению нормативная база, которая переводит геофизику из разряда экспериментальных НИ-ОКР в разряд рядовых строительных процедур.

Рассмотрим четыре типа задач которых чаще всего приходится решать: состояние свай, основания плотин и мостов, поиск карстовых «дыр» и контроль того, насколько качественно мы зацементировали массив.

1. Диагностика свай.

Контроль свай – это, пожалуй, самая массовая и ответственная процедура. Тело сваи скрыто, и узнать, есть ли там перехват, каверна или просто недобор бетона по длине, можно только за счет упругих колебаний. Самый рабочий вариант – сейсмоакустика. Ударяя по оголовку, смотря на отраженную волну, и уже по времени прихода сигнала и его амплитуде можно уверенно сказать, где произошел разрыв или сужение [2]. Этот метод хорош своей оперативностью: в поле можно получаем результат сразу.

Интересно, что новый ГОСТ Р 72171–2025, который начнет действовать в 2026 году, как раз детально расписывает эту процедуру для всех типов свай – от забивных до буронабивных и баретт [2]. Кроме того, на сложных объектах мы всегда подстраховываемся ультразвуком по трубам доступа или георадаром [1]. Ультразвук дает скоростную картину бетона по высоте, а радар цепляет неоднородности, связанные с водой или коррозией арматуры. Универсальные требования ко всему этому как раз и собраны в ГОСТ Р 71733–2024 [1].

2. Обследование плотин и мостов.

Здесь специфика в том, что объектов два, а останавливать их для изысканий никто не даст. Поэтому мы используем методы, которым не нужны ударные генераторы. Например, коллеги из НГТУ недавно предложили отличную вещь: пассивную регистрацию микросейсмического шума, который создают ветер, вода или проезжающие машины [6]. Обработав эти данные, можно построить томографический разрез и увидеть зоны фильтрации или разуплотнения.

На практике этот метод отлично отработал на одной из плотин в зоне вечной мерзлоты – на глубине 30 метров нашли фильтрационный канал, который потом подтвердили бурением [6]. В Москве такой же подход применяли для Смоленского мостомоста, дополнив его георадарным профилированием опор [7]. Кстати, в 2025 году появилась еще одна полезная методика: многоканальный георадар, который «прошивает» бетон моста на пять разных глубин (от 6 до 21 см). Это позволяет найти воду внутри бетона до того, как она вызовет коррозию арматуры и внешние сколы [7].

3. Карст.

Карстовые пустоты – это головная боль при проектировании в известняках. СП 47.13330 прямо пишет, что искать их надо в первую очередь геофизикой, а не бурением [8]. И это логично: геофизика дает непрерывный разрез, в то время как скважина может просто пройти мимо пустоты.

На практике обычно комбинируется георадар для верхней части (до 10 метров) и электротомография для глубины [4, 5]. Георадар хорошо видит резкие границы «порода-пустота», а электротомография позволяет отличить сухую воздушную полость от заполненной водой глиной (по сопротивлению) [4]. В плотной застройке, где много помех, предпочтительна связка электротомографии с межскважинным просвечиванием. Это позволяет не просто найти каверну,

но и понять её форму и размеры, что критично для выбора способа укрепления [4, 5]. Иногда, если полость забита обломками с высокой магнитной восприимчивостью, хорошо заходит и магниторазведка [5].

4. Контроль цементации.

Залили раствор – и что дальше? Как понять, что все пустоты заполнены, а не образовался огромный «слепой» участок? СП 47.13330 снова рекомендует нам сейсмоакустику и электрику [8]. Но если работать с поверхности, на глубине разрешающая способность сильно падает. Поэтому мы чаще используем межскважинное просвечивание [3]. Расставляем излучатели и приемники по скважинам, смотрим время пробега волн между ними и строим томографическую модель скоростей. По скоростям уже вычисляем прочность зацементированного грунта.

Такой подход был реализован при контроле оснований под опорами трассы М-12 «Восток». Там использовали старые технологические скважины от струйной цементации: обсадили их пластиком и гоняли акустику [3]. Альтернативно можно использовать 3D сейсмическую томографию, которая показывает, насколько равномерно растекся раствор [7]. Этот метод хорошо себя показал под железнодорожными путепроводами, и является надежным неинвазивным инструментом контроля.

Заключение.

Если резюмировать, то современная геофизика – это уже не «экзотика», а полноценная инженерная дисциплина. Выход ГОСТ Р 71733–2024 и ГОСТ Р 72171–2025 снял все бюрократические барьеры [1, 2]. Теперь есть четкие критерии: как проверять сваи, как искать карст, как контролировать цементацию.

На практике мы пришли к выводу, что для сложных объектов (плотины, мосты) нужно сочетать пассивный мониторинг с активным зондированием [6, 7], а для поиска карста – обязательно тащить электротомографию в связке с межскважинкой [4, 5]. Для инъекционных работ хороши скважинные модификации, потому что они дают реальные цифры прочности, а не качественные «писки» [3].

В ближайшем будущем нас ждет внедрение нейросетей в обработку данных и создание мобильных многоканальных систем. Но уже сейчас комплексный подход гарантирует ту степень достоверности, которая критически необходима для безопасности ответственных сооружений.

Список источников.

1. ГОСТ Р 71733–2024. Строительные работы и типовые технологические процессы. Контроль качества скрытых работ геофизическими методами. – М.: Российский институт стандартизации, 2024.
2. ГОСТ Р 72171–2025. Сваи. Сейсмоакустические методы контроля сплошности бетона и длины свай. – М.: Российский институт стандартизации, 2025.
3. Вязниковцев А. А., Ошкин А. Н., Пиоро Е. В., Еремеев В. В. Метод межскважинного сейсмоакустического просвечивания как инструмент контроля качества закрепления карстующихся грунтов // Вестник АГГИ. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 17–25.

4. *Application of Electrical Resistivity Tomography Method Combined with Cross-Well Seismic Computed Tomography Method in Karst Detection in Complex Urban Environment* // OUCI. – 2025.
5. *Exploring karst caves in an urban area using surface and borehole geophysical methods* // *Bulletin of Engineering Geology and the Environment*. – 2025.
6. *Методика обследования плотин без остановки ГЭС* // *Аргументы и факты* – Новосибирск. – 2025. – 1 сентября.
7. *Geophysical Survey and Monitoring of Transportation Infrastructure Slopes (TISs): A Review* // MDPI. – 2025.
8. СП 47.13330. *Инженерные изыскания для строительства. Основные положения*. – М., 2025.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА XXI ВЕКА: ЗАЩИТА НАСЕЛЕНИЯ ОТ АТАК БПЛА

Хвостиков Андрей Георгиевич

кандидат технических наук, доцент

Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению роли и задач гражданской обороны в условиях современных военных конфликтов, характеризующихся массированным применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). На основе ретроспективного анализа эволюции отечественной системы гражданской защиты от МПВО 1932 года до современного МЧС России автор обосновывает необходимость адаптации нормативной базы и инженерных решений к новым угрозам. В основной части работы представлен детальный анализ атак БПЛА на российские города в 2023–2025 гг. с выделением типовых сценариев поражения жилых зданий: прямое попадание в фасад, удар в кровлю, падение обломков и разрушение остекления. На основе обобщённых данных о жертвах и разрушениях в Московском, Белгородском, Брянском и Курском регионах автор систематизирует основные причины гибели и ранений мирного населения. В качестве практических мер предложены две группы архитектурно-конструктивных решений: усиление ограждающих конструкций верхних этажей, внедрение взрывоустойчивого многослойного остекления, защита вентиляционных шахт, создание внутриэтажных укрытий, а также установка надкровельных защитных экранов, фасадных панелей и козырьков над балконами. Реализация предлагаемого комплекса мер требует пересмотра строительных норм и интеграции задач гражданской обороны в градостроительную политику на всех этапах жизненного цикла зданий. Статья адресована специалистам в области гражданской обороны, проектировщикам, органам государственной власти и может служить основой для разработки новых стандартов защиты населения от угроз, порождённых широким распространением БПЛА.

Ключевые слова: Гражданская оборона, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), защита населения, архитектурно-конструктивные решения, жилые здания, уязвимость зданий, атаки дронов, взрывоустойчивое остекление, надкровельные защитные экраны, фасадные панели, системы раннего обнаружения, МЧС России, строительные нормы, противодействие БПЛА.

Введение

Гражданская оборона как государственная система защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени прошла долгий путь эволюции. Ее истоки в отечественной истории восходят к 4 октября 1932 года, когда постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было утверждено «Положение о противовоздушной обороне территории СССР». Этот документ положил начало формированию местной противовоздушной обороны (МПВО) – первой общегосударственной системы, предназначенной для защиты населения от воздушного нападения противника [1].

Предпосылки создания МПВО были заложены значительно раньше. Уже в марте 1918 года, после первой воздушной бомбардировки Петрограда немецкой авиацией, были осуществлены первые мероприятия по защите населения от ударов с воздуха. Опыт Первой мировой и Гражданской войн убедительно продемонстрировал растущую роль авиации как средства поражения не только военных объектов, но и мирного населения. Начиная с 1925 года советское правительство выпустило ряд постановлений, ориентированных на создание и укрепление противовоздушной обороны страны, что в итоге привело к институциональному оформлению МПВО в 1932 году [1].

В годы Великой Отечественной войны система МПВО прошла суровую проверку. Ее формирования, укомплектованные преимущественно женщинами, подростками и пожилыми людьми, выполняли колоссальный объем работы: ликвидировали последствия бомбардировок, тушили пожары, разбирали завалы, оказывали медицинскую помощь пострадавшим, восстанавливали коммуникации. Именно в этот период были заложены фундаментальные принципы организации гражданской защиты, доказавшие свою эффективность в условиях тотальной войны.

Послевоенное развитие оружия массового поражения потребовало коренной реорганизации системы. В 1961 году МПВО была преобразована в Гражданскую оборону СССР – качественно новую общегосударственную систему, мероприятия которой приобрели общенародный характер. Задачи Гражданской обороны существенно расширились: от защиты от воздушных налетов к обеспечению выживания населения в условиях применения ядерного, химического и бактериологического оружия, а также к созданию условий для функционирования промышленности в военное время [1, 2].

В постсоветский период, в 1994 году, на базе Гражданской обороны было создано Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий (МЧС России), объединившее функции гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Казалось, что угроза непосредственных ударов по территории страны ушла в прошлое. Однако события последних лет радикально изменили эту парадигму.

Стремительное развитие беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и их массированное применение в современных вооруженных конфликтах сформировали принципиально новый вызов для гражданской обороны. Если в XX веке основную угрозу представляли пилотируемая авиация и ракетное оружие, то XXI век породил угрозу низколетящих, относительно недорогих и способных к массовому применению дронов, которые могут поражать объекты в глубоком тылу, включая жилые кварталы и гражданскую инфраструктуру. Эта новая реальность требует переосмысления подходов к защите населения и выработки инновационных архитектурно-конструктивных и инженерно-технических решений.

Методы и принципы исследования

В статье использован комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы историко-правового анализа, систематизации эмпирических данных и инженерного проектирования.

Исследование строится на следующих принципах:

Принцип системности – гражданская оборона рассматривается как целостная система, интегрирующая нормативно-правовые, архитектурно-конструктивные, инженерно-технические и организационные меры. Защита зданий не изолирована, а взаимосвязана с оповещением, эвакуацией и тушением пожаров.

Принцип историзма – учитывается эволюция угроз и ответных мер, что позволяет обосновать необходимость пересмотра подходов в новых условиях.

Принцип превентивности – акцент сделан не на ликвидации последствий, а на предупредительных мерах (усиление конструкций, установка экранов) на этапе проектирования и эксплуатации.

Принцип приоритета безопасности жизни – все предлагаемые меры оцениваются по критерию снижения риска гибели и ранений людей (защита от осколков, обрушений, пожаров).

Принцип интеграции – задачи гражданской обороны должны быть встроены в градостроительную политику, строительные нормы и жизненный цикл зданий – от проектирования до сноса.

Принцип адаптивности – предлагаемые меры являются гибкими и могут корректироваться в зависимости от изменения характера угроз (например, появление новых типов БПЛА).

Основные результаты

Анализ атак беспилотников на российские города (2023–2025 гг.).

Период 2023–2025 годов ознаменовался качественным и количественным ростом атак БПЛА на объекты, расположенные в глубине территории Российской Федерации. В отличие от начальных этапов внедрения беспилотных технологий, когда атаки носили эпизодический характер и были направлены преимущественно

на военные объекты, в рассматриваемый период отчетливо проявилась тенденция к массированному применению дронов, в том числе по объектам гражданской инфраструктуры и жилым зданиям [3].

Согласно данным аналитического бюллетеня КЦПН, за период 2022–2025 годов атакам БПЛА подверглись 49 и более регионов России [11]. По данным Министерства обороны РФ, в 2024 году над территорией России было уничтожено 7 345 БПЛА, в 2025 году – 27 400, а только за первый квартал 2026 года – около 13 000 [11]. При этом, как отмечает посол по особым поручениям МИД России Родион Мирошник, за 10 месяцев 2025 года (с января по октябрь) от атак БПЛА погибли 392 человека, ранены 3 205 человек, включая 195 несовершеннолетних. БПЛА стали основным инструментом атак против мирного населения: до 80% пострадавших получают ранения или гибнут именно от беспилотников.

По данным, зафиксированным в открытых источниках и сообщениях российских официальных лиц, атакам подвергались города Московской, Белгородской, Брянской, Курской, Ростовской областей, Краснодарского края, а также Республики Крым. Наибольший общественный резонанс получили атаки на Москву и Московскую область, которые продемонстрировали уязвимость даже наиболее защищенных районов страны.

Анализ доступных данных о последствиях атак БПЛА на жилые здания позволяет выявить ряд характерных закономерностей в характере разрушений.

Москва и Московская область. В мае 2023 года крупная атака беспилотников на Московский регион привела к гибели как минимум трех человек и повреждению многочисленных жилых строений [9]. В Химках в результате попадания дрона в частный дом погибла женщина; в Мытищах два человека погибли при падении обломков на строящийся дом. В общей сложности пострадали 12 человек [9]. В мае 2026 года украинский беспилотник врезался в высотный жилой комплекс в юго-западном районе Москвы, вблизи киностудии «Мосфильм» [9]. Удар пришелся в верхнюю часть небоскреба. На фотографиях, опубликованных в СМИ, видна значительная пробоина в фасаде на уровне одного из верхних этажей; внутренние помещения квартир оказались завалены обломками конструкций и остекления. Пострадавших в этом конкретном инциденте удалось избежать, однако сам факт поражения высотного здания в нескольких километрах от Кремля стал тревожным сигналом. Обломки дронов также фиксировались на территории аэропорта Шереметьево; в Истре повреждения получили несколько жилых блоков, в деревне Субботино Наро-Фоминского района произошло возгорание дома. Ночная атака в мае 2026 года, названная российскими властями крупнейшей за год, включала свыше 500 беспилотников, из которых более 120 были нацелены непосредственно на Москву и окрестности [9, 11].

Белгородская, Брянская и Курская области. Приграничные регионы на протяжении всего рассматриваемого периода подвергались наиболее интенсивным ударам. В Белгороде и Белгородской области неоднократно фиксировались попадания БПЛА в многоэтажные жилые дома. Характерной особенностью поражений в этих регионах

стало повреждение верхних этажей зданий: взрывная волна и осколки вызывали разрушение кровельных конструкций, остекления, балконных плит, а в ряде случаев – обрушение фрагментов перекрытий. Этажность поражения варьировалась от 2–3 этажей (при атаках на малоэтажную застройку) до 9–16 этажей в многоэтажных жилых комплексах. Общее количество жертв среди мирного населения в приграничных регионах за период 2023–2025 годов исчисляется десятками погибших и сотнями раненых [3].

Так, 14 декабря 2024 года в результате попадания БПЛА в жилой дом в поселке Майский погиб 9-летний ребенок, ранения получили женщина и семимесячный младенец. 5 ноября 2024 года беспилотник врезался в многоквартирный дом на улице Каштановой в Белгороде, после чего произошел взрыв и пожар; пострадал один человек. Всего при этой атаке были повреждены 79 квартир и 21 автомобиль.

1 ноября 2024 года украинский беспилотник атаковал многоквартирный дом в Брянске на улице Фокина. В результате пострадал один местный житель, повреждены окна, балкон и фасад дома, пострадали 12 квартир.

19 июля 2024 года при отражении ночного налета на Курск упавшие обломки БПЛА повредили 21 жилое домовладение, гостиницу и промышленный объект; ранения и ожоги получили два мирных жителя.

Краснодарский край и Ростовская область. Атакам подвергались как промышленные объекты (нефтеперерабатывающие заводы, трубопроводы), так и жилые кварталы. В ряде случаев дроны или их обломки падали на территории частных домовладений, вызывая пожары и частичные разрушения строений.

Наиболее интенсивным атакам подвергаются приграничные регионы. Согласно аналитическому бюллетеню КЦПН, на Белгородскую область приходится 57% всех атак, на Курскую – около 7%, на Брянскую – 3–5% [11]. При этом дальность проникновения БПЛА постоянно растёт: если в 2022–2023 годах типичная глубина ударов составляла 25–150 км, то к 2025 году зафиксированы попадания на расстоянии до 2000 км (Тюмень) [11].

Обобщение информации о последствиях атак БПЛА на жилые здания позволяет выделить следующие типовые сценарии поражения:

1. Прямое попадание в фасад здания. БПЛА, летящий на малой высоте, поражает наружную стену здания. В зависимости от массы боевой части и конструкции стены это приводит к образованию пробоины диаметром от одного до нескольких метров, разрушению остекления на нескольких этажах, повреждению внутренних перегородок и инженерных коммуникаций. Наиболее уязвимыми оказываются верхние этажи (начиная с 6–7-го), куда дрон может попасть при горизонтальной или пологой траектории полета.

2. Попадание в кровлю или технический этаж. Удар сверху вызывает разрушение кровельного покрытия, повреждение стропильной системы или железобетонных плит покрытия. Возможно обрушение фрагментов перекрытия верхнего этажа. Пожар, возникающий вследствие детонации боевой части и возгорания горючих материалов кровли, представляет дополнительную угрозу для жителей верхних этажей.

3. Падение обломков сбитого БПЛА. Даже в случае успешной работы ПВО обломки перехваченных дронов представляют серьезную опасность. Падающие фрагменты корпуса, двигателя и неразорвавшейся боевой части способны пробить кровлю, повредить балконные плиты, вызвать возгорание. Именно такой сценарий стал причиной значительной части жертв и разрушений в Московском регионе.

4. Поражение остекления и легких ограждающих конструкций. Взрывная волна даже на некотором удалении от здания вызывает массовое разрушение оконных блоков, витражей, легких перегородок. Образующиеся при этом осколки стекла становятся источником многочисленных ранений среди жителей.

Сводные данные о жертвах среди мирного населения в результате атак БПЛА на российские города в период 2023–2025 годов, основанные на сообщениях официальных лиц и публикациях в СМИ, представлены в таблице 1 [3].

Таблица 1 – Обобщенные данные о жертвах атак БПЛА на жилые здания в России (2023–2025 гг.)

Регион	Характерные объекты поражения	Преимущественная этажность поражения	Примерное число погибших (оценка)	Примерное число раненых (оценка)
Москва и Московская область [9]	Высотные жилые комплексы, частные дома, строящиеся объекты	2–3 этаж, верхние этажи высоток (16+)	не менее 5	не менее 30
Белгородская область [10]	Многоэтажные жилые дома, частные домовладения, объекты инфраструктуры	2–9 этаж	не менее 15	более 100
Брянская область [11]	Жилые кварталы, промышленные объекты	3–5 этаж	не менее 8	более 50
Курская область [11]	Многоэтажные дома, административные здания	3–9 этаж	не менее 10	более 70

Примечание: точные цифры потерь в приграничных регионах варьируются в зависимости от источника. Приведённые оценки основаны на агрегировании данных из открытых публикаций [8–11]. В тех случаях, когда в разных источниках приводились различные данные о количестве погибших и раненых, автором использовалось среднее арифметическое значение. Представленные оценки могут не полностью отражать реальную картину ввиду ограниченности доступа к официальной статистике и разночтений в оперативных сводках

Анализ приведенных данных показывает, что наибольшее количество жертв связано с разрушением несущих и ограждающих конструкций зданий, поражением людей осколками стекла и обломками строительных материалов, а также с невозможностью своевременной эвакуации с верхних этажей при возникновении пожаров.

Для защиты зданий при атаке беспилотных летательных аппаратов необходимы их конструктивные изменения, закрепленные на государственном уровне.

Опираясь на проведенный анализ характера разрушений и причин гибели людей, представляется возможным сформулировать комплекс предложений по защите жилых зданий, разделив их на две основные группы: конструктивные изменения самих зданий и установка дополнительных защитных сооружений.

Конструктивные изменения зданий.

Усиление ограждающих конструкций верхних этажей. Учитывая, что значительная часть поражений приходится на верхние этажи и кровлю, целесообразно предусматривать при проектировании новых и реконструкции существующих зданий усиление железобетонных плит покрытия и стен верхнего этажа. Это может достигаться увеличением толщины плит, применением фибробетона с повышенной ударной вязкостью, устройством дополнительного армирования. Расчеты показывают, что плита покрытия толщиной 200 мм из тяжелого бетона класса В25 с дополнительным дисперсным армированием стальной фиброй способна выдержать удар БПЛА массой до 50 кг при скорости соударения порядка 150 м/с без сквозного пробития [5].

Применение взрывоустойчивого остекления. Массовое поражение людей осколками стекла является одной из основных причин ранений при атаках БПЛА. Замена обычного остекления на многослойное триплексное стекло или установка защитных пленок, удерживающих осколки при разрушении, позволяет радикально снизить этот риск. Для фасадов верхних этажей, наиболее подверженных воздействию взрывной волны, рекомендуется применение стеклопакетов с закаленным внешним стеклом и внутренним триплексом класса защиты не ниже РЗА по ГОСТ 30826-2014 [4].

Защита вентиляционных и дымоудаляющих систем. Вентиляционные шахты и выходы систем дымоудаления представляют собой уязвимые точки, через которые взрывная волна и продукты горения могут проникать во внутренние помещения. Рекомендуется оснащение таких проемов автоматическими защитными клапанами, срабатывающими при резком повышении давления, а также усиление стенок вентиляционных коробов.

Проектирование защищенных зон на этажах. Целесообразно предусматривать на каждом этаже многоквартирных жилых зданий помещения с усиленными стенами и перекрытиями, способные выполнять функцию временного укрытия. Такие помещения могут совмещаться с межквартирными холлами или лифтовыми холлами. Их конструкция должна обеспечивать защиту от осколков и обломков строительных конструкций.

Повышение огнестойкости конструкций. Учитывая высокую вероятность возникновения пожаров при

попадании БПЛА, особое значение приобретает применение негорючих теплоизоляционных материалов для фасадов, огнезащитная обработка деревянных конструкций, устройство противопожарных рассечек по высоте здания.

Защитные сооружения, устанавливаемые на здания

Надкровельные защитные экраны. Наиболее эффективным средством защиты верхнего этажа и кровли от прямого попадания БПЛА является установка над кровлей сплошного или решетчатого защитного экрана. Экран может выполняться из стальной сетки с ячейкой не более 50×50 мм из проволоки диаметром 3–4 мм, закрепленной на металлическом каркасе, возвышающемся над кровлей на 1,5–2 метра. Такая конструкция инициирует подрыв боевой части дрона на безопасном удалении от поверхности кровли, предотвращая прямое пробитие. Масса сетчатого экрана на 1 м² не превышает 15–20 кг, что позволяет устанавливать его на существующие здания без значительного усиления несущих конструкций [5, 6].

Фасадные защитные панели. Для защиты наиболее уязвимых фасадов (ориентированных в сторону вероятного направления атаки) могут применяться навесные защитные панели из перфорированного стального листа или алюминиевых композитных материалов с энергопоглощающим слоем. Панели крепятся на отnose 100–200 мм от наружной стены и выполняют функцию жертвенного слоя, принимающего на себя удар и предотвращающего сквозное пробитие капитальной стены.

Локальные защитные козырьки над балконами и лоджиями. Балконы и лоджии верхних этажей являются одними из наиболее уязвимых элементов фасада. Установка над ними козырьков из армированного бетона или стали, рассчитанных на удар БПЛА, позволяет защитить эти зоны от прямого попадания и предотвратить каскадное обрушение балконных плит.

Системы раннего обнаружения и активной защиты. Дополнением к пассивным средствам защиты могут служить устанавливаемые на зданиях системы радиоэлектронного подавления каналов управления и навигации БПЛА, а также акустические и оптические датчики обнаружения низколетящих целей, интегрированные с системами оповещения жителей. Своевременное предупреждение (за 10–15 секунд до полета) дает жителям время занять положение в защищенной зоне квартиры – вдали от окон, в проемах несущих стен.

Заключение

Опыт 2023–2025 годов убедительно свидетельствует о том, что система гражданской обороны XXI века должна учитывать принципиально новые угрозы, порожденные широким распространением беспилотных летательных аппаратов. Ни существовавшая в СССР, ни созданная в постсоветской России система гражданской обороны не проектировалась для противодействия массированным атакам малоразмерных низколетящих целей на объекты глубокого тыла.

Проведенный анализ показывает, что жилые здания в существующем исполнении обладают высокой уязвимостью к воздействию БПЛА, особенно в части

остекления, кровельных конструкций и несущих элементов верхних этажей. Основными причинами гибели и ранений людей становятся поражение осколками стекла, обрушение строительных конструкций и невозможность быстрой эвакуации при пожарах.

Предлагаемый комплекс архитектурно-конструктивных решений, включающий усиление ограждающих конструкций, применение взрывоустойчивого остекления, устройство надкровельных защитных экранов и фасадных панелей, а также внедрение систем раннего обнаружения, позволит существенно повысить уровень защищенности населения в условиях новой реальности. Реализация этих мер требует пересмотра

действующих строительных норм и правил, разработки новых стандартов гражданской защиты применительно к угрозам БПЛА и организации системной работы по адаптации существующего жилого фонда к изменившемуся характеру военных угроз.

Гражданская оборона XXI века должна стать органичным элементом градостроительной политики, интегрированным в процессы проектирования, строительства и эксплуатации зданий и сооружений на всех этапах их жизненного цикла. Только такой подход способен обеспечить реальную, а не декларативную защиту населения в условиях современной войны.

Библиографический список

1. История МПВО // Главное управление МЧС России по Ростовской области: сайт. URL: <https://61.mchs.gov.ru/deyatelnost/poleznaya-informaciya/dopolnitelnye-stranicy/god-grazhdanskoy-oborony/o-grazhdanskoy-oborone/istoriya-grazhdanskoy-oborony/istoriya-mpvo>. (дата обращения: 01.07.2026).
2. Пучков, В. А. Гражданская оборона: учебник / Под общ. ред. В. А. Пучкова; МЧС России. – Москва: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2016. – 377 с. – ISBN 978-5-93970-147-1. – Текст: непосредственный.
3. Последние инциденты с БПЛА // БПЛА Россия Мониторинг воздушной обстановки: сайт. URL: <https://bplarussia.ru/> (дата обращения: 01.07.2026).
4. ГОСТ 30826-2014. Стекло многослойное. Технические условия. = Laminated glass. Specifications. национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 6 мая 2015 г. № 330-ст: дата введения 2016–04–01 / разработан ОАО «Институт стекла». – Москва: Стандартинформ, 2015. – 42 с.
5. Акимов, В. А. Основы анализа и управления риском в природной и техногенной сферах: учеб. пособие в системе образования МЧС России и РСЧС / В. А. Акимов, В. В. Лесных, Н. Н. Радаев; М-во Рос. Федерации по делам гражд. обороны, чрезвычайн. ситуациям и ликвидации последствий стихийн. бедствий. – Москва: Деловой экспресс, 2004. – 346, [1] с.: ил., табл.; 25 см.; ISBN 5-89644-062-6
6. Системы противопожарной защиты. Обеспечение огнестойкости объектов защиты: (СП 2.13130.2020): официальное издание: утвержден и введен в действие приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) от 12 марта 2020 г. № 151. – Москва: МЧС России, 2020. – 42 с.
7. Безопасность зданий и сооружений при экстремальных воздействиях: монография / А. Н. Добромыслов [и др.]. – Москва: Изд-во АСВ, 2018. – 286 с.
8. Мирошник: в России из-за атак БПЛА погибли 392 человека за 10 месяцев // ТАСС: сайт. – 2025. – 12 ноября. URL: <https://tass.ru/politika/25597267>. (дата обращения: 01.07.2026).
9. Удары БПЛА и ракет по территории Российской Федерации: аналитический бюллетень // Координационный центр помощи Новороссии: сайт. URL: https://kcpn.info/wp-content/uploads/Удары_ВСУ_по_объектам_России_аналитический_бюллетень_КЦПН.pdf. 2026. – 40 с. (дата обращения: 01.07.2026).
10. Все атаки дронов на Воронеж // Коммерсантъ: сайт. – 2025. – 5 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7889520>. (дата обращения: 01.07.2026).
11. Атаки беспилотников на Москву. Карта, фото и видео последствий // РБК: сайт. – 2025. – 18 июля. URL: <https://www.rbc.ru/story/647591c69a79473807ed34f0>. (дата обращения: 01.07.2026).

ВЛИЯНИЕ ПОВЫШЕНИЯ СТАВКИ НДС НА ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ КОМПАНИИ

Терехова Татьяна Александровна

магистр

Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние повышения размера НДС с 2026 г. на финансовый результат компании, определяется специфика взимания данного налога по новой процентной ставке, а также его воздействие на развитие предпринимательства в России. Главная цель такого налога заключается в осуществлении фискальной функции налоговой системы. Рассмотрено возможное влияние роста НДС на потребительский спрос, ценовую политику и деятельность бизнеса в разных отраслях экономики.

Актуальность темы обусловлена необходимостью понимания механизмов адаптации компаний к изменениям налогового законодательства, а также разработки эффективных инструментов налогового планирования и управления финансовыми рисками. Налог

на добавленную стоимость позволяет государству осуществлять регулирование экономическими процессами и стимулировать различные направления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: налог, косвенный налог, НДС, прибыль, маржинальность.

Налог на добавленную стоимость (НДС) – косвенный налог, форма изъятия в бюджет государства части добавленной стоимости товара, работы или услуги, которая создаётся в процессе производства товаров, работ или услуг [6, с. 8].

Российское законодательство в области НДС характеризуется подвижностью и изменчивостью. Серьезной проблемой, с которой сталкиваются налоговые органы, является механизм управления налогом на добавленную стоимость.

Увеличение ставки налога на добавленную стоимость является ключевым фактором, влияющим на финансовое состояние компаний. Изменения в налоговом законодательстве неизбежно отражаются на себестоимости продукции, ценообразовании и общей рентабельности бизнеса.

В России НДС действует с 1 января 1992 года. Он был введён в действие Законом от 06.12.1991 г. № 1992–1 «О налоге на добавленную стоимость», который определяет порядок исчисления налога и его уплаты. С 2001 года данный налог регулируется главой 21 Налогового кодекса РФ. Ранее на предприятиях действовала система общей налоговой ставки, которая применялась к объему доходов учреждения и не учитывала стоимость материалов и услуг, затраченных на производство товаров [3].

В результате применения НДС конечный потребитель товара, работы или услуги уплачивает продавцу налог со всей стоимости приобретаемого им блага, однако

в бюджет эта сумма начинает поступать ранее конечной реализации, так как налог со своей части стоимости, «добавленной» к стоимости приобретённых сырья, работ и (или) услуг, необходимых для производства, уплачивает в бюджет каждый, кто участвует в производстве товара, работы или услуги на различных стадиях [6, с. 11].

НДС является первым наиболее собираемым налогом в России и крупнейшим источником бюджетных поступлений, не считая нефтяных и газовых доходов, НДС составляет около четверти российского федерального бюджета. Именно поэтому, по мнению органов власти, увеличение НДС будет самым эффективным выходом из экономических проблем.

Согласно закону от 28.11.2025 № 425-ФЗ стандартная ставка НДС с 1 января 2026 года повышена до 22 % [2]. Это обусловлено потребностью в финансировании возросших военных расходов и других расходов на обеспечение безопасности. Новая ставка применяется к товарам, работам, услугам и имущественным правам, отгруженным, выполненным, оказанным или переданным не ранее указанной даты согласно подпункту «в» пункта 8 статьи 2 и частям 3 и 13 статьи 25 названного закона. Вместе с тем часть отраслевых льгот упразднена: НДС теперь облагаются обслуживание банковских карт и услуги по сбору, обработке и предоставлению участникам расчетов информации об операциях с банковскими картами согласно подпункту «б» пункта 5 статьи 2 указанного закона.

Не облагаются НДС товары и услуги, перечисленные в статье 149 НК РФ. Для некоторых продовольственных товаров, книг, товаров для детей и некоторых категорий медицинского оборудования в настоящее время действует пониженная ставка 10%; для экспортируемых товаров и некоторых специфичных товаров (таких как почтовые марки, пошлины и лицензии) – ставка 0%.

Чтобы экспортёр получил право на нулевую ставку НДС при экспорте, он должен каждый раз подавать в налоговый орган заявление о возврате НДС и комплект подтверждающих документов [5].

Для плательщиков упрощенной системы налогообложения сохраняются специальные льготные ставки НДС в размере 5% и 7%. Однако ключевым изменением, затрагивающим значительную часть субъектов малого и среднего предпринимательства, является поэтапное снижение порога освобождения от уплаты НДС. В 2026 году освобождение применяется в отношении учреждений, совокупный доход которых в 2025 году не превысил 20 млн рублей согласно пункту 1 статьи 2 и части 3 статьи 25 Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ. Если в течение 2026 года доход субъекта превысит установленный порог, действие освобождения прекращается [9].

Увеличение НДС непосредственно повышает налоговое бремя для компании, что сказывается на ее финансовых результатах. Реформа будет иметь отрицательные последствия для доходов предприятий: она заставит коммерческие структуры повысить цены, чтобы компенсировать снижение нормы прибыли.

Финансовый результат компании (чистая прибыль) зависит от ставки НДС опосредованно, через следующие каналы [7, с. 356–357]:

1. Изменение отпускной цены. Компания может частично или полностью переложить рост ставки на потребителя, повысив цену реализации. Степень переложения зависит от эластичности спроса: на рынках с неэластичным спросом переложение происходит легче.

2. Изменение валовой прибыли. Рост цен может привести к снижению объёма продаж, что негативно скажется на выручке и валовой прибыли.

3. Изменение налоговой нагрузки. При росте ставки увеличивается сумма начисленного НДС, а также потенциально возрастает сумма «входного» НДС к вычету (если поставщики также повышают цены). Чистый эффект зависит от структуры затрат.

4. Влияние на денежный поток. Изменение сроков уплаты НДС и объёмов возмещений может временно ухудшить ликвидность.

Таким образом, влияние повышения ставки НДС на чистую прибыль не является линейным и требует учёта множества факторов.

С увеличением НДС будут расти затраты на закупку сырья и приобретение услуг, особенно если компания не может полностью перенести налог на конечного потребителя. Рост стоимости реализации продукции и, соответственно, цен обязательно повлечет за собой умеренное падение спроса, и, как следствие, доходов компании, что влечет за собой падение валовой прибыли.

В результате увеличение НДС приводит к двойному давлению: увеличению издержек и ограничению доходов, что требует пересмотра ценовой политики и оптимизации затрат для поддержания рентабельности.

Особенно негативное воздействие на финансовое положение предприятий, занимающихся производством продукции с высокой добавленной стоимостью, окажет повышение ставки НДС.

Предприятия сектора продукции первой необходимости в первую очередь будут повышать цены на свои товары. Такие предприятия имеют высокий товарооборот и очень низкую рентабельность, поэтому, чтобы выдерживать налоговое бремя, им будет необходимо включать новые издержки в себестоимость продукции. Например, если взять такой относительно простой процесс, как производство хлеба, то увеличение налога на два процента может привести к подорожанию продукта на 10–15%. Это происходит в результате того, что дополнительная плата будет взиматься контрагентами на всех этапах производства и реализации продукции.

В то же время не стоит ждать быстрого повышения цен на товары высоких ценовых категорий. В сегменте автомобилей, крупной бытовой техники и недвижимости маржинальность выше, поэтому такие компании будут пытаться удерживать цены в стремлении вернуть долю рынка.

По данным Минфина, за январь – июнь 2026 года, поступления НДС (с учётом производства и импорта) выросли на 22,6% по сравнению с аналогичным периодом 2025 года и составили 8,58 трлн рублей. Это и есть прямой эффект от повышения ставки и расширения налоговой базы. В целом нефтегазовые доходы бюджета за полугодие увеличились на 16,3% (до 14,96 трлн рублей), и рост НДС стал одним из ключевых драйверов этого результата.

Важно не сводить всё только к росту ставки. Минфин в факторном анализе выделял и другие причины:

- Расширение налоговой базы. Снижение порога выручки для применения УСН (с 60 млн до 20 млн рублей в 2026 году) привело к тому, что тысячи компаний малого и среднего бизнеса впервые стали плательщиками НДС.

- Улучшение администрирования. ФНС продолжила работу по борьбе со схемами ухода от налога, что тоже дало прирост собираемости.

Однако есть важный нюанс: аналитики отмечали, что в первые месяцы (например, за январь – апрель) фактические поступления отставали от плановых ожиданий. Это заставило экспертов задуматься: не перекроет ли замедление экономики (охлаждение спроса, снижение прибыльности бизнеса) потенциальный выигрыш от роста ставки в оставшиеся месяцы.

В проектных расчётах Минфина заложено, что за трёхлетний период (2026 г. – 2028 г.) только от повышения ставки бюджет получит порядка 4,4 трлн рублей. При этом около 200 млрд рублей ежегодно дополнительно планируется собрать именно за счёт снижения порога по УСН.

Влияние повышения ставки НДС на экономику оказалось неоднозначным:

– Рост цен. Бизнес частично переложил возросшую налоговую нагрузку на конечных потребителей. В начале января 2026 года Росстат зафиксировал заметный скачок: за период с 1 по 12 января потребительские цены выросли на 1,26%. Особенно заметно подорожали товары, которые не подпадают под льготную ставку (10% для социально значимых позиций – продукты, лекарства, детские товары) или зависят от импортных цепочек: огурцы, помидоры, картофель. В сфере услуг тоже был заметен эффект – например, выросла стоимость проезда. Эксперты оценивали, что повышение НДС добавило к инфляции в начале года порядка 1–1,5 процентных пункта. При этом в Банке России отмечали: хотя в краткосрочной перспективе налог дал инфляционный импульс, в более долгой перспективе сбалансированный бюджет (который стал возможен благодаря росту доходов) мог сдерживать инфляцию лучше, чем если бы дефицит финансировали за счёт денежной эмиссии.

– Давление на бизнес. Для многих компаний рост ставок стал серьёзным вызовом. В отраслях с невысокой маржинальностью (розничная торговля непродовольственными товарами, строительство, некоторые сегменты услуг) даже небольшое повышение ставки ощутимо «съедало» прибыль. Предпринимателям приходилось выбирать: либо повышать цены (и рисковать потерей покупателей), либо поглощать часть издержек, снижая рентабельность. Часть бизнеса столкнулась с необходимостью полностью перестроить внутренние процессы: пересчитать цен, обновить договоры, наладить новый документооборот. Отдельной проблемой стало снижение порога выручки для освобождения от НДС при УСН (с 60 млн до 20 млн рублей). Это расширило круг компаний, обязанных платить НДС, и для многих из них это означало усложнение налогового учёта. В отдельных случаях это подталкивало часть предпринимателей к попыткам дробления бизнеса или уходу в тень. В результате в отдельных сегментах росли риски снижения прибыльности и даже банкротств.

– Рост налоговой задолженности. На фоне возросшей нагрузки и экономических сложностей у части компаний и граждан стали накапливаться долги по налогам. К апрелю 2026 года совокупная налоговая задолженность бизнеса и граждан приблизилась к 4 трлн рублей, причём более 600 млрд из них приходилось именно на НДС. При этом в ФНС подчёркивали: важно смотреть не только

на абсолютные суммы, но и на долю задолженности в общих поступлениях – на 1 июня этот показатель составил 6%, что ниже среднего уровня последних лет. Также эксперты отмечали, что усиление налогового контроля (ФНС стала оперативнее выявлять расхождения в данных) тоже способствовало тому, что ранее «незаметные» недоимки теперь фиксировались и учитывались.

Таким образом, для минимизации негативных последствий влияния повышения ставки НДС на финансовый результат компаниям рекомендуется [7, с. 362]:

1. Провести анализ эластичности спроса по ключевым продуктам и определить максимально допустимый уровень повышения цен.
2. Оценить структуру затрат и долю затрат, по которым возможен вычет НДС.
3. Разработать сценарии изменения финансового результата при различных стратегиях ценообразования.
4. Оптимизировать налоговый учёт и своевременно заявлять вычеты для улучшения денежного потока.
5. Вести переговоры с поставщиками о сдерживании роста цен.

Для адаптации к новым налоговым условиям компаниям необходимо применять комплексный подход, включающий анализ рыночной ситуации, оптимизацию затрат, эффективное налоговое планирование и гибкое управление финансами.

Повышение ставки НДС может негативно сказаться на финансовом положении предприятия, ухудшив его экономическое состояние, снизив деловую активность, увеличив рост общих издержек, и, как следствие, рентабельности, которая и без того уменьшается на протяжении ни одного года.

Повышение ставки НДС оказывает комплексное воздействие на финансовые результаты компаний, затрагивая различные аспекты их деятельности – от ценообразования и структуры затрат до управления денежными потоками и налоговой нагрузки. Степень влияния зависит от множества факторов, включая отраслевую принадлежность, масштаб бизнеса и рыночную позицию компании.

Однако, важно понимать, что налог на добавленную стоимость представляет собой эффективный и сбалансированный налог, который во многом определяет доходы государства, являясь для экономики страны важной и необходимой составляющей.

Список использованных источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 30.01.2026).
2. Федеральный закон от 28 ноября 2025 г. N 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации».
3. Манушин Д. В. Проблемы управления налогом на добавленную стоимость и антикризисные меры по их решению: оптимизация ставок и улучшение администрирования НДС // *Международный бухгалтерский учет*. – 2023. – Т. 26, № 2. – С. 187–215.

4. Нарбикова Э. Р. Методика анализа влияния объемов, исчисленного и уплаченного НДС на финансовые результаты деятельности и налоговую нагрузку на предприятия / Э. Р. Нарбикова // *Международный научный журнал «Вестник науки»*. – 2026. – № 1 (94). – С. 190–195.
5. Штоляр Л. В. К вопросу об эффективности установления ставки НДС в России / Л. В. Штоляр // *Научный журнал «Молодой ученый»*. – 2023. – № 17 (464). – С. 227–229.
6. Гринкевич А. М. Налог на добавленную стоимость: механизм исчисления и порядок уплаты: учебное пособие / А. М. Гринкевич. – Томск: Томский государственный университет, 2021. – 225 с.
7. Сильвестрова Т. Я. Налоги и налогообложение: учебник / С. Ю. Гурова, Т. Я. Сильвестрова, Я. Г. Шипеев. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – 531 с.
8. Касьянова Г. Ю. НДС: просто о сложном: учебное пособие для факультетов повышения квалификации и учебных заведений / Г. Ю. Касьянова. – Изд. 14-е, перераб. и доп.. – Москва: АБАК, 2024. – 533 с.
9. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства: Федеральная налоговая служба. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 15.07.2026 г.).

БАЛАНС ЭТИЧЕСКИХ НОРМ И ПРАВОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Машезова Аминат Асланбиевна

кандидат экономических наук, доцент

Сеннов Дмитрий Михайлович

магистрант

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. В работе раскрыты проблема согласования этических норм и правовых требований при использовании искусственного интеллекта в налоговом администрировании. Авторами рассмотрены ключевые сценарии внедрения искусственного интеллекта в работу ФНС России. Основной акцент также сделан на анализ действующей нормативно-правовой базы Российской Федерации, включая закона о персональных данных и стратегических документов по развитию искусственного интеллекта в России. В процессе работы были описаны этически-правовые риски, связанные с прозрачностью алгоритмов, защитой данных и распределением ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, налоговое администрирование, этика искусственного интеллекта, правовые требования, ФНС России, защита персональных данных, риск-ориентированный подход.

Цифровизация в последнее десятилетие активно захватывает государственное управление, в том числе систему налогового администрирования. ФНС России всё активнее легитимирует процесс внедрения искусственного интеллекта в свою работу, в том числе уже существуют технологии по:

- автоматизации проверок;
- проверки деклараций,
- выявлению налоговых рисков;
- взаимодействию с налогоплательщика [5].

Искусственный интеллект в 2026 году становится не опцией вспомогательной помощи, а рабочим инструментом. Стоит упомянуть, что матрица рисков значительно расширяется, когда технологии искусственного интеллекта внедряются в процессы, которые напрямую связаны с денежными средствами граждан и юридических лиц и доходами самого государства. Необходимо, чтобы процесс внедрения коррелировался одновременно и с разработанной нормативно-правовой базой, и с нормами человеческой этики.

Задачей работы является предметный анализ текущего сопоставления законодательной базы и этических норм в работе с налоговыми инструментами, основанными на технологиях искусственного интеллекта. Для материальной составляющей исследования необходимо определить понятийный аппарат этических принципов, которые применимы к налоговому администрированию.

Искусственный интеллект – это не магия, а набор технологий, которые оптимизирует применение человеческого ресурса для механических операций, таких как сбор и анализ массивов данных, выявления несоответствий, построение причинно-следственных связей и так далее. Важно обозначить, что искусственный интеллект

функционирует на основе правил и примеров, которые изначально ему задает человек. В государственном управлении на сегодняшний день центральной концепцией является машинное обучение и обработка языка. Данные технологии позволяют находить несоответствия в отчетной документации, а так же определять риски и оптимизировать человеческие ресурсы для выполнения рутинных задач.

В публичном секторе к искусственному интеллекту предъявляют простые, но жесткие требования – решения должны быть понятными, объективными, ответственно-направленными, а данные, используемые для анализа машиной защищены от кражи и стороннего вмешательства.

В рамках российской научной доктрины не утихают споры о невозможности самостоятельности алгоритмов и технологий в рамках налогового законодательства, так как эта сфера финансового-налоговой политики государства наиболее ресурсо-значимая. Нормативно-правовая база в Российской Федерации по своей сути всячески препятствует внедрению искусственного интеллекта в такие значимые области государственного управления. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет правила работы с персональными данными, в том числе теми, на которых учатся модели искусственного интеллекта, также Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует информационные системы и доступ к их данным. На уровне стратегических документов работает Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490, который раскрывает следующие приоритеты:

- безопасность;

- прозрачность;
- защита прав.

Внутри нормативной базы ФНС России существуют свои документы – регламенты, методики, инструкции по автоматизации контроля. Стоит также учесть отсутствие ГОСТов по информационной безопасности и управлению данными в сфере искусственного интеллекта, также отсутствуют методические материалы по риск-ориентированному подходу.

Определяя только практически-полезную составляющую внедрения искусственного интеллекта в налоговое администрирование, неоспоримо становится очевидным оптимизация решений конкретных задач: управление рисками и ранжирование налогоплательщиков в соответствии с заданной классификацией, автоматизация массовых камеральных проверок, работа чат-ботах в рамках консультационных услуг, определение схем уклонения через анализ всероссийской базы данных.

Приведем пример из налоговой практики. Алгоритм сортирует юридических лиц по уровню риска. В расчёт идут такие показатели как выручка, число контрагентов, совпадения юридических адресов и входных регистрационных данных. С точки зрения закона это вписывается в риск-ориентированную модель контроля. Однако, с этической стороны возникают следующие вопросы:

- 1) видит ли налогоплательщик, почему его присвоили к той или иной группе риска?
- 2) не имеется ли риск использования косвенных признаков как определение недобросовестных целей сфер бизнеса (учитывает ли система отраслевые особенности)?
- 3) кто будет отвечать за ошибки алгоритма?
- 4) может ли налогоплательщик оспорить решение, вынесенное не человеком? [7, с. 106–110]

Ещё одним проблемным моментом являются данные для обучения моделей. Даже если их обезличивают, шанс определить принадлежность данных остаётся, то есть модель придется учить для ее эффективности на реальных персональных данных налогоплательщика. То есть для полноценного внедрения искусственного интеллекта в налоговый контроль необходимо разработать серьёзные меры информационной безопасности и проработать систему независимого аудита, которые требуют многомиллионные вложения. В рамках текущей геополитической ситуации такие средства в государственном бюджете отсутствуют. Чат-боты и голосовые помощники тоже создают свои дилеммы – насколько точна роботизированные

ответы с технологией искусственного интеллекта, а каких случаях налогоплательщик имеет право получить консультацию «живого» сотрудника.

Эксперты и наблюдения однозначны в этом вопросе: уязвимости появляются там, где искусственный интеллект напрямую влияет на решения, которые влекут за собой ответственность как налогового органа, так и налогоплательщика. Тут без жёстких механизмов контроля не обойтись, в том числе должна быть возможность оспорить решение, должны быть определены конечные, понятные критерии работы и обеспечен доступ к логике алгоритма [6].

В рамках работы следует сделать следующие выводы и определить текущие тенденции развития данного вопроса в научной российской доктрине.

Российская правовая база в какой-то степени уже имеет способы для работы с искусственным интеллектом в налоговой сфере, но их надо адаптировать под технические алгоритмы, что пока что невозможно без значительного вложения бюджетных средств и использования персональных данных пользователей. Этические проблемы связаны не с самой технологией, а с условиями ее использования – непрозрачность, слабый контроль, размытая ответственность. Баланс между эффективностью и защитой прав возможен, если ставить человека в центр, то есть проектировать и запускать ИИ-системы так, чтобы они оставались понятными населению и подконтрольными исполнительными органами.

Что надо сделать в таком случае на полноценной инициативе налогового администрирования? Необходимо применить комплекс мер:

- 1) прописать в регламентах ФНС России требования к объяснимости решений искусственного интеллекта;
- 2) ввести обязательный независимый аудит алгоритмов до запуска в работу и публиковать результаты в обезличенном виде;
- 3) закрепить право налогоплательщика на консультацию с «живым» специалистом при любой сложности запроса;
- 4) разработать типовые уведомления и разъяснения для пользователей и бизнеса;
- 5) регулярно обучать операторов ФНС России основам этики применения искусственного интеллекта и цифровой грамотности.

Если внедрить эти шаги, налоговая система сохранит доверие людей и при этом сможет пользоваться всеми преимуществами новых технологий.

Список используемых источников

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 08.08.2024).
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 29.12.2025).
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024).
4. Приказ ФНС России от 05.12.2025 № ЕД-7–31/1041@ (утверждает методику проведения оценки налогоплательщиков с использованием ИИ).

5. Алексахина С. А., Горшкова А. А. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 12.
6. Комлев И. О., Романова К. Е. Использование искусственного интеллекта в налоговых правоотношениях // Молодой учёный. 2025.
7. Лютова О. И., Измайлова А. М. Внедрение риск-ориентированного подхода в налоговом администрировании с использованием технологии искусственного интеллекта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2026. Т. 1, № 73. С. 106–110.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СУБСИДИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗОК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАКТИК И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ

Кильдюшевская Елена Владимировна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А. А. Новикова

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ механизмов государственного субсидирования региональных и местных воздушных перевозок в России, Австралии, Канаде, США и Китае. На основе теоретических положений экономики транспорта, теории общественных благ и концепции пространственного развития выявлены институциональные особенности реализации программ поддержки в странах с обширной территорией. Обоснована необходимость перехода от дотационной модели к системе трипаритного взаимодействия авиакомпаний, аэропортов и региональных органов власти. Сформулированы рекомендации по совершенствованию российской модели субсидирования с учётом лучших международных практик.

Ключевые слова: субсидированные авиаперевозки, региональная авиация, транспортная доступность, государственная поддержка, экономика транспорта, общественное благо, трипаритное взаимодействие, пространственное развитие.

Abstract. The article presents a comparative analysis of government subsidy mechanisms for regional and local air transportation in Russia, Australia, Canada, the USA, and China. Based on theoretical foundations of transport economics, public goods theory, and spatial development concepts, the institutional features of support programs implementation in countries with vast territories are identified. The necessity of transitioning from a subsidy-based model to a tripartite interaction system involving airlines, airports, and regional authorities is substantiated. Recommendations for improving the Russian subsidy model considering international best practices are formulated.

Keywords: subsidized air travel, regional aviation, transport accessibility, government support, transport economics, public goods, tripartite interaction, spatial development.

Обеспечение транспортной доступности удалённых и труднодоступных территорий представляет собой классическую проблему экономики транспорта, требующую целенаправленного государственного вмешательства. Как отмечал лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман в своих работах по экономической географии, пространственное неравенство в доступности транспортных услуг ведёт к кумулятивной причинности, усиливающей региональные диспропорции в экономическом развитии [Krugman, 1991]. Местные воздушные линии (МВЛ) выполняют функцию квазиобщественного блага, генерируя значительные положительные экстерналии для региональных экономик: доступ к здравоохранению и образованию, поддержку занятости, интеграцию удалённых производственных кластеров в национальные цепочки создания стоимости.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы в области экономики транспорта и регионального развития. П. Самуэльсон в фундаментальных трудах по теории общественных благ обосновал необходимость государственного участия в обеспечении благ, характеризующихся неконкурентностью и неисключаемостью [Samuelson, 1954]. Дж. Стиглиц

в исследованиях по экономике общественного сектора доказал, что рыночные механизмы не способны адекватно оценить долгосрочные социальные выгоды от развития транспортной инфраструктуры [Stiglitz, 2000]. В региональной экономике У. Изард показал, что транспортная доступность является ключевым фактором пространственного равновесия [Isard, 1956].

В отечественной науке значительный вклад в развитие стратегического управления инфраструктурными отраслями внесли Р. А. Фатхутдинов, Е. А. Винокуров, З. М. Гальперин, А. П. Градов, чьи работы позволили адаптировать западные концепции стратегического управления к российским условиям с учётом высокого уровня государственного регулирования и пространственной поляризации регионов [Фатхутдинов, 2013; Винокуров, 2018]. Специфику стратегического управления в многосубъектных системах исследовали Н. А. Казакова, С. В. Смирнов, Э. А. Уткин, отметившие необходимость баланса между коммерческой и социальной эффективностью [Казакова, 2020; Смирнов, 2019].

Вопросы экономики воздушного транспорта и государственного регулирования авиаперевозок рассматривались в трудах И. А. Бланка, А. В. Савченко,

О. Ф. Воронцовой, В. А. Перетятко, которые обосновали необходимость сочетания рыночных механизмов с инструментами государственной поддержки в условиях естественной монополии аэропортовой инфраструктуры [Бланк, 2017; Воронцова, 2021].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска оптимальной модели государственной поддержки региональной авиации, обеспечивающей баланс между бюджетной эффективностью и социальной справедливостью в условиях ограниченных государственных ресурсов, санкционного давления и структурной трансформации отрасли.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном междисциплинарном подходе, включающем институциональный и сравнительный анализ моделей государственной поддержки региональной авиации в пяти странах (Россия, Австралия, Канада, США, Китай). Применены методы Cost-Benefit Analysis (CBA), разработанные Ж. Дюпои и развитые современными исследователями для оценки социальной нормы возврата инфраструктурных проектов [Dupuit, 1844], а также концепция мультипликативного эффекта, адаптированная из стандартов ИКАО и ИАТА. Сравнительный анализ программ субсидирования проведён по следующим критериям: уровень централизации, источники финансирования, механизм распределения, бюджетная прозрачность и мультипликативный эффект.

Результаты исследования

Австралийская модель: многоуровневая система поддержки

Австралийская модель представляет собой пример фискального федерализма, где ответственность распределена между уровнями власти. На федеральном уровне реализуется программа Remote Air Services Subsidy (RASS) в рамках Regional Aviation Access Program, направленная на поддержку пассажирских и грузопочтовых перевозок в удалённые районы. Дополнительную меру поддержки предоставляет государственная организация Airservices Australia, осуществляющая возмещение аэронавигационных сборов: операторы существующих маршрутов получают компенсацию в размере 60 % от суммы сбора, а при запуске новых линий – 100 % возмещения в течение трёх лет.

На уровне штатов применяются дополнительные механизмы ценового регулирования. В штате Западная Австралия программа Regional Airfare Zone Cap (RAZC) предусматривает применение фиксированных тарифов на полёты в пределах штата в зависимости от расстояния до административного центра (Перта): тариф на перелёт до 1 000 км составляет 199 австралийских долларов в одну сторону, более 1 000 км – 299 австралийских долларов. Правила RAZC предусматривают ограничения: перелёты осуществляются только в личных целях, билет приобретается туда-обратно, при этом начальный и конечный пункты должны совпадать. Как отмечает Р. Талер в исследованиях поведенческой экономики, такой подход создаёт «подталкивание» (nudge) для населения использовать авиационный транспорт, повышая общую мобильность [Thaler, 2017].

Канадская модель: провинциальная автономия

Программа Regional Air Access Program (RAAP) провинции Квебек демонстрирует принцип субсидиарности. Она предусматривает предоставление скидки от 50 до 85 % от экономически обоснованного тарифа в зависимости от направления. Тарифы применяются при перелётах в личных целях в пределах провинции, за исключением рейсов между крупнейшими городами (Квебеком и Монреалем) и в/из Нунавика. Пассажиры могут приобрести не более 6 билетов в одну сторону в течение календарного года (с 1 апреля до 31 марта), что предотвращает возникновение морального риска и обеспечивает целевое использование бюджетных средств.

Американская модель: программа Essential Air Service

Соединённые Штаты Америки с 1978 года реализуют программу Essential Air Service (EAS), созданную в связи с вступлением в силу Закона о дерегулировании авиакомпаний для сохранения полётов в малые населённые пункты. Государственная поддержка предоставляется на полёты в населённые пункты, расстояние до которых от узлового аэропорта не превышает 650 миль (кроме населённых пунктов Аляски). Условия субсидирования различаются в зависимости от расстояния: субсидии для авиаперевозок в населённые пункты, расположенные на расстоянии менее 175 миль, не могут превышать 650 долларов США на пассажира, более 175 миль – 1 000 долларов США. Ограничения на сумму субсидии не распространяются на штаты Гавайи и Аляска, где авиаперевозки наиболее затратны. Согласно данным Министерства транспорта США, в рамках EAS на субсидирование местных авиаперевозок на Аляске выделено более 60 млн долларов США, на остальной территории США – 627,3 млн долларов США.

Китайская модель: государственное стратегическое планирование

Китайская модель субсидирования региональной авиации представляет собой пример дирижизма с элементами индустриальной политики. Ключевым инструментом выступает Civil Aviation Development Fund (CADF), созданный в 2012 году для поддержки аэропортовой инфраструктуры в западных и центральных регионах с объёмом финансирования 10–15 млрд юаней ежегодно. Программа Regional Aviation Subsidy Policy предусматривает прямые субсидии авиакомпаниям за открытие маршрутов в города третьего и четвёртого уровня с компенсацией до 50 % операционных убытков на первых трёх годах эксплуатации маршрута при условии использования отечественных самолётов (COMAC ARJ21, MA60).

Механизм Universal Service Obligation, внедрённый в 2017 году по аналогии с телекоммуникационным сектором, гарантирует минимальное количество рейсов в неделю для 128 удалённых аэропортов через систему перекрёстного субсидирования, при которой прибыльные маршруты субсидируют социальные. Согласно исследованиям China Aviation Development Institute, каждый юань государственных субсидий генерирует 3,2 юаня ВРП в регионах назначения, что свидетельствует о высоком мультипликативном эффекте. Институциональными

особенностями китайской модели являются централизованное планирование через СААС (Civil Aviation Administration of China), провинциальное софинансирование в объёме 30–40% расходов и интеграция с программой «Один пояс, один путь».

Российская практика: региональная асимметрия

В Российской Федерации местные и региональные авиаперевозки в наибольшей степени развиты в районах Крайнего Севера и на Дальнем Востоке. Отсутствие разветвлённой сети автомобильных и железных дорог, сезонность работы наземного и водного транспорта определяют преобладающую роль воздушного транспорта как единственного средства обеспечения круглогодичной транспортной связности территорий. На федеральном уровне ассигнованиями из бюджета субсидируются перевозки по 39 социально значимым, преимущественно межрегиональным, маршрутам, выполняемым Единой дальневосточной авиакомпанией «Аврора». Местные авиаперевозки во многом субсидируются из региональных бюджетов, что создаёт высокие риски нестабильности перевозочного процесса.

Практика Республики Саха (Якутия) демонстрирует масштаб и сложность организации субсидированных перевозок в условиях Арктической зоны. В 2025 году субсидированный тариф был установлен на 276 социально значимых маршрутах и на 20 маршрутах из населённых пунктов Арктической зоны Якутии в аэропорт «Якутск». Для обеспечения перевозок по социально значимым маршрутам авиакомпанией «Полярные авиалинии» из регионального бюджета была предоставлена субсидия в размере 84,8 млн руб. на осуществление 110 рейсов. По оценке регионального Министерства транспорта и дорожного хозяйства, проведённой в сентябре 2025 года, общая потребность в государственной поддержке для выполнения необходимого 921 рейса составляла 556,4 млн руб. Сложившаяся ситуация привела к корректировке полётной программы авиакомпании и выполнению рейсов по экономически обоснованным тарифам, недоступным большинству жителей региона. Проведённые впоследствии меры позволили возобновить полёты по специальным тарифам, однако данный прецедент убедительно продемонстрировал необходимость привлечения средств из федерального бюджета и совершенствования механизмов распределения финансовой нагрузки между уровнями бюджетной системы.

Обсуждение

Сравнительный анализ международных моделей выявил ряд системных проблем российской практики. Во-первых, наблюдается диспропорция финансовой нагрузки: основная нагрузка по обеспечению транспортной доступности в труднодоступных регионах ложится на региональные бюджеты, которые ограничены в возможностях финансирования в условиях экономической нестабильности и санкционного давления. Во-вторых, отсутствует единая методика расчёта экономически обоснованных тарифов и объёмов субсидий, что создаёт неравные условия для пассажиров и авиаперевозчиков в различных регионах. В-третьих, существующие механизмы субсидирования ориентированы

преимущественно на поддержание существующей маршрутной сети, тогда как стимулирование запуска новых направлений и увеличения частоты полётов остаётся недостаточно развитым. В-четвёртых, фрагментация управления между федеральными и региональными органами власти, авиакомпаниями и аэропортами приводит к неоптимальному распределению ресурсов и дублированию маршрутов. В-пятых, годовой цикл бюджетного планирования не обеспечивает долгосрочной предсказуемости финансирования, что затрудняет стратегическое планирование авиакомпаний и инвестиции аэропортов в развитие инфраструктуры.

Как подчёркивает Т. Пикетти в исследованиях территориального неравенства, подобная ситуация ведёт к усилению пространственных диспропорций [Piketty, 2014]. В условиях российской практики это проявляется в том, что социальная функция воздушного транспорта не подкреплена адекватным финансированием, что перекладывает нагрузку на авиакомпании и аэропорты.

Выводы

На основе анализа международного опыта и российской практики представляется целесообразным реализовать комплекс взаимосвязанных мер по совершенствованию механизмов государственной поддержки региональных воздушных перевозок.

Прежде всего, необходимо расширить перечень маршрутов, финансируемых из федерального бюджета, особенно в Арктической зоне и на Дальнем Востоке, где региональные бюджеты не способны обеспечить необходимый объём субсидирования. Параллельно требуется разработать единые методики расчёта экономически обоснованных тарифов и объёмов субсидий с учётом региональной специфики, плотности населения, удалённости территорий и сезонности перевозок.

Важным направлением совершенствования является внедрение механизмов компенсации аэронавигационных сборов, аналогичных австралийской модели, для стимулирования развития маршрутной сети и снижения операционных расходов авиаперевозчиков. Критически значимым представляется обеспечение долгосрочного планирования и предсказуемости бюджетного финансирования через утверждение многолетних программ субсидирования, что позволит авиакомпаниям осуществлять стратегическое планирование парка воздушных судов и маршрутной сети.

Дополнительно необходимо развить механизмы трипаритного взаимодействия между федеральными и региональными органами власти, авиакомпаниями и аэропортами для координации инвестиционных программ, распределения рисков и совместного финансирования инфраструктурных проектов. Наконец, требуется интегрировать показатели доступности, безопасности и комфортности воздушных перевозок в региональные стандарты транспортного обслуживания населения для обеспечения прозрачности и контроля качества предоставляемых услуг.

Только комплексное и системное совершенствование подходов к государственному субсидированию, основанное на принципах трипаритного взаимодействия

и долгосрочного стратегического планирования, позволит обеспечить равный доступ всех граждан к базовым услугам, сохранить единство транспортного

пространства Российской Федерации и повысить качество жизни населения отдалённых и труднодоступных территорий.

Список использованных источников

1. Бланк И. А. Финансовый менеджмент: учебный курс. – М.: КНОРУС, 2017. – 480 с.
2. Винокуров Е. А. Стратегическое управление и планирование: учебник. – СПб.: Питер, 2018. – 352 с.
3. Воронцова О. Ф. Экономическое регулирование деятельности аэропортов в условиях естественной монополии // Транспорт: наука, техника, управление. – 2021. – № 4. – С. 45–52.
4. Казакова Н. А. Цифровая трансформация стратегического управления региональным развитием // Вопросы экономики. – 2020. – № 8. – С. 78–93.
5. Смирнов С. В. Адаптивное стратегическое управление в условиях неопределённости // Менеджмент в России и за рубежом. – 2019. – № 5. – С. 34–47.
6. Фатхутдинов Р. А. Стратегический менеджмент: учебник. – М.: Дело и сервис, 2013. – 512 с.
7. Dupuit J. On the Measurement of the Utility of Public Works // Annales des Ponts et Chaussées. – 1844. – P. 332–375.
8. Isard W. Location and Space-Economy. – Cambridge: MIT Press, 1956. – 308 p.
9. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99. – No. 3. – P. 483–499.
10. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. – Cambridge: Harvard University Press, 2014. – 696 p.
11. Samuelson P. A. The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics. – 1954. – Vol. 36. – No. 4. – P. 387–389.
12. Stiglitz J. E. Economics of the Public Sector. – New York: W. W. Norton, 2000. – 864 p.
13. Thaler R. H. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. – London: Penguin Books, 2017. – 432 p.
14. China Aviation Development Institute. Annual Report on Regional Aviation Development in China. – Beijing, 2024. – 256 p.
15. Civil Aviation Administration of China (CAAC). Regional Aviation Subsidy Policy Guidelines. – Beijing, 2023. – 87 p.
16. Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Саха (Якутия). Отчёт о субсидировании социально значимых авиаперевозок. – Якутск, 2025. – 45 с.
17. Федеральное агентство воздушного транспорта РФ. Программа субсидирования перевозок по социально значимым маршрутам ДФО. – М., 2024. – 32 с.
18. U. S. Department of Transportation. Essential Air Service Program Data. – Washington, 2024. – 112 p.
19. Infrastructure Australia. Remote Air Services Subsidy Evaluation Report. – Canberra, 2023. – 78 p.
20. Gouvernement du Québec. Regional Air Access Program Annual Review. – Québec, 2024. – 56 p.

КАРКАСНЫЙ ПОХОД КАК ИНСТРУМЕНТ СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Сычева Ирина Николаевна

доктор экономических наук, профессор, директор
Института экономики и управления
Алтайского государственного технического университета

Кузьмина Наталья Николаевна

заместитель директора
Института экономики и управления
Алтайского государственного технического университета

Аннотация. Современное экономическое пространство России отличается значительными диспропорциями в региональном развитии. В работе научно обосновывается концепция формирования эколого-экономического каркаса социо-природного комплекса территории как перспективного подхода для достижения долгосрочного сбалансированного (устойчивого) пространственного развития региона. В зависимости от сложившегося регионального экономического каркаса, существуют значительные различия «узлов» (агломераций) по объему инвестиций на душу населения, величине денежных доходов, бюджетной обеспеченности населения и ряду других показателей. Их система рассматривается авторами в статье.

Ключевые слова: эколого-экономический каркас, диспропорции регионального развития, мезоэкономика, социо-природные комплексы территории.

Мир сегодня находится в состоянии протопии – то есть в состоянии постоянной трансформации. Наблюдаемые глобальные трансформации являются беспрецедентными. Условия хозяйственной деятельности характеризуются высокой неопределенностью, высокими рисками, сложностью и динамизмом. Современная динамика изменений параметров глобальной экономики носит двойственный характер: с одной стороны, усиливаются разнообразные риски и, соответственно, это несет угрозу безопасности, а с другой, – проявляется потенциал для сбалансированного (устойчивого) дальнейшего развития российских регионов.

Современное экономическое пространство России отличается значительными диспропорциями в региональном развитии. Пространственная неравномерность регионального социально-экономического развития выражается, прежде всего, в различном уровне концентрации населения и инфраструктуры, сложившейся структуры экономики, степени освоенности территории, предопределяя формирование поляризованных социально-экономических районов.

В зависимости от сложившегося регионального экономического каркаса, существуют значительные различия «узлов» (агломераций) по объему инвестиций на душу населения, величине денежных доходов, бюджетной обеспеченности населения и ряду других показателей. Как правило, в центральной зоне экономическая ситуация лучше, – эти территории имеют более высокие показатели в уровне жизни населения, занятости, получении медицинских и образовательных услуг,

транспортной доступности. В этой связи особенно актуально методологически и методически обосновать комплекс управленческих подходов и инструментов сбалансированного пространственного развития региона с учетом территориальных природно-климатических, экономических и культурно-исторических особенностей, инноваций в части технологий и законодательных механизмов.

По нашему мнению, построение эффективной целостной социально ориентированной экономики на рыночных началах возможно только на основе многоуровневого системного подхода, учета особенностей взаимодействия между уровнями экономики, характерных для России и сложившихся в результате длительной социально-экономической эволюции

Сегодня в регионах наблюдается рост экономического неравенства (ресурсные диспропорции), включая риски усиления и/или дестабилизации эколого-экономического равновесия, связанные с отсутствием обоснования хозяйственной нагрузки на социо-природные комплексы.

В этой связи необходимы научное обоснование и разработка эффективной региональной политики сбалансированного пространственного развития (с возможностью анализа складывающейся в регионах ситуации, построения сценарных прогнозов на будущее и внесения корректив в оперативном режиме). Согласно гипотезе, выдвинутой автором статьи, наиболее перспективным подходом для достижения долгосрочного сбалансированного (устойчивого) пространственного развития региона является научное обоснование и формирование

эколого-экономического каркаса социо-природного комплекса территории. Каркас территории – это система основных опорных элементов, взаимодействующих между собой. Опорные каркасы в зависимости от генезиса элементов можно условно поделить на 2 категории: природные и социально-экономические. Причем первоначальным, а следовательно, и основополагающим, является природный каркас территории, который, по мнению большинства исследователей, представляет собой систему взаимосвязанных участков территории, которые являются наиболее ценными по своим природным свойствам и качествам, обеспечивающих поддержание экологической устойчивости территории. Социально-экономический каркас тесно связан с природным каркасом, поэтому некоторые исследователи часто используют эти термины как синонимы.

Центр экономического пространства находится на мезоэкономическом уровне. Именно в мезо-среде инновации обладают наибольшей жизнестойкостью и легче вписываются в структуру социально-экономических институтов, демонстрируя при этом большее количество примеров эффективного применения и реализации. По мнению автора, любой новый значимый для экономики страны период, следует начинать именно с мезоэкономической сферы.

В целях обеспечения сбалансированного пространственного развития и сокращения уровня межрегиональной дифференциации в научно-технологическом развитии впервые предлагаются: принципы научного обоснования управленческих подходов, учитывающих эколого-экономические риски; показатели хозяйственной емкости территории; методы формализации эколого-экономического каркаса региона (узловые и линейные элементы), включая фактор трансграничности.

Проблема научного обоснования системного подхода при разработке и внедрении механизмов и инструментов сбалансированного (устойчивого) развития социо-природных комплексов в условиях динамических изменений глобальной экономики до настоящего времени носила сугубо теоретический, если не сказать, маргинальный характер. Сегодня растущая актуальность данной тематики приобретает ярко выраженный прикладной аспект.

Системное изучение (формализация проблем, целей, задач и методики их решения) региональных механизмов и инструментов экономически эффективной адаптации к современным изменениям с учетом специфики регионов, в том числе Сибири и Дальнего Востока, на сегодня не отвечает требованиям времени. В первую очередь, это связано с тем, что в современных исследованиях социально-экономических систем не представлен комплексный подход к решению задач адаптации социально-экономических систем исследуемых регионов к глобальным изменениям.

Так, в работах некоторых авторов рассмотрены отдельные аспекты исследуемой проблемы (Tong, Q. & Qiu, F. (2020). Population growth and land development: Investigating the bi-directional interactions. *Ecological Economics*, V.169, 106505; Bolognesi, T., Nahrath S.

(2020) *Environmental Governance Dynamics: Some Micro Foundations of Macro Failures*. *Ecological Economics*, V.170, 106555; Kangas, J., Ollikainen, M. (2019). Economic Insights in Ecological Compensations: Market Analysis With an Empirical Application to the Finnish Economy. *Ecological Economics*, V.159 p.54–67; Tardieu, L. & Tuffery, L. (2019). From supply to demand factors: What are the determinants of attractiveness for outdoor recreation? *Ecological Economics*, V.161, p.163–175; Дьяченко, А.В., Косильникова, Т.Л., Сизенева, Л.А. & Казиева, З.М. (2019) Метатеория влияния туристско-рекреационной деятельности на природные парки. *Сервис в России и за рубежом* Т. 13, № 1 (83)).

Частные вопросы влияния глобальных изменений на региональные социо-природные комплексы затрагиваются в работах Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Так, большое исследование посвящено энергетике и энергетической инфраструктуре («Инфраструктура пространственного развития РФ: транспорт, энергетика, инновационная система, жизнеобеспечение» / под ред. к.э.н. О. В. Тарасовой. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. 456 с.), однако вопросы сбалансированности развития социо-природных комплексов в работе не рассматриваются.

В исследовании «Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты» (под ред. Е. А. Коломак. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2020. 502 с.) дан обзор и анализ региональных программных документов регионов Сибирского Федерального округа, проведена большая работа по анализу ряда показателей социально-экономического состояния регионов СФО. Авторы отмечают значимость глобальных рынков для развития исследуемых территорий.

Авторы-исследователи перечисленных аспектов отмечают важность оперативного мониторинга состояния социо-природного комплекса и, соответственно, необходимости опираться в этих вопросах на современные исследования.

Исследование «Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений» (Щетинина И. В., Калугина З. И., Фадеева О. П., Чупин Р. И. // Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. 264 с.) рассматривает различные подходы к исследованию проблем, соответственно, продовольственной безопасности, в том числе и на региональном уровне.

Данный краткий обзор свидетельствует, что вопросы системной адаптации регионов Сибири и Дальнего Востока к глобальным изменениям являются актуальными, существует запрос на фундаментальные и прикладные исследования в этом направлении. Однако авторы исследований ограничиваются отдельными отраслями или направлениями: цифровизация (Вызовы цифровой трансформации и бизнес высоких технологий / Н. А. Кравченко, В. Д. Маркова, Н. П. Балдина и др. / под ред. д.э.н. Н. А. Кравченко, д.э.н. В. Д. Марковой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. – 352 с.), отдельные демографические аспекты сельских территорий (Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край [Текст]: коллективная монография / А. М. Сергиенко, О. Н. Колесникова, Ю. А. Перекаренко, Л. В. Родионова, О. А. Снегирева,

Е. В. Тарасова; под общ. ред. д.с.н. А. М. Сергиенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.), инновационные процессы (Развитие инновационной экономики: анализ, методы и модели // отв. ред. В. И. Суслов, науч. ред. О. В. Валиева, ИЭОПП СО РАН – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 440 с.) и ряду других.

Ученые Института экономических исследований ДВО РАН уделяют значительное внимание пространственному развитию регионов, рассматривая результаты реализации Государственной программы социально-экономического развития ДВФО на период до 2025 г. В то же время наблюдаемые сегодня глобальные трансформации являются беспрецедентными, поэтому к научным конкурентам можно отнести отдельных исследователей, в работах которых в недостаточной мере отражен системный (комплексный) подход к решению задач сбалансированного пространственного развития социо-природных комплексов. Разработанная гипотеза требует системного изучения и научного обоснования методик, механизмов и инструментов их решения.

Достижимость решения поставленных задач напрямую связана с реализацией политики государства по подготовке (и утверждению) государственных программ субъектов Российской Федерации в области научно-технологического развития, обеспечивающих взаимосвязь целевых показателей этих программ, отражающих развитие научно-технологического потенциала в пределах субъекта Российской Федерации, с аналогичными целевыми показателями государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое

развитие Российской Федерации»; формированию механизмов непрерывной поддержки названных важнейших инновационных проектов государственного значения на всех стадиях инновационного цикла – от проведения научных исследований до создания конкретных технологий и организации выпуска продукции на их основе, предусматривающих интеграцию указанных механизмов с существующими мерами государственной поддержки отдельных высокотехнологичных направлений, соответствующих целям и задачам таких проектов; созданию условий для опережающей профессиональной подготовки научных и инженерных кадров в интересах развития новых секторов экономики, предусмотренных названными важнейшими инновационными проектами государственного значения; повышению роли субъектов Российской Федерации в научно-технологическом развитии страны, в том числе в части развития научно-образовательных центров мирового уровня.

В заключение отметим такой важный, на наш взгляд, момент о том, что использование концепции эколого-экономического каркаса социо-природного комплекса территории стимулирует развитие (назовем его так) каркасного мышления. Он – эффективный интегратор. Это призывает мыслить стратегически: видеть крупные междисциплинарные проблемы, оперировать обширными территориями – зонами, макрорегионами, странами. Можно говорить о некоем «каркасном мышлении», его ориентирующем значении в вопросах, касающихся территориального устройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sycheva I. N., Glotko A. V., Permyakova E. S., Danilchik T. L., Usenko V. D. (2017) Prospects of production of ecologically clean agricultural products in the transboundary territories of the Great Altai // *Journal of environmental management and tourism*, V.8, № 7 (23), pp.1361–1372, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35761129>
2. Sycheva I. N., Belaya N. V., Permyakova E. S. (2017) Problems of manpower formation and use in a region with agro-industrial specialization // *ESPACIOS*, V.38, № 49, p.17? URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35519709>
3. Sycheva I. N., Svistula I. A. (2017) Cross-sectoral approach to improving integration processes in agro-industrial complexes // *ESPACIOS*, V.38, № 33, p.6, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31078664>
4. Sycheva I. N., Permyakova E. S., Voronkova O. Y., Ovchinnikov Y. L. (2017) Organic production at long-fallow lands as a strategic resource of the food import substitution policy // *ESPACIOS*, V.38, № 33, p.40, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=31083533>
5. Sycheva I. N., Glotko A. V., Petrova L. I., Vorozheikina T. M., Tolmachev A. V., Islamutdinova D. F. (2019) Environmental problems of processing industry in the agro-industrial complex of the region // *Journal of environmental management and tourism*, V.10, № 5 (37), p.974–983, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41341394>
6. Sycheva I., Voronkova O., Kovaleva I., Khasanova A., Gorovoy S., Vorozheykina T. (2019) Assessing the environmental impact of the intensification of agricultural production // *Journal of environmental management and tourism*, V.10, № 3 (35), p.697–705, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41795338>
7. Sycheva I. N., Kashirskaya L. V., Voronkova O. Yu., Sitnov A. A., Shichiyakh R. A., Kudinova M. G. (2019) Rural development through the formation of zonal agro-ecological clusters // *Journal of environmental management and tourism*, V.10, № 3 (35), p.651–659, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41170546>
8. Sycheva I. N., Voronkova O. Yu., Vorozheikina T. M., Yusupova G. R., Semenova A. N., Iljin A. E. (2019) The main directions of improving the environmental and economic efficiency of regional production // *Journal of environmental management and tourism*, V.10, № 3 (35), p.631–639, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41178396>

9. Glotko A. V., Sycheva I. N., Dunets A. N., Poltarykhin A. L., Zhuravlev P. V., Tubalets A. A. (2019) *Integration processes in the agro-industrial complex of the regions: development and environmental problems* // *Journal of environmental management and tourism*, V.10, № 3 (35), p.613–621, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41187498>
10. Sycheva I. N., Svistula I. A. (2017) *Cross-sectoral approach to improving integration processes in agro-industrial complexes* // *Revista espacios*, 2017, Vol. 38 (Nº 33).
11. *Мезоэкономика развития* /под ред. Г. Б. Клейнера – М.: Наука, 2010.

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Софронова В. А.

курсант

Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель – **Миняшева Г. И.**

кандидат юридических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России

Аннотация. В данной статье на основе историко-правового и компаративного анализа с одновременным получением достоверных данных о существующей в Российской Федерации системе мер уголовно-правовой борьбы с нецелевым расходованием бюджетных средств, совершенным должностным лицом, через призму статичного анализа норм законодательства и практики их применения, сделана попытка выявить недостатки конструирования и особенности правоприменения таких норм с обоснованием возможности использования ст. 285 УК РФ в качестве универсального и современного инструмента противодействия нецелевому расходованию бюджетных средств, совершенному должностным лицом. Была проанализирована эволюция уголовно-правового регулирования ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, совершенное должностными лицами, и выявлены закономерности формирования соответствующих уголовно-правовых запретов. Также были исследованы подходы зарубежных государств к уголовно-правовой охране бюджетных средств и определить возможность использования отдельных элементов зарубежного регулирования. Перспективы дальнейшей разработки обозначенного направления напрямую связаны с изменениями бюджетной системы и расширением субъектного состава бюджетных отношений.

Ключевые слова: экономическая безопасность, бюджетная сфера, бюджетные средства, должностное лицо, нецелевое расходование, охрана бюджетных средств.

Функционирование государства как сложной публично-властной системы объективно предполагает постоянное воздействие на социальные институты и экономические процессы. Общий объём денежных потоков, циркулирующих в экономике Российской Федерации, в силу масштабов национального хозяйства измеряется значительными величинами.

Динамика бюджетных расходов демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению, что дополнительно обостряет криминологические риски неправомерного воздействия на соответствующие финансовые потоки. По данным Министерства финансов Российской Федерации, расходы консолидированного бюджета за продолжительный период существенно возросли, что объективно расширяет «пространство» для злоупотреблений и ошибок в сфере расходования. Акцент на повышенной уязвимости бюджетной сферы в условиях социально-экономических напряжений согласуется с тем подходом к публичной безопасности. Материалы органов финансового контроля, фиксирующие количество выявленных

нарушений и объёмы средств, выступающих предметом соответствующих деяний, иллюстрируют масштаб проблемы и её устойчивость во времени. Хотя на отдельных временных отрезках статистические показатели могут демонстрировать снижение, подобные колебания не отменяют общей закономерности: бюджетная сфера остаётся зоной повышенного риска, где сочетание значительных денежных масс и многоступенчатых процедур расходования формирует благоприятные условия для неправомерных решений и злоупотреблений. Такая ситуация требует анализа не только «по линии» отраслевого бюджетного контроля, но и в плоскости уголовно-правовой охраны, включая оценку того, насколько действующие уголовно-правовые конструкции соответствуют реальным угрозам и фактическим способам совершения посягательств.

Государственная политика обеспечения экономической безопасности объективно включает меры различной отраслевой природы, среди которых уголовно-правовые запреты призваны выполнять

не исключительно карательную, но и превентивную функцию. На этом фоне закономерным стало выделение в уголовном законе специальных составов, непосредственно ориентированных на охрану целевого расходования публичных средств, в том числе закрепление самостоятельной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов. Подход к криминализации в данной сфере, как показывает позиция А. И. Бастрыкина, должен оцениваться через призму сочетания уголовно-правовых средств с иными формами государственного контроля, поскольку «одним законом» обеспечить финансовую дисциплину невозможно при слабости управленческих и контрольных механизмов.

Исследовательская реконструкция любого правового явления неизбежно оказывается ограниченной, если она не включает анализ генезиса и последующей трансформации соответствующего института. Уголовно-правовые запреты, будучи реакцией государства на социально значимые угрозы, особенно чувствительны к историческому контексту: меняется экономическая организация, усложняется публичное управление, перестраиваются контрольные механизмы, а вместе с ними корректируются и представления о допустимых пределах уголовно-правового принуждения. Поэтому обращение к истории ответственности за нарушения в финансово-бюджетной сфере имеет не справочно-описательное, а методологическое значение, позволяя выявить, какие элементы современной конструкции являются органическим продолжением прежних подходов, а какие – результатом ситуативного нормотворчества.

Специальная уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств относится к числу сравнительно поздних юридических конструкций, появившихся в уголовном законодательстве современной России в завершённом виде. Данное обстоятельство само по себе стимулирует постановку вопроса о наличии или отсутствии исторической «предтечи» рассматриваемого запрета, причём поиск такой предтечи нельзя ограничивать исключительно уголовно-правовыми источниками. Междисциплинарный характер охраны публичных финансов проявляется уже в ранних правовых памятниках: значимыми оказываются не столько прямые нормы о наказуемости, сколько правила, задающие режим казны, порядок санкционирования расходов, распределение полномочий и ответственность должностных лиц за нарушение финансовой дисциплины. В этом смысле привлечение широкого массива правовых актов, относимых к периоду от ранних договоров и до начала XXI века, методологически оправдано, поскольку позволяет не «подгонять» историю под современную диспозицию, а проследить реальное формирование предпосылок целевого расходования.

С учётом принципа историзма, на который указывает А. И. Чучаев, корректнее исходить из того, что институциональная логика уголовного права раскрывается через выявление оснований возникновения правовых запретов и их развития во взаимосвязи с эволюцией государственного механизма, финансового управления и доктрины. Отсюда вытекает и требование к периодизации: в рамках дореволюционного, советского и современного этапов целесообразно анализировать не только наличие формально уголовно-правовых норм, но и степень зрелости бюджетно-финансовых отношений, поскольку без развитого аппарата публичной власти и устойчивых процедур бюджетного контроля уголовно-правовая охрана целевого расходования в строгом смысле слова объективно не может быть полноценной¹.

Ранние источники – договоры Древней Руси с Византией, Русская Правда и иные памятники – демонстрируют отсутствие оформленных норм, адресованных защите бюджетных средств как самостоятельного объекта. Объяснение подобной лакуны, как правило, связывается с тем, что публичная власть ещё не обладала устойчивой административной инфраструктурой, а само понятие преступления конструировалось вокруг частноправовой «обида», что не оставляло пространства для детального нормативного описания посягательств на казну. Даже при обращении к Псковской судной грамоте, где встречаются положения о запрете «корыстоваться городскими кунами» и предписания к честному отправлению службы, обнаруживается преимущественно регулятивная, а не карательная логика: речь идёт о требованиях к поведению должностного лица и о правилах несения службы, тогда как полноценные уголовно-правовые составы служебных преступлений в современном понимании ещё не выстраиваются.

Укрепление государственности и усложнение финансового управления постепенно формируют предпосылки для того, чтобы целевой характер собираемых средств начал восприниматься как юридически значимый принцип. В Соборном уложении 1649 года прямой аналог нецелевого расходования не просматривается, однако нормы о пошлинах и обязанностях по содержанию объектов, на которые эти пошлины направляются, косвенно фиксируют идею обусловленности расходования заранее заданной целью. Ещё более наглядно данная идея проявляется в указах и резолюциях, предусматривающих запрет расходования казённых денег без высочайшего разрешения, а также в актах, прямо исключающих возможность «переназначения» средств, выделенных на конкретные потребности ведомств или укреплений. При этом в большинстве подобных предписаний санкция выражается неопределённо или формулируется через угрозу взыскания, что позволяет говорить о переходном состоянии правового регулирования: целевая дисциплина утверждается,

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией А. И. Чучаева. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 258.

но уголовно-правовой механизм её защиты остаётся фрагментарным и зависит от конкретной управленческой ситуации.

Кодификация уголовного законодательства середины XIX века, воплощённая в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, знаменует более высокий уровень уголовно-правовой защиты публичных финансов: закрепляются составы, ориентированные на присвоение, растрату и иные злоупотребления казёнными суммами, вводится дифференциация ответственности с учётом возмещения ущерба и момента его возмещения, а также просматриваются элементы дополнительной ответственности тех, кто осуществляет надзор. Вместе с тем и в этом источнике, несмотря на масштабность охвата финансовых нарушений, не формируется конструкция, совпадающая по логике с современным нецелевым расходованием: акцент делается либо на корыстном обращении с казёнными средствами, либо на нарушениях финансовой дисциплины в части учёта, хранения и выдачи. Подобное смещение центра тяжести важно учитывать при оценке последующих этапов: дореволюционная модель преимущественно защищает казну от присвоения и расхищения, тогда как запрет «не по назначению» как самостоятельная уголовно-правовая проблема лишь намечается и не получает законченного выражения. В этой связи позиция А. Г. Кибальника о зависимости эффективности уголовно-правовой охраны от точности описания объективной стороны и её доказуемости приобретает прикладной смысл именно при сопоставлении исторических подходов с современным составом, ориентированным на формально-целевой критерий расходования².

Советский период, при всей масштабности правотворчества в сфере финансового управления и контроля, не вырабатывает устойчивой традиции специальных уголовно-правовых норм, специально «привязанных» к нецелевому расходованию. Нормативные акты первых лет советской власти жёстко закрепляют режим целевого использования кредитов и порядок ревизий, а незаконное распоряжение государственными ценностями нередко приравнивается к посягательствам на народное достояние, что переводит проблему в плоскость преступлений против собственности либо общих должностных злоупотреблений. Уголовные кодексы РСФСР, начиная с кодификации 1922 года и далее, опираются преимущественно на общедолжностные составы, которые при определённой интерпретации могли охватывать и неправомерные решения в бюджетной сфере, но не формируют специальной конструкции, основанной на критерии целевого назначения расходов как самостоятельном уголовно-правовом признаке.

Современный этап демонстрирует возврат к идее специализированного запрета уже в рамках российского уголовного закона: длительное время квалификация соответствующих деяний осуществлялась через норму

о злоупотреблении должностными полномочиями, что в целом согласуется с советской традицией «общего состава» для служебных нарушений. Выделение в 2003 году самостоятельной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, по сути, означает институциональное разъединение близких по природе форм служебного злоупотребления и попытку точнее описать опасное поведение в бюджетной сфере. Примечательно, однако, что мотивы такого нововведения в материалах законодательного процесса не выглядели центральными, что позволяет рассматривать появление специальной нормы как результат совмещения разных направлений уголовно-правовой политики, а не как закономерное завершение длительного исторического движения именно к составу «нецелевого расходования».

Историко-правовая ретроспектива в итоге показывает неоднородность и прерывистость формирования уголовно-правовой защиты бюджетных средств: на разных этапах государство последовательно накапливало регулятивные и контрольные средства обеспечения целевого характера расходов, однако уголовно-правовая компонента развивалась скачкообразно, то концентрируясь на пресечении хищений и злоупотреблений с корыстной окраской, то вновь «возвращаясь» к общим должностным составам, способным охватывать финансовые нарушения лишь опосредованно. Такая логика исторического развития позволяет обоснованно сомневаться в том, что появление специальной нормы о нецелевом расходовании следует воспринимать как естественную кульминацию последовательной эволюции; скорее, речь идёт о позднем нормативном конструкте, чья практическая реализуемость и согласованность с бюджетным регулированием требуют отдельной оценки уже в плоскости качества законодательной техники и правоприменительной воспроизводимости.

Охрана бюджетных средств в современных условиях приобретает значение самостоятельного направления публично-правовой политики: стабильность бюджетного процесса прямо влияет на способность государства реализовывать социальные обязательства, обеспечивать функционирование публичной администрации и поддерживать доверие к финансовой дисциплине. При этом национальные модели правовой защиты бюджетных ресурсов неизбежно различаются, поскольку зависят от исторически сложившихся институтов контроля, конфигурации бюджетной системы и места уголовного права в механизме обеспечения финансовой законности. Одновременно усиливающиеся интеграционные связи и взаимное проникновение правовых решений способствуют выравниванию подходов к криминализации деяний, затрагивающих публичные финансы, что повышает эвристическую ценность сравнительно-правового анализа для уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики.

² Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 325.

Сравнительный метод в рамках рассматриваемой проблематики используется не как самоцель, а как инструмент выявления устойчивых конструкций ответственности и уточнения границ уголовно-правового запрета. Сопоставление правопорядков позволяет обнаружить как совпадающие элементы правовой оценки нарушений бюджетного назначения, так и различия в трактовке предмета посягательства, субъекта и санкционного решения. В основе такого исследования лежит логическая операция сравнения, ориентированная на установление сходства и различия правовых феноменов, принадлежащих различным государственным системам, включая анализ в ретроспективе при оценке законодательной динамики.

В традиции отечественной науки исследования ответственности за нарушения бюджетного назначения уже осуществлялись, однако накопленный материал требует расширения и актуализации в связи с последующими изменениями зарубежных уголовных кодексов и развитием международных стандартов финансовой защиты. В логике, близкой позиции А. И. Чучаева, сравнительно-правовой материал оправдан тогда, когда он служит прояснению уголовно-правовой характеристики деяния и позволяет реконструировать волеизъявление законодателя через сопоставление норм, их редакций и практики применения, а не подменяет уголовно-правовой анализ простым перечислением иностранных источников³.

С методологической точки зрения отбор государств для сопоставления рационально подчинять критериям юридико-технической сопоставимости и институциональной близости: значимыми оказываются принадлежность к родственной правовой семье, наличие продолжительных исторических и административных связей с российской правовой системой, а также интенсивность политико-экономических контактов, повышающая вероятность рецепции правовых моделей. При подобном подходе расширение корпуса анализируемых актов позволяет не только зафиксировать текущий спектр решений, но и проследить тенденции: где законодатель сохраняет нейтральное регулирование через общие должностные составы, а где формирует специальные запреты, адресованные нарушениям бюджетного назначения.

Эмпирический срез зарубежного законодательства обнаруживает преобладание модели, при которой специальные составы, прямо ориентированные на охрану бюджетных средств, отсутствуют, а уголовно-правовая реакция строится посредством общих норм о должностном злоупотреблении и близких по конструкции деликтов. Подобное решение означает, что неправомерные действия с публичными финансовыми ресурсами «растворяются» в общем массиве должностных посягательств, а специфичность бюджетного назначения учитывается, главным образом, на уровне фактических обстоятельств и индивидуализации наказания. Вместе с тем меньшая группа правопорядков, закрепляющих специальные

нормы, демонстрирует разнонаправленность юридической техники: от лаконичного указания на нецелевое использование до детализированных диспозиций и бланкетных конструкций, требующих системного обращения к бюджетному законодательству.

Внутри массива специальных норм просматриваются как решения, близкие к «классическому» описанию запрета, так и варианты, уводящие регулирование в нетипичные для российского права формулы. Показателен пример Азербайджана, где криминализация «неиспользования по назначению» средств государственного бюджета и целевых фондов увязана с размером деяния и при этом не связывается прямо с обязательным наличием статуса должностного лица, что расширяет субъектный охват и, следовательно, усиливает потенциал охраны. В доктринальном ключе, соотносимом с подходом А. В. Наумова к оценке специальных составов как инструментов дифференциации ответственности, подобная конструкция позволяет трактовать деяние как разновидность злоупотребления в тех случаях, когда нарушитель действует в рамках публичной службы, но одновременно сохраняет возможность уголовно-правовой реакции и при ином статусе лица, если оно фактически распоряжается публичными ресурсами.

Санкционные решения в ряде государств выявляют важную закономерность: специальные бюджетные составы нередко формируются как привилегированные по отношению к общему должностному злоупотреблению, что проявляется в меньших сроках лишения свободы и в акценте на дисквалификационных мерах либо штрафах. На материале Албании это видно особенно отчетливо: при наличии самостоятельного запрета на неправомерное использование финансирования, предоставленного для общественно значимых мероприятий, общая норма о должностном злоупотреблении предусматривает существенно более строгую карательную реакцию, в результате чего специальный состав утрачивает смысл «усиленной охраны» и начинает восприниматься как мягкий вариант ответственности. В сопоставимых правопорядках Латинской Америки и Европы встречаются аналогичные конструкции: санкция специальной нормы понижена относительно общего злоупотребления, что методологически заставляет усомниться в корректности законодательной оценки общественной опасности бюджетных посягательств, поскольку отвлечение публичных средств практически всегда сопряжено с подрывом целей бюджетного назначения и снижением эффективности публичного управления.

Определенный интерес представляют правопорядки, допускающие особые основания освобождения от ответственности или вводящие дополнительную защиту наднациональных финансовых интересов. Болгарская модель, предусматривающая возможность освобождения при отмене незаконного административного акта и полном возмещении средств до завершения рассмотрения дела судом первой инстанции,

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией А. И. Чучаева. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. С. 251.

демонстрирует ориентированность на восстановление нарушенного бюджетного баланса и на стимулирование добровольной компенсации. Одновременно отдельные государства включают в уголовные кодексы нормы, прямо адресованные защите финансовых ресурсов Европейского союза, что отражает углубление интеграционных процессов и перенос акцента с исключительно национального бюджета на сложную систему управляемых Союзом средств и активов.

В группе «неклассических» решений заметно выделяется узбекская модель, где уголовно-правовая охрана строится через категорию нарушения бюджетной и сметно-штатной дисциплины, а диспозиция приобретает выраженный бланкетный характер и фактически раскрывается через положения бюджетного кодекса. Такая техника позволяет согласовать уголовно-правовой запрет с финансово-правовыми дефинициями и устранить расхождения в объеме понятия «нарушение бюджетной дисциплины», однако одновременно повышает зависимость уголовно-правовой квалификации от точности бюджетного регулирования и административной практики. Позиционно близкая рассуждениям А. Г. Кибальника о значении системной согласованности отраслевых дефиниций для уголовного закона, данная модель демонстрирует, что эффективность криминализации во многом определяется не «жесткостью» санкции, а корректностью нормативных связей между уголовным и бюджетным массивами⁴.

Казахстанский опыт иллюстрирует иной вектор: при отсутствии прямого аналога российской нормы о нецелевом расходовании бюджетных средств уголовно-правовая реакция реализуется через злоупотребление должностными полномочиями, тогда как специальная криминализация появляется фрагментарно и адресуется, например, нецелевому использованию средств, полученных от размещения облигаций, что в публичном секторе способно выполнять функцию защиты бюджетной системы через охрану связанных финансовых потоков. Кыргызский материал в ретроспективе показывает, что отказ от прямой нормы об незаконном использовании бюджетных средств может компенсироваться усилением ответственности за должностное злоупотребление и введением специальных составов, «покрывающих» рискованные зоны, прежде всего сферу государственных закупок, где неправомерное расходование бюджетных ресурсов часто проявляется в заведомо невыгодных для государства контрактах. Молдавская конструкция, связывающая уголовную ответственность с нецелевым использованием внутренних займов и внешних фондов при отсутствии признаков хищения, подчеркивает зависимость уголовно-правовой политики от финансовой структуры бюджета и значимости внешних источников для покрытия дефицита, вследствие чего предмет посягательства формулируется шире привычной категории «бюджетные средства».

Европейские правовые порядки, такие как Австрия, демонстрируют нормативную оптимизацию: общая норма

о злоупотреблении финансированием строится вокруг идеи использования публичных ассигнований вопреки цели предоставления, а специальные составы защищают финансовые интересы Европейского союза, включая случаи управления средствами и активами. В Словакии защита средств Европейского союза (далее – ЕС) институционально отделяется от национальной бюджетной охраны и фактически уступает по строгости санкциям за должностное злоупотребление, что вновь возвращает к проблеме привилегированности специальных бюджетных составов. Финляндская модель, напротив, демонстрирует редкую ситуацию совпадения санкционных рамок для злоупотребления служебным положением и для неправомерного использования грантов либо средств ЕС определенным субъектом, что указывает на иной законодательный взгляд на сопоставимую общественную опасность соответствующих посягательств.

Монгольский уголовный закон представляет пример детализированной диспозиции, в которой перечисляются конкретные способы незаконного расходования бюджетных средств, включая закупочные манипуляции, завышение цен и отчуждение имущества по цене ниже рыночной. Подобная казуистичность усиливает наглядность запрета и облегчает отнесение типичных схем к уголовно-правовой сфере, однако создает риск пробелов: действия, причиняющие сопоставимый вред бюджету, но не укладывающиеся в перечень, могут оказаться вне прямого охвата. Существенным достоинством монгольской модели выступает расширенное понимание субъекта как бюджетного управляющего, охватывающее весь спектр лиц, участвующих в планировании, распределении и исполнении бюджета, что при сопоставлении с российским подходом к субъекту нецелевого расходования позволяет рассматривать монгольское решение как более функционально ориентированное на реальную структуру бюджетного процесса.

Таким образом, в обобщающем плане сравнительно-правовой материал позволяет утверждать, что уголовно-правовая охрана бюджетных средств реализуется либо через общие должностные составы, либо через специальные нормы, причем количественно чаще преобладает первая модель. Специальные нормы формулируются как в «прямом» виде, фиксирующем сам факт нецелевого либо неправомерного расходования, так и посредством бланкетных или узкопредметных конструкций, привязанных к финансово-правовым категориям, к внешним фондам, к рынку ценных бумаг либо к национальным финансовым интересам. Санкционные решения в большинстве правовых порядков сочетают штрафные меры, ограничения свободы и дисквалификационные последствия, однако нередко специальный состав оказывается мягче общего должностного злоупотребления, что свидетельствует о распространенной тенденции недооценки общественной опасности бюджетных посягательств при формальном разграничении составов.

⁴ Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 152.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СБЫТ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Назаров М. П.

курсант

Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель – **Миняшева Г. И.**

кандидат юридических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России

Аннотация. Проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ остается одной из наиболее острых угроз национальной безопасности, здоровью населения и общественному порядку. В последние десятилетия характер наркопреступности претерпел качественную трансформацию, обусловленную стремительным развитием цифровых технологий. Современный наркорынок практически полностью переместился в виртуальное пространство. Использование теневого сегмента интернета (Darknet), мессенджеров с высокой степенью шифрования (например, Telegram), криптографических платежных систем и бесконтактных способов передачи («закладок») позволяет преступным сообществам сохранять высокий уровень анонимности. Дистанционный характер взаимодействия между продавцом и покупателем значительно затрудняет процесс выявления, документирования и доказывания преступной деятельности.

Ключевые слова: преступления, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, психотропные вещества, киберпреступления, криптовалюта, информационные технологии

Трансформация наркопреступности в условиях цифровизации диктует необходимость глубокой ревизии диспозиции статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Действующая редакция пункта «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), не в полной мере отражает технологическую сложность современных способов совершения данного деяния. Проблема заключается в чрезмерной обобщенности термина «использование сетей», который охватывает как примитивную переписку в мессенджерах, так и функционирование децентрализованных торговых площадок в теневом сегменте интернета (Darknet). Совершенствование нормы требует дифференциации ответственности в зависимости от степени вовлеченности технологического инструментария в процесс распределения наркотиков, а также уточнения момента окончания преступления при бесконтактном способе сбыта.

Существующая правовая конструкция не учитывает специфику использования автоматизированных скриптов и ботов в мессенджерах Telegram, Signal и Element, которые минимизируют участие человека в транзакциях. Уголовно-правовая норма должна быть дополнена указанием на использование программных алгоритмов, обеспечивающих автоматизацию сбыта, что повышает общественную опасность за счет масштабируемости преступной деятельности. Необходимо внедрение квалифицирующего признака, касающегося администрирования информационных ресурсов, специально созданных

для реализации запрещенных веществ. Это позволит разграничить рядовых исполнителей («закладчиков») и лиц, обеспечивающих техническую инфраструктуру сбыта (программистов, модераторов, системных администраторов), чья деятельность в текущий момент часто квалифицируется по общим нормам о соучастии, что не всегда соразмерно их вкладу в преступный результат.

Момент окончания сбыта при использовании информационных технологий (ИТ) нуждается в нормативном уточнении. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 указывает, что сбыт признается оконченным с момента выполнения лицом всех действий по передаче товара. Однако в цифровой среде «передача» разбивается на этапы: размещение предложения на витрине Darknet-магазина, получение оплаты в криптовалюте, загрузка координат тайника в базу данных, передача этих координат покупателю. Предлагается закрепить в законе, что при бесконтактном способе сбыт считается оконченным с момента направления покупателю сообщения, содержащего сведения о месте нахождения наркотического средства, при условии предварительного размещения товара в указанном месте. Это устранил неопределенность при разграничении покушения и оконченного состава в случаях, когда покупатель не успел забрать товар по независящим от него обстоятельствам.

Необходимо совершенствование нормы в части ответственности за создание и распространение программного обеспечения, предназначенного исключительно для функционирования наркошопов. Речь идет о CMS-системах для теневых площадок, специализированных приложениях для курьеров с функцией автоматического удаления

метаданных фотографий (EXIF) и шифрования координат. Включение в УК РФ специальной нормы или дополнение статьи 228.1 частью, предусматривающей ответственность за технологическое обеспечение сбыта, позволит привлекать к ответственности «цифровых архитекторов» наркобизнеса, которые в данный момент зачастую остаются вне рамок уголовного преследования из-за отсутствия прямого контакта с наркотиками.

Проблема анонимизации требует введения нового отягчающего обстоятельства – совершение преступления с использованием средств шифрования и сокрытия IP-адреса. Это обосновано тем, что использование таких технологий значительно затрудняет выявление преступления и идентификацию виновного, требуя от правоохранительных органов привлечения дорогостоящих экспертных ресурсов. Повышенная санкция за использование средств анонимизации будет стимулировать отказ от профессиональных методов конспирации и обеспечит превентивное воздействие на технически грамотных участников наркорынка.

Совершенствование уголовно-правовой нормы должно затронуть и вопросы вовлечения несовершеннолетних в сбыт через игровые платформы и социальные сети. Использование игровых механик («геймификация» сбыта) и вербовка через In-game чаты требуют выделения в отдельный квалифицирующий признак. Текущая редакция статьи 150 УК РФ не всегда эффективно работает в цифровой среде, где вербовщик может не осознавать возраст вовлекаемого лица из-за анонимности профиля. Предлагается установить презумпцию осознания возраста при использовании определенных каналов коммуникации, популярных среди молодежи, либо усилить ответственность за сбыт, осуществляемый через платформы с преимущественно подростковой аудиторией.

В контексте международного сотрудничества норма об ИТ-сбыте должна учитывать возможность совершения деяния в составе транснациональных организованных групп. Цифровая среда позволяет координировать поставки из-за рубежа без физического пересечения границы организаторами. Необходимо синхронизировать диспозицию статьи 228.1 УК РФ с международными конвенциями в части определения «электронных доказательств», чтобы квалификация деяния могла опираться на данные, полученные из серверов, находящихся под иностранной юрисдикцией, если это предусмотрено двусторонними договорами.

Важным аспектом является разграничение сбыта и пропаганды наркотиков в сети (статья 6.13 КоАП РФ). Часто грань между рекламой магазина и предложением конкретной дозы размыта. Уголовный закон должен четко определять, что размещение гиперссылок на ресурсы, осуществляющие сбыт, или QR-кодов с аналогичным содержанием, является формой пособничества в сбыте, а не просто административным правонарушением. Это позволит эффективно пресекать деятельность «трафаретчиков» и лиц, занимающихся агрессивным маркетингом наркотиков в городской среде и интернете.

Интеграция искусственного интеллекта в системы мониторинга и анализа трафика требует правового закрепления возможности использования результатов работы

AI при квалификации содеянного. Если система сбыта управляется нейросетью, генерирующей маршруты для курьеров и распределяющей финансы, ответственность должна ложиться на лицо, осуществившее запуск и настройку данной системы. Требуется уточнение понятия «использование информационных технологий» за счет включения в него систем искусственного интеллекта и автономных программных комплексов.

Необходимо пересмотреть подход к конфискации имущества при ИТ-сбыте. Статья 104.1 УК РФ должна быть дополнена положениями, упрощающими изъятие цифровых активов, включая криптовалюты, NFT и права на доменные имена, использовавшиеся в преступных схемах. Без лишения наркоорганизаций их цифровой инфраструктуры и накопленного криптокапитала уголовное наказание в виде лишения свободы отдельных участников не достигает целей исправления и предупреждения новых преступлений, так как структура легко восстанавливается новыми исполнителями.

Развитие нормы должно идти по пути детализации способов воздействия на потребителя. Использование таргетированной рекламы, алгоритмов рекомендаций в социальных сетях для предложения наркотиков должно рассматриваться как более опасная форма сбыта, чем пассивное ожидание покупателя на торговой площадке. Это обусловлено агрессивным формированием спроса и вовлечением лиц, ранее не имевших намерения приобретать запрещенные вещества. Установление ответственности за «активное цифровое предложение» позволит эффективнее бороться с современными методами наркомаркетинга.

Процессуальное закрепление цифровых следов как основы для материально-правовой квалификации требует внесения изменений в примечания к статье 228.1 УК РФ. Необходимо определить статус «электронного образа наркотического средства» (фотографии товара в месте закладки) как доказательства оконченного сбыта. Сегодня классическое задержание преступника «на месте преступления» становится редкостью. Реалии изменились: теперь фундаментом обвинения становятся не вещественные доказательства в руках, а цифровой след – скриншоты, серверные логи и информация о соединениях (биллинг). Нашему уголовному законодательству необходимо перестроиться и научиться работать с такими уликами так же эффективно, как и с физическими предметами.

Преступления, совершенные через интернет, все чаще пересекаются с угрозами информационной безопасности. Когда наркоторговцы используют взломанные чужие профили или задействуют государственные сервисы, это не просто технический нюанс – это полноценное посягательство на цифровую инфраструктуру. Логичным было бы применять здесь совокупность наказаний: привлекать виновных не только за наркотики, но и за преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ). Настало время признать, что использование ИТ-технологий – это не просто средство коммуникации, а квалифицирующий признак, который прямо указывает на масштабность и опасность содеянного для общества.

Кроме того, преступный мир активно внедряет скрытые методы обмена данными, например, стеганографию, когда координаты тайников прячут внутри обычных фотографий. Если законодатель будет пытаться перечислять в нормах конкретные технические устройства или софт, закон безнадежно устареет еще на этапе принятия. Эффективный подход – отказаться от закрытого перечня инструментов в пользу широкой формулировки. Достаточно закрепить, что любой способ дистанционного взаимодействия, исключая личный контакт, является способом совершения преступления. Это избавит законодателей от необходимости постоянно «догонять» технический прогресс и править Уголовный кодекс при каждом обновлении протоколов связи.

При определении наказания за наркоторговлю в сети пора учитывать масштаб охвата аудитории. Очевидно, что преступник, выставивший товар на крупной площадке с десятками тысяч посетителей, представляет куда большую угрозу, чем тот, кто просто переписывается в мессенджере с парой знакомых. Если мы закрепим в законе отдельный признак – распространение через общедоступные ресурсы, – это поможет судам различать опасных организаторов масштабных «наркомаркетов» и мелких розничных сбытчиков.

Кроме того, нельзя игнорировать тот факт, что наркотрафик в интернете тесно переплетен с криптоэкономикой, которая часто используется для финансирования экстремизма и терроризма. Статья 228.1 УК РФ нуждается в обновлении: нужно четко прописать механизмы отслеживания транзакций в цифровых валютах. Задача уголовного права здесь – не просто наказать продавца наркотиков, а научиться вычислять цепочки, по которым деньги от «дури» уходят на деструктивную политическую деятельность. По сути, технологии стали тем «мостиком», который соединяет обычный наркобизнес с угрозами национальной безопасности, и законодательство должно этот мостик оперативно перекрывать. Проблема «цифровых посредников» – лиц, оказывающих услуги по обмену фиатных денег на криптовалюту для покупателей наркотиков (так называемые р2р-обменники), – также нуждается в правовой оценке. Если лицо заведомо осознает, что его услуги используются для обеспечения расчетов в наркобизнесе, его действия должны квалифицироваться как соучастие в сбыте. Уточнение субъективной стороны в норме об ИТ-сбыте позволит привлекать к ответственности лиц, создающих финансовые шлюзы для теневого рынка.

Совершенствование законодательства должно учитывать и возможности облачных технологий. Хранение баз

данных покупателей и координат тайников в облачных хранилищах за пределами РФ требует разработки механизмов заочного осуждения и признания таких данных достаточными для квалификации деяния как совершенного организованной группой. Применение уголовного закона в этой части должно быть направлено на разрушение цифрового ядра преступной организации, а не только на задержание низовых звеньев.

Реформирование статьи 228.1 УК РФ в части ИТ-сбыта должно сопровождаться разработкой методических рекомендаций для судей, где будут разъяснены технические термины и критерии оценки цифровых доказательств. Это обеспечит предсказуемость правосудия и исключит ошибки при квалификации сложных многоуровневых схем распространения наркотиков, включающих использование API, SDK и других программных инструментов.

Системный подход к изменению уголовного закона позволит создать эффективный барьер на пути распространения наркоугрозы в цифровом пространстве. Это требует не только ужесточения санкций, но и точной юридической дефиниции новых форм преступного поведения, возникающих на стыке высоких технологий и наркоторговли. Только через детализацию диспозиции и учет технологических особенностей сбыта можно достичь адекватности уголовно-правового воздействия современным вызовам.

Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за сбыт наркотиков с использованием информационных технологий требует перехода от формального упоминания «сетей» к детальному описанию технологических способов совершения преступления. Ключевыми направлениями реформирования являются: закрепление момента окончания бесконтактного сбыта в момент передачи координат товара, введение ответственности за техническое администрирование и программное обеспечение наркоторговли, признание использования криптовалют и средств анонимизации квалифицирующими признаками. Необходимо законодательно разграничить роли участников цифровых наркосообществ, выделив организаторов инфраструктуры в категорию субъектов с повышенной ответственностью. Реализация данных предложений позволит привести уголовный закон в соответствие с фактическим характером общественных отношений в цифровой среде, обеспечит неотвратимость наказания для «высокотехнологичных» звеньев наркобизнеса и создаст правовую базу для эффективного международного противодействия трансграничным кибернаркоугрозам.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая. 1996 г.: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Рос. газ. 1996. 25 июня.
2. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10 дек. 1997 г.: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 дек. 1997 г. // Рос. газ. 1998. 15 января.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2026).

4. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 1998 № 681. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2026).

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Пыкин Денис Игоревич

магистрант

Амурский государственный университет,

г. Благовещенск, Россия

Аннотация: автором проведен анализ становления и развития системы наказаний в период с XV по XX век. Установлено, что уголовное законодательство в целом и институт наказания в частности были неразрывно связаны с общими политическими и социально-экономическими событиями в стране. Сделан вывод о том, что на каждом историческом этапе система наказаний развивалась в соответствии с национальными ценностями страны и общественным укладом. Проанализировав уголовное законодательство России дореволюционного периода, можно утверждать, что оно в целом соответствовало аналогичному законодательству развитых европейских стран.

Ключевые слова: система наказаний, памятники права, уголовное законодательство, лишение прав, преступление, дореволюционный период

Необходимость рассмотрения системы наказаний и их классификации в науке уголовного права дореволюционной России обуславливается потребностью в выявлении динамики взглядов на наказание, а также подходов к формированию наказаний в данную эпоху. Это позволит выявить тенденции развития данных сущностей на последующие этапы развития пенологии в нашей стране.

Судебник 1497 г. является первым крупным документом, которым регламентируются наказания за преступления. Их основными видами являются штраф, телесные наказания и смертная казнь. Как замечает И. В. Упоров, по сравнению с Русской Правдой штраф стал использоваться более редко, тогда как сфера телесных наказаний и смертной казни расширилась. При этом, телесные наказания в стране будут существовать в уголовном праве вплоть до 1863 г. Особенностью же самих наказаний является отсутствие четкой процессуальной регламентации их исполнения, в результате чего реализация наказания часто осуществлялась способами, которые считались допустимыми в каждом конкретном случае. Отмечается также и тот факт, что в данном документе отсутствует тюремное заключение, что можно объяснить отсутствием необходимой инфраструктуры для этого⁵. В качестве телесного наказания в документе присутствует битьё кнутом (ст. 10 и 62), включая случай т.н. «торговой казни», когда битьё осуществлялось при скоплении народа. Членовредительские наказания в тексте данного судебного кодекса отсутствуют, хотя практика их применения уже существовала.

Особенностью Судебника 1550 г. в части системы наказаний является включение в неё тюремного

заключения. Как указывают А. В. Звонов и О. В. Рас-торопова, в качестве наказаний в данном судебнике выступали:

- денежное взыскание (ст. 8, 11, 12, 26, 33, 35, 37–39, 45, 65, 77);
- телесное наказание – битьё кнутом (ст. 5, 6, 28, 55, 58);
- тюремное заключение (ст. 4, 6, 8–13, 33, 34, 42, 44, 47, 52–56, 58, 67, 71);
- торговая казнь (ст. 5, 6, 8–11, 28, 32–34, 42, 47, 53–55, 99);
- опала от царя (ст. 7);
- увольнение со службы (ст. 28, 32);
- смертная казнь (ст. 52, 56–57, 59–61);
- конфискация имущества (ст. 52, 56–57, 59–61, 72, 90, 92)⁶.

Следует отметить, что для наказания в виде тюремного заключения предусматривались как варианты с установленным сроком, так и «до смерти», то есть, пожизненное заключение, которое применялось в отношении «лихих людей» (профессиональных преступников) за совершение преступления, при котором они были взяты с поличным (ст. 52), либо при повторной краже (ст. 56). Под опалой подразумевается «... гнев государев, по достоинствам людей и преступлений». Она подразумевала ряд ограничений, таких, как запреты ездить ко двору или со двора, вместе с запретом на ношение чёрного платья, проживание в деревне, лишение чинов, либо заключение в тюрьму⁷.

Нетрудно заметить, что в составе наказаний данного Судебника присутствуют наказания, которые сейчас

⁵ Упоров, И. В. Уголовно-правовые нормы в Судебниках 1497 и 1550 годов // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 3–1. С. 245.

⁶ Звонов, А. В. Система уголовных наказаний по законодательству периода централизации государства российского // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 126.

⁷ Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 7. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. С. 291.

можно было бы отнести к административным (опала, увольнение со службы). Кроме того, для Судебника характерен открытый список наказаний, для взяточничества (ст. 3) и нарушения административных процедур по делам (ст. 44) наказание определялось Государем. Как правило, данное наказание присовокуплялось к регламентированному.

Применялись и сочетания наказаний, такие, как торговая казнь и заключение в тюрьму (ст. 6, 8, 33, 34 и др.), в отдельных случаях (ст. 53, 54) к ним добавлялось также денежное взыскание. Применялась и отдача на поруки (ст. 12, 56, 57, 58, 72) как замена смертной казни. До момента нахождения поручителя лицо находилось в тюрьме.

Дальнейшее развитие система наказаний получила в рамках Соборного уложения 1649 г. В отличие от Судебника 1550 г. количество видов наказаний было расширено. Также, как и в случае предыдущих рассмотренных судебников, в Соборном уложении 1649 г. было возможным применение нескольких видов наказания. Нередки ситуации, когда использовалось два или даже три наказания последовательно. Например, за нанесение ранений в церкви предусматривались торговая казнь, месячное содержание в тюрьме, а также двойная компенсация бесчестия (ст. 5 глава 1). При этом, само уложение строгой системы наказаний не устанавливало⁸.

Следующим этапом развития уголовного законодательства было принятие Свода законов Российской Империи 1832 г., развитием которого являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В его рамках выделялись две группы наказаний – уголовные и исправительные (ст. 18, Том 15). В качестве уголовных наказаний в данном документе устанавливались (ст. 19):

- смертная казнь;
- ссылка на каторжные работы;
- телесные наказания;
- ссылка на поселение в Сибирь или за Кавказ⁹.

Рассматривая данные уголовные наказания можно прийти к заключению о том, что законодательство того периода нацеливалось не только на причинение наказанному лицу физических страданий, но также и стремилось к исключению такого лица из активной общественной жизни, то есть, намеренно десоциализировало его, путём изоляции в наименее населённых регионах страны, разрыве связей с окружением, включая ближайшее – супругов и детей. Этому же способствовали и позорящие наказания, выражавшиеся в клеймении

и публичных телесных наказаниях. Учитывая тот факт, что доля населения, приравненная к дворянству, в отношении которых публичные наказания не применялись, была невелика, можно предполагать их широкое распространение на практике.

Отдельно выделялись исправительные наказания, которые, в отличие от уголовных наказаний, предполагали меньший уровень суровости, они назначались, в отличие от уголовных наказаний, за маловажные преступления и проступки, и состояли из таких наказаний, как:

- потеря всех особенных прав и преимуществ и ссылка на поселение в отдалённые регионы Сибири, либо удары розгами и отдача в арестантские роты и потеря прав и преимуществ;
- ссылка на житьё в отдалённые губернии (кроме Сибирских), либо заключение в рабочем доме с потерей прав и преимуществ;
- временное заключение в крепости, в смиренном доме, в тюрьме;
- кратковременный арест;
- выговоры в присутствии суда, замечания и внушения, денежные взыскания¹⁰.

Последним в дореволюционную эпоху нормативным документом, регламентирующим уголовные наказания, являлось Уголовное уложение 1903 г. В нём устанавливались такие виды наказаний за преступления, как (ст. 2): «1) смертная казнь; 2) каторга; 3) ссылка на поселение; 4) заключение в исправительном доме; 5) заключение в крепости; 6) заключение в тюрьме; 7) арест; 8) денежная пеня»¹¹. В наказаниях отсутствует деление на уголовные и исправительные, что являлось избыточным в условиях, когда критерий деления не определён в тексте. Также, как и в случае законов 1832 и 1845 годов, в тексте Уголовного уложения 1903 г. принят подход к перечислению наказаний от наиболее к менее суровым. При этом, в отличие от них в новом акте смертная казнь совершалась через повешение (ст. 15), тогда как ранее её способ выбирался судом (ст. 20). Одновременно с этим, законодатель отошёл в исполнении смертной казни от публичности, в результате чего она должна была проводиться непублично.

Как отмечает Е. А. Шамина, в качестве дополнительных наказаний в тексте Уложения выступали «1) лишение прав; 2) помещение в работный дом; 3) лишение права заниматься торговлей и промыслом; 4) денежное взыскание; 5) опубликование приговора; 6) удаление от должности; 7) воспрещение жительства;

⁸ Звонов А. В. Система уголовных наказаний по законодательству периода становления абсолютизма в России: аналитический обзор // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3. С. 159.

⁹ Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая первого составленный. Издание 1857 г. [Электр. источник]. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/1/mode/lup>. – 27.07.2026.

¹⁰ Андрусенко, О. В. Формирование системы наказаний: от законодательства Петра I до Свода законов уголовных // Право и государство: теория и практика. 2021. № 10. С. 23.

¹¹ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. [Электр. источник]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/. – 27.07.2026.

8) отобрание запрещенных предметов и закрытие ненадлежаще устроенного»¹². При этом, само понятие «дополнительное наказание» в рамках Уложения 1903 г. хотя и находит отражение в ст. 22 и 33, однако, не рассматривается в качестве самостоятельной сущности, требующей регламентации, а приводится как дополняющее основное наказание, но не более того.

Сравнительный анализ Уложения 1903 г. и Законов 1832 и 1845 гг. показывает отсутствие в первом телесных наказаний. Процесс отказа от них шёл уже с начала XIX века. В качестве причины данного обстоятельства можно рассматривать наличие у человека неотчуждаемого достоинства, в результате чего отмена такого рода наказаний вначале осуществлялась только для привилегированных сословий¹³. Постепенное крушение сословного общества и формирование капиталистических отношений, в рамках которых все граждане формально равны между собой перед законом, и, соответственно, каждый из них имеет собственное достоинство, привела к постепенной отмене телесных наказаний для всех слоёв общества.

Эпоха активного развития уголовного права в Российской Империи в этот период привела к существенному количеству исследований на тему уголовных наказаний. Одним из известных исследователей выступал Н. Д. Сергиевский, который рассматривал наказание как карательную меру, выстраивая лестницу наказаний следующим образом:

- смертная казнь;
- телесные наказания;
- лишение свободы;
- лишение чести и прав;
- лишение имущества;
- полицейский надзор;
- выговор¹⁴.

Н. Д. Сергиевский выступал в качестве противника широкого применения одиночного тюремного заключения. По его мнению, «... неизбежность угнетающих впечатлений, а во многих случаях и крайне вредное воздействие на психическую сторону личности арестанта едва ли может подлежать сомнению»¹⁵. Им же высказывалась мысль относительно вредности применения изувечивающих телесных наказаний.

Существенное влияние на развитие уголовных наказаний в середине XIX века оказала деятельность В. Д. Спасовича, которого часто называли «королём русской адвокатуры»¹⁶. В своём «Учебнике уголовного

права» он рассматривает преступления, установленные в Уложении 1845 г., строя их классификацию исходя из особенностей и применимости, в результате чего разделение преступлений на уголовные и исправительные обуславливается наличием или отсутствием изменений в гражданском состоянии наказанного. В результате этого, в тех случаях, когда такое состояние меняется, преступление считается уголовным, когда изменение состояния отсутствует – исправительным.

Отдельно В. Д. Спасовичем рассматривались два вида наказаний, входящих в исправительные, и которые существенно отличались от других исправительных наказаний – заключение в крепости и заключение в смиренном доме. Заключение в крепости было ориентировано на лиц, осуждённых по политическим статьям, при таком заключении арестанты не были обязаны работать (ст. 56), причём данное наказание не могло быть заменено никаким другим. Как указывает исследователь, выделение в отдельную категорию данного наказания обуславливается сходством его с административным наказанием, что было до принятия Уложения 1845 г. Применительно же к наказанию в виде заключения в смиренном доме В. Д. Спасович пишет, что «... трудно сказать, какое основное начало лежит в организации этого наказания...»¹⁷. По его догадкам, оно должно было применяться в отношении лиц, которые своими действиями активно вредили общественной нравственности – за половой разврат, при недостатке религиозного чувства или шарлатанстве, посягании на родительскую власть.

В наиболее чётком и формализованном, по нашему мнению, виде система наказаний рассмотрена С. В. Познышевым в его труде «Основные начала уголовного права» (1912). Деление наказаний на уголовные и исправительные данным исследователем, позднее подготовившим «Очерк основных начал науки уголовного права» уже советского периода (1923), рассматривалось как «... не выдерживающее никакой критики».

Особое внимание С. В. Познышев уделяет такому виду наказания, как лишение прав. По его мнению, лишение прав никогда не должно быть так велико по своему объёму, чтобы ставить наказуемого в тяжкое положение почти бесправного существа. Иначе оно будет толкать его к преступлению и будет совершенно непонятно с точки зрения предупреждения преступлений. Применение тяжёлых форм лишения права ведёт

¹² Шамина, Е. А. Денежная пеня (штраф) по Уголовному уложению 1903 года // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 113.

¹³ Шавеко, Н. А. К вопросу о причинах отмены телесных наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2. С. 45.

¹⁴ Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям / Н. Д. Сергиевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. С. 113–192.

¹⁵ Свод замечаний на проект общей части Уложения о наказаниях, выработанный редакционной комиссией. Замечания и статьи о проекте, не вошедшие в постатейный свод. СПб.: Государственная типография, 1884. – Т. 4. С. 346.

¹⁶ Коновалова, А. С. Владимир Данилович Спасович – «король русской адвокатуры» // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 63.

¹⁷ Спасович, В. Д. Учебник уголовного права. Том 1, Выпуск 2. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. С. 379.

к стимулированию рецидива, что противоречит требованию исправления наказываемого. Хотя, как указывает исследователь, лишение прав и может использоваться для защиты окружающих такого лица людей, но данное наказание не должно являться обязательным для суда. Суд должен иметь право применения данного наказания в большей или меньшей степени – на одно или несколько прав. В российских же условиях лишение прав обязательно для суда, причём действует пожизненно, хотя логичнее было бы ограничивать его права сроком, обеспечивающим предупреждение преступлений.

Отрицательно С. В. Познышев относится и к такому виду наказания, как ссылка, которая определяется им как «... водворение на известном участке земли с обязательством обрабатывать его и обзавестись хозяйством». Необходимыми условиями для этого является наличие способности к сельскому хозяйству и мотивации к подобной деятельности. Суд, вынося такое наказание, никоим образом не может выяснить наличия данных аспектов у наказываемого, и, следовательно, не может даже на уровне собственного решения обеспечить действенности данной меры. Ещё большие трудности реализация ссылки имеет на практике, так как для этого необходимо наличие соответствующего места. Её можно рассматривать только через призму колонизации новых земель, что возможно только в российских условиях, когда государство обладает значительным объёмом таких земель.

Примечательным аспектом развития системы наказаний в России являлось отсутствие нормативного закрепления цели наказания. Хотя отдельными исследователями высказывались мнения относительно её содержания (И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев), однако, регламентация цели произошла только в 1919 г., уже после значительных социально-экономических изменений в связи с Революциями 1917 года¹⁸.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) особенностью развития системы наказаний в дореволюционной России является постепенное уменьшение их количества к концу XIX века и началу XX века. Применение конкретного вида наказания обуславливалось наличием для этого той или иной инфраструктуры пенитенциарной системы в стране. Одновременно с этим осуществлялась систематизация наказаний путём выстраивания их лестницы – от наиболее к наименее строгим;

2) вместе с общим постепенным сокращением количества наказаний наблюдается процесс их формализации, состоящий в определении сути наказания, порядка его назначения и реализации, что завершается с принятием Уголовного уложения 1903 г. Однако, ввиду необходимости учёта сословных особенностей, наличия большого количества степеней наказаний в уголовных уложениях, система наказаний продолжает оставаться

архаичной, чему способствует медленное введение положений Уложения 1903 г. в практику;

3) если до начала XIX века наблюдается театрализация порядка исполнения наказаний в России, то с этого времени, в том числе, под влиянием зарубежных воззрений и развития капитализма, фиксируется снижение уровня публичности в данной деятельности, что получило закрепление с 1845 г. Функция устрашения населения перестаёт быть доминирующей, существенно увеличивается значимость статуса судимого;

4) уголовное наказание прошло путь от наказания тела преступника к наказанию его души. В секулярных обществах оно стало рассматриваться как способ восстановления нарушенной справедливости, реализуемый государством за счёт имеющегося у него монопольного права на насилие;

5) система наказаний в дореволюционной России вплоть до первой половины XIX века характеризовалась наличием широкого их спектра вместе с низким уровнем регламентации содержания и процесса исполнения наказаний;

6) современное российское уголовное право рассматривает наказание как меру принуждения государства, реализуемую персонально с целью восстановления нарушенной социальной справедливости, исправления осуждённого лица и превенции. Суть наказания состоит в лишении или ограничении основных прав такого лица, вместе с установлением судимости.

¹⁸ Стародубцева, О. Н. Цели уголовного наказания // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 222.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Калязин Валентин Иванович

кандидат военных наук, доцент

Российская международная академия туризма

Аннотация: В данной статье анализируется Постановление Верховного Суда Российской Федерации “О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству”. Автором сделан вывод о сближении романо-германской и англо-саксонской правовых систем, приведена статистика рассмотрений гражданских дел в судах общей юрисдикции, в том числе в Верховном суде РФ. Кроме того, сделаны предположения о дальнейшем расширении использования искусственного интеллекта в работе судов и практикующих юристов.

Ключевые слова: Верховный Суд, правовая семья, судебный прецедент, искусственный интеллект, судебное заседание.

21 мая 2026 года Верховный суд РФ принял Постановление № 15 “О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству”. Особое внимание в данном Постановлении уделено двум аспектам: обязательный учет позиций ВС РФ и КС РФ при рассмотрении дел (п. 9 указанного Постановления) и обязанности сообщать суду был ли использован искусственный интеллект (ИИ) при подготовке к судебному заседанию и обосновании своей позиции по делу (п. 42 Постановления)

Положения, закрепленные в п. 9 указанного Постановления свидетельствует о том, что происходит сближение правовых систем: континентальной и островной.

В романо-германской правовой системе (континентальной) основным источником права является нормативно-правовой акт, в англо-саксонской (островной) – судебный прецедент. По своей структуре романо-германская система права традиционно делится на отрасли права и институты, хотя некоторые авторы применяют деление на отрасли, подотрасли и институты права. При разрешении споров судам необходимо определить к какой отрасли права относятся спорные общественные отношения, чтобы затем применить те нормы права, которые как раз и регулируют данные общественные отношения. В большинстве отраслей права в России есть доминирующий источник права как правило это Кодекс, регулирующий определенную сферу общественных отношений, но в некоторых “более молодых” отраслях права – доминантом является федеральный закон. Так в сфере образования принят Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”, в области физкультуры и спорта – Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Однако в современном мире принятие одного Кодекса или закона становится недостаточным, чтобы полностью регламентировать общественные отношения в той или иной сфере, порой это просто невыполнимо и требует принятия подзаконных актов. Многообразие законных и подзаконных актов порой приводит к тому,

что участникам спорных правоотношений становится трудно определить каким образом выстроить свою позицию в судебном процессе, какими нормативными актами при этом воспользоваться.

По данным судебного департамента Верховного суда РФ только за 1 квартал 2025 в суды поступило 298 930 уголовных дел. В суд кассационной инстанции поступило 14 662 дела (в прошлом году их было 16 327). Кассация отменила 771 приговор первой инстанции и еще 570 – апелляционной. В суды общей юрисдикции поступило более 12,7 млн гражданских и административных исков, что заметно меньше, чем в прошлом году (17,2 млн). Суды вынесли решения по 10 млн дел. Большинство гражданских и административных дел рассматривали в срок до полутора месяцев. Суды чаще всего прекращали производство из-за отказа заявителя от иска. В апелляционной инстанции обжаловано более 387 000 решений и отменено 88 240 решений по гражданским и административным делам. Кассация отменила 4582 решения первой инстанции по гражданским делам (на новое рассмотрение направили 4082 спора) и 995 – по административным. Также было отменено 3901 решение апелляционной инстанции по гражданским делам и 861 – по административным.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрено:

– в кассационной инстанции – 27 681 жалоба и представление; в судебном заседании – 519 гражданских дел и 18 материалов об определении или изменении подсудности. Судебные решения, рассмотренные в судебной коллегии Верховного Суда в кассационной инстанции в процентном отношении, составили: в 47,8% отменено решение нижестоящих судов, оставлено без изменения 3,1% решений, отменено апелляционных определений без отмены решений 34,6%, изменено апелляционных определений без отмены решения 0,2%, отменено кассационных постановлений без отмены решения 7,4%, вынесено других кассационных определений 3,7%.

Существенным отличием континентальной правовой семьи от островной (англо-саксонской) является то, что основным источником права в последней является судебный прецедент, т.е. ранее принятое решение суда по аналогичному или схожему делу и которым руководствуются иные суды, при разрешении схожих дел. Судья сам решает, совпадает ли данная ситуация с той, на основе которой вынесен судебный прецедент или нет, применим он в данном конкретном деле или нет. Следует учесть: в тех странах, где судебный прецедент является основным источником права, не все решения судов, вступившие в законную силу, приобретают статус прецедента. Так в США судебным прецедентом являются только принятые решения Верховного суда США.

Нельзя утверждать, что судебная система РФ стала копировать судебную систему США. Наоборот, наша судебная система развивается самостоятельно. Долгое время в нашей правовой системе считалось, что судебный прецедент является вспомогательным. Однако в настоящее время его статус изменился и стал значительно выше.

Анализируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время происходит сближение двух правовых систем островной и континентальной.

2. Усиливается роль высших судебных инстанций, а именно Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ в правовой системе Российской Федерации.

3. Уменьшается вероятность вынесения судами нижестоящих инстанций решений, которые в последствии были бы отменены или изменены Верховным Судом РФ.

4. Повышается авторитет судебной власти у обывателей.

Рассмотрим вопрос об использовании искусственного интеллекта (ИИ) при подготовке к судебному заседанию и об обязанности сторон уведомить об этом суд. Использование искусственного интеллекта во всех сферах общественной жизни, не только в судопроизводстве, является дискуссионным. Президент РФ В. В. Путин на совещании по развитию ИИ в России заявил, что «технологии искусственного интеллекта должны повсеместно использоваться в России. От того, насколько страна впишется в этот процесс, зависит ее суверенитет и даже существование.»

Следует учитывать и то обстоятельство, что бездумное использование технологий ИИ может привести к деградации мышления у подрастающего поколения. Об этом заявил патриарх Московский и всея Руси Кирилл на XXXIV Международных Рождественских образовательных чтениях в Государственном Кремлевском дворце в Москве.

По нашему мнению, обязанность указывать использовались ли алгоритмы ИИ при выработке стратегии и подтверждение позиции сторон в суде вызвана следующими обстоятельствами:

1. Увеличением числа обращений граждан в суд с использованием ИИ.

2. Возможностью фальсификации со стороны участников процесса результатов, полученных при использовании ИИ.

3. Защитой чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений, созданных с помощью ИИ, включая случаи использования дипфейков, и защите интеллектуальной собственности, в том числе при обучении больших языковых моделей без согласия автора.

DOI 10.34660/INF.2026.79.83.134

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПРОЦЕССЕ КОГНИТИВНОГО ТРЕНИНГА ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Бесполитова Анна Олеговна

аспирант

*Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова
(Сеченовский Университет)*

Котельникова Анастасия Владимировна

профессор

*Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова
(Сеченовский Университет)*

Аннотация. Современная демографическая ситуация характеризуется устойчивой тенденцией к росту доли пожилого населения. Данный факт закономерно сопровождается увеличением распространенности когнитивных нарушений. Данное обстоятельство актуализирует поиск высокоэффективных инструментов геронтопсихологической поддержки. Вместе с тем, традиционный когнитивный тренинг, фокусирующийся преимущественно на «механических» упражнениях, демонстрирует ограниченную эффективность, поскольку упускает из виду критически важный мотивационно-личностный аспект.

Ключевые слова: когнитивная реабилитация; пожилые люди; психологические ресурсы; клиническая психология

Введение

Увеличение доли пожилого населения в общей структуре общества сопровождается ростом распространённости когнитивных нарушений, что детерминирует необходимость разработки комплексных геронтопсихологических вмешательств (Piolatto et al., 2022). Традиционные программы когнитивного тренинга, построенные преимущественно на упражнениях механического характера, направленных на запоминание, внимание и речь, демонстрируют ограниченную эффективность, поскольку не учитывают мотивационно-личностный и эмоциональный компонент (Качевская, 2025). В пожилом возрасте существенное влияние на когнитивное здоровье оказывают социальные и эмоциональные факторы. Согласно мета-аналитическим данным, низкая социальная вовлечённость и узкие социальные связи достоверно ассоциированы с ускоренным когнитивным снижением (Piolatto et al., 2022). При этом именно воспринимаемое одиночество, а не объективная изоляция, выступает значимым предиктором риска развития деменции, действуя независимо от сосудистых и депрессивных факторов (Da Silva et al., 2025). Кластерные исследования выявляют, что респонденты с выраженными субъективными когнитивными

жалобами демонстрируют более высокие показатели одиночества и стресса (Pecchinenda et al., 2024). Кроме того, связь между когнитивным статусом и субъективным благополучием опосредована когнитивной регуляцией эмоций и экзистенциальной исполненностью (Bobrovnikova, 2022). В существующей практике психологическая и когнитивная поддержка часто реализуются раздельно: либо только когнитивные упражнения, либо только работа с эмоциональной сферой. Это не позволяет воздействовать на взаимосвязанные механизмы, что обосновывает необходимость разработки интегрированного подхода.

Цель и задачи исследования

Цель настоящей работы заключается в разработке и теоретическом обосновании дизайна эмпирического исследования, позволяющего оценить эффективность дополнения курса нейрокогнитивной реабилитации психокоррекционным модулем, доставляемым через цифрового ассистента, для актуализации психологических ресурсов пожилых людей. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: выделить на основе анализа литературы психокоррекционные мишени, релевантные для участников когнитивных тренингов пожилого возраста; спроектировать структуру

психокоррекционного вмешательства с использованием техник когнитивно-поведенческого подхода в формате мобильного приложения; определить диагностический инструментарий для оценки когнитивных и психологических переменных; а также описать процедуру эксперимента, формирование групп и методы статистической обработки данных.

Гипотезы исследования

В рамках предлагаемого дизайна выдвигаются следующие гипотезы. Во-первых, предполагается, что участники когнитивного тренинга имеют значимые психологические мишени, представленные повышенной тревогой, депрессивными проявлениями, чувством одиночества и сниженной самооффективностью. Во-вторых, дополнительное использование цифрового ассистента с психокоррекционным контентом будет способствовать достоверному снижению выраженности негативных эмоциональных состояний и повышению самооценки у экспериментальной группы по сравнению с контрольной, получающей только стандартную реабилитацию. В-третьих, включение психокоррекционного модуля положительно скажется на приверженности участников основному тренингу и их субъективной удовлетворённости программой.

Дизайн и методы исследования

Исследование предлагается проводить по квазиэкспериментальному плану с двумя группами – экспериментальной и контрольной – и измерениями на двух этапах, до и после вмешательства. Базой реализации может служить учреждение, предоставляющее нейрореабилитационные услуги, например «Клиника Памяти». Рекомендуемый объём выборки составляет не менее шестидесяти человек (по тридцать в каждой группе) в возрасте шестидесяти лет и старше, проходящих курс когнитивной реабилитации. Критериями включения являются отсутствие тяжёлых психических расстройств, наличие базовых навыков работы с мобильным устройством и добровольное информированное согласие.

Диагностический инструментарий разделён на два блока. Первый блок направлен на оценку когнитивных функций и включает методику запоминания десяти слов А. Р. Лурия для оценки вербальной памяти, таблицы Шульте для оценки внимания и переключаемости, а также Монреальскую шкалу оценки когнитивных функций (MoCA) как скрининг общего когнитивного статуса. Второй блок ориентирован на оценку психологических ресурсов и состоит из методики САН (Самочувствие–Активность–Настроение), шкалы одиночества (UCLA Loneliness Scale), госпитальной шкалы тревоги и депрессии (HADS), методики исследования самооценки Дембо–Рубинштейн, шкалы общей самооффективности (GSE), а также методики «Маскулинность–феминность» для контроля личностных характеристик.

Все участники проходят стандартный курс нейрокогнитивной реабилитации, который включает двадцать четыре тренинга, направленных на коррекцию памяти, мышления, восприятия, внимания, речи и развитие межполушарного взаимодействия. Дополнительно предусмотрены два арт-терапевтических и семь

психообразовательных занятий. Общая длительность курса составляет пять недель с ритмичностью два-три занятия в неделю. Участники экспериментальной группы дополнительно получают доступ к «Виртуальному помощнику» – чат-боту, интегрированному в мобильное устройство. В течение всего курса им предоставляются психокоррекционные материалы, разработанные на основе когнитивно-поведенческой терапии: упражнения на идентификацию и переформулирование автоматических мыслей, техники поведенческой активации, практики осознанности и саморегуляции. Контрольная группа получает только стандартный курс без цифрового сопровождения.

Процедура исследования включает три этапа: предварительное тестирование по всему комплексу методик, затем пятинедельное вмешательство в обеих группах, и после этого повторное тестирование с использованием тех же методик. Для проверки гипотез предлагается использовать двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (ANOVA) с факторами «группа» и «время», а при необходимости – попарные сравнения с поправкой Бонферрони. Дополнительно могут применяться корреляционный анализ Пирсона для изучения связей между изменениями когнитивных и психологических показателей, а также регрессионный анализ для выявления предикторов эффективности. Уровень значимости принимается равным 0,05. Статистическая обработка выполняется в стандартных пакетах, таких как SPSS или R.

Ожидаемые результаты и их научная интерпретация

Предлагаемый дизайн позволяет установить эмпирические взаимосвязи между исходным уровнем тревоги, одиночества, самооффективности и динамикой когнитивных показателей, оценить специфический вклад психокоррекционного компонента в улучшение эмоционального состояния и субъективного благополучия, а также проверить гипотезу о том, что цифровой формат доставки психокоррекционных материалов является приемлемым и эффективным для пожилой аудитории (по показателям частоты использования и удовлетворённости). В случае подтверждения гипотез разработанный дизайн ляжет в основу практических руководств по внедрению интегрированных когнитивно-психологических вмешательств с применением цифровых инструментов.

Заключение

В работе представлен системный дизайн исследования, интегрирующий когнитивный тренинг и психокоррекцию для пожилых людей с использованием цифрового ассистента. Особенность предлагаемого подхода – одновременное воздействие на когнитивные и эмоционально-личностные мишени, что позволяет преодолеть фрагментарность существующих программ. Предложенный протокол может служить основой для дальнейших эмпирических апробаций и внедрения в практику центров когнитивного здоровья и социального обслуживания пожилых.

Список используемых источников:

1. Da SMAR, Sasseville M, Hardy M-S, Beogo I, Gogovor A, Amil S, Yameogo AR, Bergeron F, Giguere A, LeBlanc A, Plaisimond J, Rivard-Lacroix C, Gagnon M-P Engaging Older Adults With Cognitive Impairment in Digital Health Technologies: Protocol for a Scoping Review *JMIR Res Protoc* 2025;14
2. Kułak-Bejda A, Bejda G, Waszkiewicz N. Mental Disorders, Cognitive Impairment and the Risk of Suicide in Older Adults. *Front Psychiatry*. 2021;12:695286. Published 2021 Aug 25.
3. Pecchinenda A, Yankouskaya A, Boccia M, Piccardi L, Guariglia C, Giannini AM. Exploring the relationship between perceived loneliness and subjective cognitive decline in older individuals. *Aging Ment Health*. 2024;28(1):73–82.
4. Piolatto M, Bianchi F, Rota M, Marengoni A, Akbaritabar A, Squazzoni F. The effect of social relationships on cognitive decline in older adults: an updated systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies. *BMC Public Health*. 2022;22(1):278. Published 2022 Feb 11.
5. Zhang Z, Bian Y. Association between social networks and cognitive impairment among older Chinese adults: the mediating effect of depression. *Front Aging Neurosci*. 2025;16:1495694. Published 2025 Jan 13.
6. Качевская Е. Н. Взаимосвязь уровня стресса и депрессии с наличием когнитивных нарушений у лиц пожилого и старческого возраста // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 5. С. 82–87.

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ

Ишутин Никита Владимирович

аспирант

Кемеровский государственный университет

Аннотация. Ежедневно человек сталкивается с проблемой необходимости принимать решения и делать выбор, этот процесс сопровождает человека на протяжении всей его сознательной жизни. Некоторые решения он осуществляет легко и почти незаметно, другие, напротив, отличаются многогранностью, высокой вариативностью выбора и выраженной значимостью принятого решения. Все решения, принимаемые человеком в течение времени, проходят этап осознания и реализуются с разной степенью затрат, скорости принятий, надёжности, стабильности и обоснованности.

Ключевые слова: когнитивные факторы, процесс принятия решений, выбор, познавательные процессы, альтернатива, эвристические стратегии, условия выбора.

Ежедневно человеческий мозг обрабатывает значительные объёмы информации, что побуждает его принимать десятки и даже сотни решений, большинство из которых реализуются мозгом автоматически на когнитивном уровне. Под решением мы понимаем процесс отбора одной или нескольких сценариев поведения из множества возможных. Итогом такого отбора является окончательный выбор конкретного, удовлетворяющего человека, варианта. Следует согласиться с точкой зрения А. В. Костиковой, согласно которому в каждом возможном случае, решение представляет собой предпочтительный выбор определённой альтернативы, среди всех допустимых [1].

В психологических исследованиях изучение проблем принятия решений выходит на первый план и характеризуется высокой степенью практикоориентированности и практиковостребованности. Особое значение этого направления определяется ключевой функцией процессов принятия решения в организации поведения и деятельности индивида. Принятие решения является ядром любой деятельности, в том числе профессиональной, и непосредственно влияет на её эффективность применения знаний и содержательные характеристики процессов деятельности. Вследствие чего, каждое прикладное исследование, ориентированное на совершенствование уровня труда, обучение и повышение потенциала кадров или профессиональный отбор из кадрового резерва, но игнорирующие анализ исследования процесса принятия решений, неизбежно оказываются неполными и незавершёнными. Полное и совершенное решение любых прикладных задач возможно только при условии полного раскрытия и учета психологических механизмов, лежащих в основе принципов принятия решений. В этой сфере наиболее четко уславливаются общие закономерности функционирования психики индивида, его потенциальные возможности, а также естественные границы его когнитивных способностей, обусловленные развитием когнитивных способностей каждого отдельного индивида.

Каждый конкретный человек обладает уникальной когнитивной способностью – принимать самостоятельно обоснованные решения даже в условиях, когда информация объективно неполна, критерии оценки принятия решений неоднозначны и противоречивы, альтернативные источники информации, способные перевести импульс принятия решения в противоположную сторону, неочевидны, время принятия решения строго ограничено, а цена ошибки, в результате принятия решения, чрезвычайно высока.

Именно в процессах принятия решения особенно отчетливо просматриваются присущие индивиду когнитивные стратегии и типичные искажения, которые в научной литературе находят обозначение в терминах «иррациональные эффекты» или «отступления от рациональной модели» [2].

В широком смысле принятие решения сводится к разработке плана следующих друг за другом мероприятий, ориентированных на выполнение поставленной задачи и достижение общей ключевой цели. Неотъемлемыми важными факторами в таком случае выступают жёсткий временной регламент, ограниченность доступных информационных ресурсов, доподлинная неопределённость внешних условий, выдвижение возможных гипотез и добровольное принятие ответственности за реализацию задач при достижении данной общей ключевой цели. [3].

Следует отметить, что процесс принятия решений часто сопряжен с рисками, обусловленными множеством доступных альтернативных вариантов действий, выдвигаемых гипотез и прогнозируемых результатов. Чтобы добиться максимальной эффективности решения, при определении выбора, индивиду важно ограниченно подойти к процессу рассмотрения доступных альтернатив, тем самым самостоятельно снизить уровень собственной неопределённости. Подобные исследования показывают, что в данной ситуации важную роль играют такие параметры, как характеристика социальной среды и структура мотивационной и потребностной сферы личности,

соотношение которых, в свою очередь, во многом пре-
допределяет степень неопределённости при принятии
решения [4].

Согласно позиции В. Ф. Сафина, изложенной в его
научных работах, ситуация выбора выступает ключе-
вым моментом становления личности, поскольку именно
в ней происходит преобразование желаний и побужде-
ний в осмысленную и значимую для субъекта цель, ко-
торую необходимо добиться. В условиях повышенной
сложности выбор осуществляется через соотнесение
субъективных намерений, мотивов и индивидуальных
возможностей с требованиями, предъявляемыми внеш-
ней средой. В результате чего выбор структурируется
в виде конкретного решения. [5].

Исходя из концепции В. Ф. Сафина, стоит выделять
два типа возможности выбора, зависящих от их влияния
на социальное поведение личности: конструктивный
вариант, способствующий расширению межличностных
отношений, и деструктивный, ведущий к их сужению.
На ряду с делением возможности выбора на конструк-
тивный и деструктивный варианты, ученый так же под-
разделяет выбор с учётом временной протяжённости
достижения поставленных задач: стратегический, на-
правленный на перспективное достижение поставленной
цели, тактический, отражающий возможность сделать
следующий выбор на основе первоочередного и ситуа-
ционный, требующий достижения цели в установленной
время, при определенных обстоятельствах в моменте
принятия решения. [5].

Если говорить о теоретической модели Дж. Кел-
ли, о которой писал Л. Хьелл, выбор в ней трактуется
как итог упорядочивания схем всевозможных когни-
тивных альтернатив. Человек для каждой конкретной
сложившейся ситуации выделяет для себя из общего
числа доступных структурных схем определённый
набор, наиболее релевантный в данных сложившихся
условиях, и дает оценку возможности их практиче-
ского применения. По мере взросления и накопления
опыта индивидом происходит обновление структурной
системы, что сопровождается изменением в оценке
возможности того или иного выбора. Следовательно,
в данной системе взглядов выбор обладает свойствами
избирательности, корреляции и тесной связи со струк-
турой личности [6].

В рамках исследования С. Р. Мадди была разработана
типологическая схема, ориентированная на описание мо-
делей поведения личности в ситуации выбора. Несмотря
на это, образованная модель описывает лишь внешнюю
сторону осуществления выбора, не затрагивая его вну-
тренние глубинные механизмы, в связи с чем, не может
претендовать на право общей теории выбора и принятия
решений [7].

Несмотря на имеющуюся разность прочтений трак-
товки «выбор», большинство исследователей в своих
работах придерживаются его упрощённой интерпрета-
ции. Подобный подход, в частности, находит отражение
в трудах Ю. Козелецкого и ряда других авторов [8].

Согласно работам Ю. Козелецкого, процесс рациональ-
ного выбора включает в себя четыре ключевых звена.

Во-первых, субъект формирует внутреннюю репрезента-
цию предстоящей задачи, для собственного понимания
ее сути. Во-вторых, сопоставляет имеющиеся вариан-
ты, оценивая потенциально возможный исход каждого
возможного выбора. В-третьих, прогнозирует факторы
внешнего воздействия, которые могут предопределить
наступления тех или иных последствий с определенной
долей вероятности, а так же влияние этих последствий
на исход решения поставленной задачи. В-четвертых, не-
посредственный выбор, являющийся итоговым действием
в процессе рационального выбора. [9].

Помимо этого, в работах Ю. Козелецкого, «выделя-
ются четыре группы факторов, оказывающих непосред-
ственное влияние на процесс принятия решений. К ним
относятся: особенности текущей обстановки и жёсткие
временные ограничения; специфика решаемой задачи;
индивидуальные психологические характеристики субъ-
екта, осуществляющего выбор; а также обстоятельства,
связанные с коллективным характером принятия реше-
ния, среди которых отмечаются склонность к пассив-
ному и конформному поведению, слабая аргументация
выдвигаемых предложений и снижение персональной
ответственности за конечный результат» [9, с. 48].

Г. М. Зараковский в своей концепции утверждает,
что процесс принятия решения включает три после-
довательных этапа, первый из которых носит название
«интенциональный», второй – «операциональный»
и третий – «санкционирующий». На начальной стадии
происходит осмысление субъектом значимости предсто-
ящего возможного выбора для своей личности. Второй
этап связан с фазой активных действий, направленных
на минимизацию фактов неопределённости и повышение
уровня рациональности принимаемого решения. Заклю-
чительная фаза характеризуется приобретенной твердой
внутренней убежденностью в правильности сделанного
выбора и, соответственно, этапом окончательного при-
нятия решения [10].

Результаты исследований Г. А. Саймона показывают,
что при принятии решений субъект опирается перво-
степенно не только на формальный анализ доступных
вариантов, но и активно привлекает собственный прак-
тический опыт. Итогом при совершении выбора становится
предпочтение не столько максимально выгодной аль-
тернативы, сколько той, которая оценивается как доста-
точно удовлетворительная по совокупности различных
параметров, в том числе опираясь на имеющийся опыт
субъекта [11].

В своих трудах Т. В. Корнилова утверждает, что ос-
новной движущей силой, прямо влияющей на выбор,
выступает не реализация самого решения, а необходи-
мость выхода из зоны неопределённости, равно зоны
дискомфорта в виду неимения достоверных фактов,
касаемо вопросов выбора. В таких условиях человек
начинает действовать рационально, беря в основу интел-
лектуальные и личностные ресурсы, что, в свою очередь,
выражается в корректной постановке целей, формиро-
вании достоверной системы оценки альтернатив и опо-
ре на ценностно-смысловые ориентиры. Кроме того,
автор выделяет моральный тип выбора, для которого

характерна ситуация, когда индивид способен получить ценные для него блага, соответствующие его ценностям, внутренним убеждениям и общепринятым нормам морали, однако подобный выбор очень часто сопряжён с риском личностных утрат. [12].

В концепции Т. В. Корниловой психологически выбор трактуется как итог взаимодействия двух типов факторов – объективных, в частности, неопределённости и субъективных, представленных интеллектуальными, познавательными процессами. При этом когнитивная активность, функционирующая в единстве с личностными и мотивационными компонентами, которые обеспечивают процесс регуляции, формирует единый интеллектуальный, личностный потенциал субъекта. Данный потенциал реализуется через единение объективных и субъективных условий осуществляемого выбора. [13].

А. А. Комлев в своих работах определяет выбор как совокупность доступных субъекту возможных альтернатив и одновременно как процесс последовательной смены желаний и предпочтений между ними, реализуемый с опорой на полученный личный опыт выбора из потенциально возможных вариантов. Выбор, основанный на жизненном опыте, согласно позиции А. А. Комлева, обладает рядом ключевых параметров: во времени он характеризуется масштабностью, а с точки зрения влияния на личность – способствовать ее переходу к качественно новому состоянию, выступая поворотным этапом в её развитии. [14].

О. К. Тихомиров исследовал процесс принятия решения через призму мыслительной деятельности субъекта, протекающей в условиях решения субъектом личных значимых для себя проблем [15].

Р. Л. Кини рассматривает процесс принятия решений с позиций критерия полезности и приходит к выводу о том, что принятие ошибочных решений нередко обусловлено не пробелами процесса принятия решения или недостаточным количеством информации, а психологическими факторами субъекта принятия решений. Среди психологических факторов исследователь Р. Л. Кини выделяет: завышенная оценка цели принятия решения, которую мозг придаёт первоначальной информации, которой обладает субъект выбора; нежелание изменений, вызванное страхом перед возможной ответственностью за непредполагаемые сбои; а также феномен, когда человек, понесший потери вследствие принятия ошибочного решения, отказывается признавать свою ошибку и пытается всеми возможными способами восстановить положение путём дополнительных расходов, использования дополнительных ресурсов, что лишь неизменно усугубляет ситуацию [16].

При анализе имеющихся данных, необходимых для принятия решения, человек нередко демонстрирует избирательное восприятие действительности: информация, отличная от его убеждений, игнорируется, тогда как подтверждающая убеждения – активно используется. Исследования показывают, что при наличии нескольких альтернатив людям чаще свойственно делать выбор в пользу варианта, воспринимаемого стандартным, независимо от тех объективных характеристик, которыми

он обладает. Кроме того, многим людям свойственна завышенная самооценка способностей стратегически прогнозировать возможные исходы, что часто влечёт за собой принятие ошибочных решений. Наряду с этим, характерным является чрезмерное преувеличение вероятности повторного возникновения событий, которые в прошлом произвели наиболее сильное негативное впечатление.

В современной науке процесс принятия решений личностью трактуется как исключительно сложное и комплексное явление. Наука психология занимает в его изучении ведущее место, поскольку принятие решения в качестве субъективного выбора, даёт широкие возможности для исследования личностных качеств, внутренних ресурсов и потенциальных способностей человека. Эти качества находят своё отражение в способности влиять на обстоятельства, занимать активную позицию и выстраивать оптимальную траекторию собственного развития.

В ходе анализа категории выбора, представленного в работе А. А. Озериной, как утверждает автор: «можно обнаружить ряд характеристик, свойственных данному явлению. Прежде всего, категория «выбор» носит междисциплинарный характер и исследуется в рамках социологии, математики и экономики, однако наиболее значимой она становится в психологии, особенно в связи с исследованием процессов принятия решений и связанных с ними проблем. Кроме того, феномен выбора, как правило, изучается в контексте других психологических понятий и крайне редко выступает в качестве самостоятельного предмета научного исследования. В тех немногочисленных случаях, когда «выбор» всё же оказывается в центре внимания, анализ сосредоточен на частных компонентах, а попытки построения целостной теоретической конструкции, как правило, не предпринимаются» [17].

В общем виде процесс принятия решения автор Ю. А. Валеева описывает как формирование определённой последовательности действий, направленных на выполнение поставленной задачи. При этом его реализация объединена с рядом значимых факторов: ограниченностью во времени, недостаточностью проверенной информации, присутствием неопределённости, необходимостью строить предположения и сознательно принимать на себя ответственность за всевозможные последствия выбора [3].

А. Д. Бретман в своих трудах утверждал о том, что процесс принятия решений часто протекает в условиях риска, обусловленного множеством возможных вариантов решений, выдвигаемых гипотез и прогнозируемых результатов. Чтобы добиться максимальной эффективности при совершении выбора, субъекту целесообразно начать рассматривать ограниченное число возможных альтернатив, тем самым попытаться снизить уровень неопределённости. Данные исследования показывают, что в данной ситуации значимую роль играют такие факторы, как характеристики социальной среды, в которой находится личность, и в которой протекает процесс совершения выбора, и структура мотиваций

и потребностей личности-субъекта выбора, соотношение которых во многом определяет меру неопределённости принимаемого решения [4].

Согласно гуманистической концепции личности, любая деятельность человека, связанная с необходимостью совершения выбора, требует от него постоянного поиска баланса между безопасностью результатов этого выбора и перспективным развитием себя как субъекта процесса принятия решения. Принимая решение, личность оценивает свои насущные потребности в соответствии с их первостепенностью и вторичностью, в связи с чем определяет для себя, какие из них должны быть удовлетворены в первую очередь, в каком объёме это удовлетворение должно настать и насколько оперативно должны быть решены вопросы и приняты решения. [6].

Понимание закономерностей поведения человека в ситуациях выбора даёт основу для разработки рабочих подходов к воспитанию, кадровому работе и формированию управленческих компетенций. Особый интерес представляют условия, характеризующиеся высокой степенью сложности и критической нехваткой ресурсов, когда стресс и отсутствие полной достаточной информации существенно влияют на трудности при поиске наилучшего решения. Задача настоящей продуктивной работы заключается в обобщении теоретических положений в психологии принятия решений на основе анализа основных положений, представленных в трудах отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих проблемы принятия решений.

В своей работе А. В. Воронцовский говорит о том, что для быстрого и наименее трудозатратного решения задач люди часто используют эвристические стратегии, которые сокращают время на обдумывание и снижают когнитивную нагрузку на психику. Однако их применение имеет неоднозначные последствия: эвристики упрощают процесс принятия решения, но одновременно могут негативно влиять на точность принимаемого решения. Неэффективность эвристики проявляется в тот момент, когда интуитивно выбранное решение не коррелирует с правдивыми условиями и вероятностью совершения верного выбора, что ведет к искажённым выводам и, как следствие, неверному решению [18].

И. Г. Черноруцкий для понимания механизмов, лежащих в основе взаимного влияния эвристик и когнитивных искажений, опирается на модель двойной системы переработки информации. Согласно подходу автора, функционируют два типа мышления: первый – быстрый,

интуитивный и во многом бессознательный, второй – замедленный, взвешенный и сознательно контролируемый. Когда ситуация характеризуется неопределённостью, люди склонны использовать первый тип мышления, что повышает вероятность попасть под влияние стереотипных суждений и ошибочного понимания действительности [19].

Эмоции, и прежде всего страх, оказывают заметное влияние на выбор, который осуществляет человек, особенно когда ситуация характеризуется отсутствием определенности и требует высокой оценки рисков. А. М. Дубров, Б. А. Лагоша и ряд других ученых указывают на то, что страх способен склонить личность отказаться от потенциально выгодных для него, но рискованных решений, даже если наступление благоприятного исхода более вероятно, предсказуемо и значимо. Этот феномен объясняется действием так называемой разности восприятия потерь и приобретений. Люди, как правило, переживают убытки и потери намного болезненнее, чем возможную, равноценную выгоду [20].

Согласимся с мнением Х. А. Таха, согласно которому процесс принятия решений не сводится к отдельным психологическим механизмам – это совокупность, включающая личностные черты, когнитивную сферу, эмоциональный фон и объективные обстоятельства, в которых происходит деятельность. Среди детерминант, особого внимания заслуживают культурные и социальные факторы, влияющие на определения вектора осуществления выбора в ситуации неопределённости. В зависимости от культурных традиций риск может расцениваться как показатель отваги, толкающий на смелые, решительные поступки, в противном случае, как источник угрозы, побуждающий действовать осторожно и ориентироваться на коллективную безопасность [21].

Не смотря на то, что когнитивная психология даёт содержательные объяснения того, как осуществляется выбор, её подход не исчерпывает всего возможного разнообразия данного процесса. Экономические модели, в которых эмоциональный план часто опускается и не учитывается, не способны адекватно отразить реальность выбора, особенно в условиях критической нехватки достоверных фактов и определенности, и многозначности. Дополнительные смыслы в понимание этого феномена вносят культурные переменные, включая духовные ценности и социальные традиции, которые серьёзно сказываются как на чувственной, так и на рациональной стороне принимаемых решений.

Список используемой литературы

1. Костикова, А. В. Исторические аспекты развития теории принятия решений / А. В. Костикова // *Философия науки*. – 2014. – № 3(62). – С. 16–29. – EDN SVQFEF.
2. Канеман Д., Словик П., Тверски А. *Принятие решений в неопределённости*. Харьков: Гуманитарный центр, 2014.

3. Валеева Ю. Р. Современное развитие психологии принятия решений // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам I студенческой международной научно-практической конференции, Новосибирск, 13–23 февраля 2017 года. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. С. 48–52.
4. Бретман А. Д. Психологические особенности принятия решений взрослыми в ситуациях жизненного выбора / А. Д. Бретман // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. статей по матер. XXXIV между. науч.-практ. конф. (13 ноября 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 83–86.
5. Сафин В. Ф. Психология самоопределения / В. Ф. Сафин. Свердловск: Изд-во Свердловского гос. ун-та, 1986. 141 с. URL: <https://scibook.net/psihologiya-lichnosti-knigi/vyibor-tseli-ego-mesto-21642.html> (дата обращения: 12.07.2026)
6. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб.: Питер Пресс, 2020. 608 с.
7. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Р. Мадди // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 86–100.
8. Корнилова Т. В. Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора / Т. В. Корнилова // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/611/700> (дата обращения: 12.07.2026)
9. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений: / Ю. Козелецкий; Пер. с польск. Г. В. Минца и В. Н. Поруца. Послесловие Б. В. Бирюкова и О. К. Тихомирова. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
10. Зараковский Г. М. Психологические критерии сложности процесса принятия решения человеком-оператором / Г. М. Зараковский, В. Д. Магазаник // Методология инженерной психологии, психологии труда и управления / отв. ред. Б. Ф. Ломов, В. Ф. Венда. М.: Наука, 1981. С. 63–78.
11. Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли. / Под ред. В. М. Гальперина, С. М. Игнатьева, В. И. Моргунова. СПб.: Экономическая школа, 2000. 337 с.
12. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности / Т. В. Корнилова // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
13. Корнилова Т. В. Методологические проблемы психологии принятия решений / Т. В. Корнилова // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 7–17. URL: http://msupsyj.ru/pdf/vestnik_2008_2/vestnik_2008-2_59-73 (дата обращения: 01.08.2026).
14. Комлев А. А. Психологические факторы значимого жизненного выбора: дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2003. 194 с. URL: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/psihologicheskie-factory-znachimogo-zhiznennogovybora.html> (дата обращения: 01.08.2026).
15. Тихомиров О. К. Психология мышления / О. К. Тихомиров. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 288 с.
16. Кини Р. Л. Принятие решений при многих критериях: предпочтения и замещения / Р. Л. Кини, Х. Райфа. – М.: Радио и связь, 1981. 560 с.
17. Озерина А. А. Категория «выбор» в психологии: теоретическое исследование / А. А. Озерина // Вестник Вол гоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2008. № 7. С. 95
18. Воронцовский А. В. Управление рисками: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2000. 206 с.
19. Черноруцкий И. Г. Методы оптимизации и принятия решений: Учеб. пособие. СПб.: Издательство «Лань», 2001. 384 с.
20. Моделирование рискованных ситуаций в экономике и бизнесе: Учеб. пособие / А. М. Дубров, Б. А. Лагоша, Е. Ю. Хрусталева, Т. П. Барановская; Под ред. Б. А. Лагоши. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2001. 224 с.
21. Таха Х. А. Введение в исследование операций, 6-е издание.: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. 912 с.

DOI 10.34660/INF.2026.80.51.146

ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ УМЕНИЙ МАГИСТРОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Коваленко Екатерина Дмитриевна

ассистент

Азовский государственный педагогический университет им. П. Д. Осипенко

Аннотация. В статье рассматривается практико-ориентированное обучение как эффективное средство формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры. Автором обоснована необходимость внедрения практико-ориентированных форм работы в процесс профессиональной подготовки магистров: анализ регламентов спортивных соревнований, проведение инструкторско-методических занятий в роли старшего инструктора, организация и проведение спортивно-массовых мероприятий в роли руководителя. Представлены результаты опытно-экспериментальной работы, подтверждающие эффективность практико-ориентированного обучения в формировании организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение, организационно-управленческие умения, магистры физической культуры, профессиональная подготовка, спортивно-массовые мероприятия, инструкторско-методические занятия.

Современный этап развития системы высшего педагогического образования характеризуется глубокими структурными и содержательными преобразованиями. В условиях модернизации высшего образования особую значимость приобретает проблема качественной профессиональной подготовки по направлению 44.04.01 «Педагогическое образование» (направленность «Физическая культура и спорт»). Как отмечает Л. И. Лубышева, современный специалист в сфере физической культуры и спорта должен не только владеть практическими компетенциями, но и быть готовым к научно-исследовательской, проектной и управленческой деятельности [18].

Анализ теории и практики профессиональной подготовки будущего магистра физической культуры позволил выявить противоречие между необходимостью формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры и существующими методиками подготовки, механизмами их эффективной реализации в практике работы образовательных организаций. Данное противоречие актуализирует проблему поиска эффективных педагогических средств формирования организационно-управленческих умений, среди которых особое место занимает практико-ориентированное обучение.

Практико-ориентированное обучение в настоящее время рассматривается как ведущий вектор

модернизации профессионального образования. Современные исследования (И. В. Манжелей, А. А. Нестеров) подчеркивают необходимость сближения академической подготовки с реальной профессиональной средой [17; 21]. А. А. Нестеров отмечает, что будущие учителя физической культуры должны не просто знать теорию, но и уметь применять ее в условиях реальной педагогической и тренерской деятельности [21].

Практико-ориентированное обучение представляет собой вид обучения, приоритетной целью которого является формирование у обучающихся профессиональных умений и навыков, обеспечивающих готовность к эффективной профессиональной деятельности в реальных условиях. В основе практико-ориентированного обучения лежат деятельностный и контекстный подходы, предполагающие максимальное приближение содержания и форм учебной деятельности к будущей профессиональной деятельности обучающихся.

В психолого-педагогической науке принцип единства теории и практики имеет прочные теоретические основания. Еще В. В. Давыдов, разрабатывая теорию развивающего обучения, неоднократно подчеркивал тезис о единстве теории и практики, считая, что обучение должно начинаться с действий по выделению абстрактных отношений, а затем постепенно наполнять их конкретным содержанием, совершая восхождение от абстрактного к конкретному [11].

В своей работе «Теория развивающего обучения» В. В. Давыдов показывал, что усвоение теоретических знаний происходит наиболее эффективно, когда они осваиваются в контексте практических действий, а сам процесс обучения должен быть организован так, чтобы ученик от эмпирического обобщения внешних свойств вещей переходил к пониманию их сущности через решение практических задач [12].

Для подготовки будущих магистров физической культуры принцип единства теории и практики означает, что овладение организационно-управленческими умениями должно происходить не в два этапа (от теории к практике), а в их постоянном переплетении. Теоретические знания о планировании, мотивации персонала, принятии решений в условиях соревновательной деятельности усваиваются в процессе их непосредственного применения в учебных и реальных управленческих ситуациях.

В структуру практико-ориентированного обучения входят различные формы организации образовательной деятельности. Согласно исследованиям А. А. Нестерова и И. В. Манжелей, к числу таких форм относятся: педагогическая практика (преподавание в вузе или колледже, разработка учебно-методической документации), научно-исследовательская практика (сбор эмпирических данных для диссертации, апробация методик), стажировка на базе спортивных школ и клубов (участие в тренировочном процессе, анализ соревновательной деятельности), проектная практика (разработка программ развития физической культуры в регионе, организация мероприятий) [17; 21].

Контекстный подход, разработанный А. А. Вербицким, является методологической основой практико-ориентированного обучения. В рамках этого подхода обучение строится на моделировании предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности. Усвоение знаний накладывается на канву профессиональных действий, что позволяет будущему магистру физической культуры совершить переход от учебной информации к осмысленному профессиональному поступку [9]. Реализация контекстного подхода опирается на принцип контекстности, который требует создания условий, где учебный материал приобретает для будущего магистра физической культуры личностный и профессиональный смысл. В процессе обучения информация усваивается не изолированно, а в контексте конкретного управленческого действия.

Организационно-управленческие умения будущего магистра физической культуры представляют собой интегративное качество личности, проявляющееся в способности на основе контекстно усвоенных системных знаний теории менеджмента, педагогического управления и спортивного администрирования, ценностей и рефлексивной позиции эффективно планировать, организовывать, координировать, контролировать и корректировать образовательный, тренировочный, соревновательный и физкультурно-оздоровительный процессы, решая весь спектр организационно-управленческих задач [15].

В структуре организационно-управленческих умений выделяются следующие группы:

- Стратегическое и операционное планирование – способность разрабатывать стратегию развития, целевые программы и одновременно детальные планы работы с расчетом ресурсов.
- Организация работы команды и руководство персоналом – способность координировать сотрудников, делегировать полномочия, мотивировать и разрешать конфликты в процессе совместной деятельности.
- Организация мероприятий и ресурсное обеспечение – способность организовывать массовые мероприятия, управлять материально-техническим и документационным обеспечением, применять ИТ-технологии.
- Управленческое принятие решений и анализ рисков – способность принимать управленческие решения с учетом анализа рисков и внедрять инновационные подходы.
- Коммуникация, представительство и деловое взаимодействие – способность выстраивать деловую коммуникацию, представлять организацию, вести пропаганду и обеспечивать информационное управление.
- Контроль, мониторинг и оценка эффективности – способность осуществлять мониторинг деятельности, анализировать рынок, оценивать результаты и проводить профессиональную рефлексию [15].

Формирование перечисленных умений в процессе профессиональной подготовки требует специально организованной практико-ориентированной деятельности, максимально приближенной к реальным условиям работы спортивного менеджера. Именно поэтому практико-ориентированное обучение выступает ведущим средством формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры.

Анализ регламентов проведения спортивных соревнований представляет собой вид учебно-профессиональной деятельности, в рамках которой будущие магистры физической культуры изучают, систематизируют и интерпретируют нормативно-правовые и организационно-методические документы, регламентирующие порядок подготовки и проведения соревнований различного уровня. В процессе анализа обучающиеся осваивают структуру, содержание и требования регламентов, учатся выявлять ключевые организационные аспекты, требующие управленческого внимания.

Цель данной формы работы – формирование у обучающихся компетенций в области анализа и интерпретации регламентирующей документации спортивных мероприятий, развитие способности выделять организационно-управленческие задачи, заложенные в нормативных текстах, и проектировать на их основе алгоритмы практических действий.

В ходе реализации данной формы работы будущим магистрам физической культуры предлагаются для анализа реальные регламенты проведения спортивных соревнований разных уровней (школьных, муниципальных, региональных). Обучающиеся работают в малых группах, каждая из которых получает пакет документов (положение о соревнованиях, календарный план, инструкции для участников и судей, протоколы). Задача заключается в том, чтобы выделить ключевые

организационные этапы, определить зоны ответственности должностных лиц, выявить потенциальные риски и нестыковки в регламентах, а также предложить варианты их оптимизации. Результаты анализа представляются в виде сводных таблиц и устных докладов с последующим обсуждением.

Анализ регламентов проведения спортивных соревнований способствует формированию у будущих магистров физической культуры следующих организационно-управленческих умений:

- умение анализировать нормативно-правовые документы, регламентирующие проведение спортивных мероприятий;
- умение выделять ключевые организационные этапы и определять зоны ответственности;
- умение выявлять потенциальные риски и разрабатывать меры по их минимизации;
- умение разрабатывать предложения по оптимизации организационных процессов;
- умение работать в команде и распределять функциональные обязанности.

Результаты выполнения данной формы работы показали, что обучающиеся продемонстрировали способность к аналитическому осмыслению нормативных текстов. Первоначально многие испытывали затруднения при выделении ключевых организационных аспектов, однако по мере освоения структуры регламентов качество анализа существенно повысилось. Будущие магистры физической культуры научились не просто перечислять пункты документов, но и интерпретировать их применительно к реальным условиям проведения соревнований. Особый интерес вызвало задание по выявлению противоречий и нестыковок в регламентах: обучающиеся предлагали аргументированные варианты корректировки документации, что свидетельствует о формировании у них аналитического и критического мышления, необходимого для управленческой деятельности [15].

Проведение инструкторско-методических занятий по физической культуре в роли старшего инструктора представляет собой вид учебно-профессиональной практики, в рамках которой будущий магистр физической культуры выполняет функции старшего инструктора, то есть организует, координирует и контролирует проведение занятий по физической культуре группой младших инструкторов или студентов младших курсов. Обучающийся берет на себя ответственность за планирование занятия, распределение нагрузки между исполнителями, инструктаж и контроль качества выполнения упражнений.

Цель данной формы работы – формирование у будущих магистров физической культуры умений организовывать групповую работу, распределять обязанности между участниками, осуществлять контроль и коррекцию их действий, а также обеспечивать безопасность и эффективность проводимых занятий.

В ходе выполнения данной формы работы будущим магистрам физической культуры предлагается выступить в роли старших инструкторов при проведении занятий по физической культуре со студентами младших курсов. Обучающиеся самостоятельно разрабатывают план

занятия, готовят методические материалы, распределяют обязанности между младшими инструкторами, проводят инструктаж по технике безопасности. В процессе занятия старший инструктор наблюдает за работой подчиненных, корректирует их действия, оказывает методическую помощь. По завершении занятия проводится анализ эффективности работы команды инструкторов, выявляются успешные управленческие решения и зоны для совершенствования.

Выполнение роли старшего инструктора потребовало от обучающихся проявления управленческих качеств, которые ранее не были востребованы в такой степени. Будущие магистры физической культуры отмечали, что наиболее сложными оказались задачи распределения обязанностей с учетом индивидуальных особенностей младших инструкторов и оперативного вмешательства в случае ошибок подчиненных. Постепенно обучающиеся освоили приемы делегирования, контроля и обратной связи. Наиболее успешные старшие инструкторы продемонстрировали умение сохранять общий контроль над ситуацией, не впадая в излишнюю мелочную опеку, что является важным показателем сформированности управленческой компетенции. Полученный опыт позволил будущим магистрам физической культуры осознать разницу между позицией исполнителя и позицией руководителя [15].

Организация и проведение спортивно-массовых мероприятий (соревнований, эстафет, дней здоровья) в роли руководителя представляет собой вид практической управленческой деятельности, в рамках которой будущий магистр берет на себя полную ответственность за организацию и проведение физкультурно-спортивного мероприятия: от разработки концепции и планирования до непосредственной координации в день проведения и подведения итогов. Обучающийся выступает в роли руководителя мероприятия, что предполагает управление командой организаторов, взаимодействие с участниками и партнерами, оперативное решение возникающих проблем.

Цель данной формы работы – формирование у будущих магистров целостного опыта управления спортивным мероприятием, развитие способности планировать ресурсы, координировать действия команды, принимать оперативные решения в условиях дефицита времени и неопределенности.

В ходе выполнения данной формы работы будущим магистрам предлагается самостоятельно разработать концепцию, подготовить и провести спортивно-массовое мероприятие для различных целевых аудиторий (студенты, школьники, сотрудники вуза). Обучающиеся работают в микрогруппах, каждая из которых получает свободный формат мероприятия (эстафета, день здоровья, товарищеский турнир). В процессе подготовки будущие магистры разрабатывают положение, смету, график подготовки, распределяют обязанности между членами команды, взаимодействуют с администрацией вуза и привлекают спонсоров. В день проведения мероприятия руководитель координирует работу всех служб, разрешает конфликтные и нештатные ситуации,

обеспечивает безопасность участников. По завершении мероприятия проводится анализ с выявлением успешных управленческих решений и ошибок.

Направленность мероприятий включала: организацию и проведение внутривузовского дня здоровья (командные эстафеты, конкурсы), проведение турнира по мини-футболу среди студенческих групп, организацию спортивного праздника для школьников младших классов, проведение соревнований по настольному теннису в рамках спартакиады вуза, организацию и проведение веселых стартов для сотрудников и преподавателей вуза.

Участие в организации и проведении спортивно-массовых мероприятий в роли руководителя стало ключевым элементом практико-ориентированного этапа. Будущие магистры отмечали, что данный опыт позволил им прожить полный управленческий цикл: от замысла до анализа результатов. Наиболее сложными оказались задачи оперативного реагирования на непредвиденные обстоятельства (погодные условия, отказ оборудования, неявка участников) и управления командой организаторов в стрессовой ситуации. К завершению практики обучающиеся научились сохранять работоспособность и принимать взвешенные решения в условиях цейтнота. У большинства будущих магистров значительно повысилась уверенность в собственных организаторских способностях, сформировалось понимание ответственности руководителя за результат [15].

Эффективность практико-ориентированного обучения в формировании организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры обеспечивается реализацией ряда педагогических условий.

Первое педагогическое условие – мотивированность будущих магистров физической культуры к организационно-управленческой деятельности. Мотивированность базируется на трех уровнях мотивации: внутренней, связанной с интересом к процессу управления при необходимости решения задач и проблем в ходе проведения спортивных мероприятий, разработки стратегий развития спортивных секций и клубов; внешней, ориентированной на социальный статус и престиж; профессионально-ценностной, связанной с популяризацией занятий физической культурой и спортом, массового спорта, здорового и активного образа жизни [15].

Второе педагогическое условие – использование междисциплинарных и межпредметных связей в процессе формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры. Современный руководитель спортивной организации работает с использованием психолого-педагогических, медицинских, экономических, правовых знаний, на основе которых сформированы организационно-управленческие компетенции. Управление в сфере физической культуры и спорта связано с управлением финансовыми ресурсами, что требует знаний по финансам и бухгалтерскому учету, маркетингу, логистике [15].

Третье педагогическое условие – организация квазипрофессиональной деятельности будущих

магистров физической культуры с целью формирования организационно-управленческих умений. Квазипрофессиональная деятельность предполагает воссоздание в процессе учебной деятельности смоделированной профессиональной деятельности, обеспечивая будущим магистрам переход к организационно-управленческой деятельности в сфере физической культуры и спорта. При этом будущий магистр физической культуры оказывается в роли субъекта управления и несет ответственность за виртуальный результат [15].

Четвертое педагогическое условие – организация и анализ деятельности спортивных секций, клубов, спортивно-массовых мероприятий. Организация работы спортивных секций включает нормативную базу, кадровое обеспечение, материально-техническую базу, комплектование. Организация деятельности спортивных клубов включает регистрацию и разработку стратегии, маркетинг и продажи, лицензирование, соответствие стандартам. Организация спортивно-массовых мероприятий предполагает планирование, ведение документации, логистику, обеспечение безопасности [15].

Для проверки эффективности практико-ориентированного обучения как средства формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры был проведен педагогический эксперимент с участием 86 будущих магистров физической культуры (44 обучающихся в экспериментальной группе и 42 респондента в контрольной группе). Базой экспериментального исследования выступили ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» и ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет имени П. Д. Осипенко» [15].

На констатирующем этапе эксперимента были выявлены исходные уровни сформированности организационно-управленческих умений. Высокий уровень был выявлен у 13,6% респондентов экспериментальной и 11,9% будущих магистров физической культуры контрольной групп. Средний уровень продемонстрировали 52,3% обучающихся в экспериментальной и 52,4% респондентов в контрольной группах. На низком уровне зафиксировано значительное количество респондентов – 34,1% в экспериментальной и 35,7% в контрольной группах [15].

На формирующем этапе эксперимента была реализована технология формирования организационно-управленческих умений, включающая практико-ориентированное направление деятельности. В рамках данного направления были реализованы следующие формы работы: анализ регламентов проведения спортивных соревнований, проведение инструкторско-методических занятий по физической культуре в роли старшего инструктора, организация и проведение спортивно-массовых мероприятий в роли руководителя, проектные сессии по разработке управленческих решений, тренинги управленческих навыков [15].

Результаты контрольного этапа эксперимента показали положительную динамику в экспериментальной группе. Доля обучающихся, достигших высокого уровня,

увеличилась с 13,6% до 31,8% (прирост 18,2%). Доля будущих магистров со средним уровнем увеличилась с 52,3% до 54,6% (прирост 2,3%). Доля обучающихся с низким уровнем сократилась с 34,1% до 13,6% (снижение 20,5%) [15].

В контрольной группе также наблюдается положительная динамика, однако ее масштаб существенно уступает экспериментальной группе. Доля обучающихся с высоким уровнем увеличилась с 11,9% до 14,3% (прирост 2,4%). Доля респондентов со средним уровнем увеличилась с 52,4% до 54,8% (прирост 2,4%). Доля обучающихся с низким уровнем сократилась с 35,7% до 31,0% (снижение 4,7%) [15].

Для подтверждения достоверности полученных результатов был проведен статистический анализ с использованием критерия хи-квадрат Пирсона (χ^2). Эмпирическое значение критерия составило $\chi^2_{\text{эмп}} = 5,77$. По таблице критических значений хи-квадрат для уровня значимости $\alpha = 0,05$ и числа степеней свободы $df = 2$, критическое значение составило $\chi^2_{\text{крит}} = 5,99$. Полученный результат позволяет утверждать, что выявленные различия не являются случайными и обусловлены именно внедрением разработанной технологии формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры [15].

Качественный анализ результатов эксперимента показал, что обучающиеся экспериментальной группы перешли от шаблонного планирования спортивных мероприятий к детализированной проработке всех этапов: календарные планы стали содержать контрольные точки и четкие критерии завершенности этапов; сметы составлялись с учетом реальных цен, налогов и непредвиденных расходов; штатное расписание оргкомитета включало взаимозаменяемость и дублирование функций. При введении нестандартных ситуаций (отказ оборудования, неявка судей, травма участника) респонденты предлагали

альтернативные решения, оперативно перераспределяли обязанности, аргументированно обосновывали свои действия [15].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что практико-ориентированное обучение является эффективным средством формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры. Анализ регламентов спортивных соревнований способствует формированию умений анализировать нормативно-правовые документы, выделять организационные этапы и определять зоны ответственности. Проведение инструкторско-методических занятий в роли старшего инструктора развивает умения организовывать групповую работу, распределять обязанности и осуществлять контроль. Организация и проведение спортивно-массовых мероприятий в роли руководителя обеспечивает формирование целостного опыта управления спортивным мероприятием.

Реализация практико-ориентированного обучения в процессе профессиональной подготовки магистров физической культуры требует соблюдения ряда педагогических условий: мотивированности будущих магистров к организационно-управленческой деятельности, использования междисциплинарных связей, организации квази-профессиональной деятельности, организации и анализа деятельности спортивных секций и мероприятий.

Результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили эффективность практико-ориентированного обучения в формировании организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры. Полученные данные свидетельствуют о качественном скачке в профессиональном сознании будущих спортивных менеджеров: от стадии декларативного знания и пассивного копирования шаблонов к стадии интериоризированных компетенций и субъектной готовности к самостоятельной организационно-управленческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина, О. А. Педагогическая практика студентов: учебное пособие для педагогических институтов / О. А. Абдуллина, Н. Н. Загряжская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1989. – 173 с.
2. Байденко, В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): методическое пособие / В. И. Байденко. – 2-е изд. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – 114 с.
3. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 8–14.
4. Вербицкий, А. А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования / А. А. Вербицкий // Психология обучения. – 2011. – № 2. – С. 131–132.
5. Виленский, М. Я. Физическая культура: учебник / М. Я. Виленский, А. Г. Горшков. – Москва: КноРус, 2020. – 216 с.
6. Горбунова, Н. В. Самостоятельные занятия по физической культуре как средство профилактики переутомления студентов на дистанционном обучении / Н. В. Горбунова, В. Р. Горбунова // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1 (98). – С. 226–228.
7. Горбунова, Н. В. Педагогический потенциал спорта высших достижений в формировании гражданской активности студенческой молодежи / Н. В. Горбунова // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 11. – С. 68.

8. Гревцева, Г. Я. Инновационные виды педагогического сопровождения самостоятельной работы обучающихся в информационно-образовательной среде / Г. Я. Гревцева, М. В. Циулина, А. В. Фахрутдинова // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 173–180.
9. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – Москва: Академия, 2004. – 288 с.
10. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – Москва: ИНТОР, 1996. – 544 с.
11. Зеер, Э. Ф. Компетентностный подход в реализации профессионального развития личности специалиста / Э. Ф. Зеер, О. В. Мухлынина // Формирование компетенций в практике преподавания общих и профессиональных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2021. – С. 101–106.
12. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
13. Коваленко, Е. Д. Ключевые аспекты формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры и спорта / Е. Д. Коваленко // Педагогический вестник. – 2025. – С. 40–42.
14. Коваленко, Е. Д. Методологические аспекты формирования организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры и спорта / Е. Д. Коваленко // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 88–1. – С. 140–143.
15. Коваленко, Е. Д. Формирование организационно-управленческих умений будущих магистров физической культуры: дис. ... канд. пед. наук / Е. Д. Коваленко. – Ялта, 2026. – 254 с.
16. Лубышева, Л. И. Приоритеты профессиональной подготовки учителя-тренера-преподавателя: от теоретико-абстрактного к практико-ориентированному обучению / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 9. – С. 103.
17. Манжелей, И. В. Теоретические и прикладные аспекты методической работы учителя физической культуры: учебник для среднего профессионального образования / И. В. Манжелей. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 182 с.
18. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры: учебник / Л. П. Матвеев. – Москва: Спорт, 2021. – 520 с.
19. Сластенин, В. А. Педагогическое наследие: проблемы воспитания, личностного и профессионального развития / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова, Н. А. Подымов. – Москва: МПГУ, 2020. – 290 с.
20. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 49.03.01 Физическая культура: утв. приказом Минобрнауки России № 464 от 26.07.2017. – Москва, 2017.
21. ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (уровень магистратуры): утв. приказом Минобрнауки России № 126 от 22.02.2018. – Москва, 2018.
22. Хуторской, А. В. Дидактическая эвристика: теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – Москва: Издательство МГУ, 2003. – 416 с.

УПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПЛОВЦОВ В ЛАСТАХ НА ОСНОВЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Дудченко Павел Павлович

кандидат педагогических наук

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия

Девятиярова Елена Александровна

старший преподаватель

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Россия

Аннотация: Исследование проверяло влияние регламентированного цикла педагогической коррекции на динамику результатов квалифицированных пловцов в ластах. В естественном педагогическом эксперименте на протяжении одного макроцикла участвовали 37 спортсменов 14–18 лет (от первого разряда до мастера спорта): экспериментальную группу составили 19 человек, контрольную – 18. Объём занятий, тренировочная база и соревновательный календарь были сопоставимы. Экспериментальным фактором выступал способ управления подготовкой: в экспериментальной группе применялся завершённый цикл, включавший диагностику, постановку индивидуальной задачи, выполнение нагрузки, текущий мониторинг, адресную коррекцию и повторную оценку. За время эксперимента средний результат на 100 м улучшился в экспериментальной группе на 1,87 с (4,7%), в контрольной – на 0,85 с (2,1%), межгрупповое различие статистически значимо ($p = 0,016$). На дистанции 400 м улучшение составило соответственно 8,2 с (3,8%) и 2,5 с (1,2%), $p = 0,055$, что позволяет расценивать различие как выраженную благоприятную тенденцию. Полученные результаты обосновывают практическую целесообразность включения регламентированной педагогической коррекции в управление подготовкой пловцов в ластах без увеличения общего тренировочного времени.

Ключевые слова: плавание в ластах, квалифицированные спортсмены, педагогическая коррекция, индивидуализация, тренировочный процесс, спортивный результат, педагогический контроль, макроцикл.

Подготовка квалифицированного спортсмена представляет собой длительный управляемый процесс, в котором цели, нагрузки и контроль должны быть внутренне согласованы. Для пловцов в ластах высокой квалификации особое значение имеют точность и своевременность тренерских решений, а резервы роста связаны с индивидуальной реакцией на нагрузку, устойчивостью техники и своевременной сменой упражнений [1, с. 53]. Одного планирования недостаточно для гарантии динамики результатов: даже тщательно разработанная программа реализуется в постоянно изменяющихся условиях, а текущее состояние спортсмена определяется утомлением, восстановлением, соревновательным напряжением и особенностями конкретных циклов. Без педагогической интерпретации выявленных отклонений данные контроля остаются изолированными от последующих решений тренера-преподавателя.

Педагогический контроль приобретает управленческую ценность лишь при сопоставлении результата с исходным состоянием, задачами микроцикла и предстоящей нагрузкой. Надёжность, единообразие и повторяемость измерений создают основу для обоснованной коррекции, но случайное изменение отдельного

показателя не должно определять всю программу [2, с. 80]. Современный мониторинг требует совместного учёта внешней нагрузки и внутренней реакции; практический эффект достигается, когда данные используются для корректировки объёма, интенсивности, отдыха и сроков контроля. В исследованиях подчёркивается необходимость контекстного анализа индивидуальной динамики вместо сравнения с усреднённой нормой [3, с. 221].

В плавании в ластах эта проблема усиливается зависимостью скорости от взаимодействия со снаряжением: жёсткость ласт, ритм, положение корпуса и устойчивость волнообразных движений при утомлении влияют на эффективность и энергозатраты [4, с. 89]. Поэтому прирост результата следует оценивать с учётом способа его достижения и стабильности воспроизведения. В практике спортивной школы диагностика, планирование и коррекция часто разобщены во времени; тренер видит результаты и признаки утомления, но связь между причиной, решением и реакцией спортсмена остаётся недостаточно прослеживаемой. Регламентированный цикл педагогической коррекции упорядочивает этот процесс, задавая последовательность действий и обязательную повторную проверку эффекта [5, с. 20].

В настоящем исследовании под регламентированным циклом педагогической коррекции понимается последовательность взаимосвязанных действий: диагностика текущего состояния, постановка индивидуальной задачи, выполнение нагрузки, текущий мониторинг, адресное изменение конкретного параметра и повторный контроль. Содержание коррекции определяется задачей этапа и реакцией спортсмена; цикл считается завершённым после проверки того, привело ли принятое решение к ожидаемому изменению.

Цель исследования заключалась в определении влияния регламентированного цикла педагогической коррекции на динамику результатов квалифицированных пловцов в ластах на дистанциях 100 и 400 м плавание в ластах.

Задача исследования состояла в сопоставлении изменений спортивных результатов экспериментальной и контрольной групп после восьмимесячного макроцикла при сопоставимом объеме учебно-тренировочной работы.

Гипотеза исследования основывалась на предположении о том, что встраивание диагностики, индивидуального тренерского решения, адресной коррекции и повторного контроля в единый управленческий цикл подготовки пловцов в ластах обеспечит более выраженное улучшение времени плавания в ластах на дистанциях 100 и 400 м по сравнению с традиционной тренировочной программой подготовки.

Материалы и методы. Исследование проводилось в 2025–2026 гг. на базе Государственного учреждения дополнительного образования Тульской области «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» в Туле. Формирующий этап продолжался четыре месяца и охватывал базовый, предсоревновательный и соревновательный периоды завершённого макроцикла. Все исследовательские процедуры включались в действующее расписание спортивной школы.

В педагогическом эксперименте приняли участие 37 пловцов в ластах в возрасте от 14 до 18 лет с квалификацией от первого спортивного разряда до мастера спорта. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 19 спортсменов, в контрольную группу (КГ) – 18 пловцов в ластах. При комплектовании групп учитывались возраст, пол, спортивный стаж, квалификация, специализация по дистанциям, исходные результаты и особенности восстановления спортсменов после стандартной нагрузки.

К участию в исследовании допускались пловцы в ластах, которые регулярно выполняли программу подготовки. Они прошли исходное обследование и имели медицинский допуск. Участие было добровольным. Для несовершеннолетних спортсменов было получено письменное согласие родителей или законных представителей.

Обе группы тренировались в одном бассейне, участвовали в общем соревновательном календаре и выполняли сопоставимое число учебно-тренировочных занятий. Объем плавательной работы пловцов в ластах и программные требования существенно не различались. Экспериментальным фактором выступал способ педагогического управления подготовкой пловцов в ластах.

В ЭГ по результатам исходного обследования составлялся индивидуальный профиль пловца. В нем

фиксируются результат на основной дистанции, ведущий ограничивающий фактор, рабочие диапазоны показателей, техническая задача и признаки неблагоприятной реакции на нагрузку. В ходе наиболее значимых учебно-тренировочных занятий тренер сопоставлял запланированный и фактический темп пловцов в ластах, качество выполнения ими упражнений, степень утомления и характер восстановления. Устойчивое отклонение от индивидуального диапазона служило для тренера-преподавателя основанием для изменения объема или интенсивности нагрузки, продолжительности отдыха спортсменов, технической сложности либо восстановительных мероприятий. Принятое решение и ожидаемый эффект заносятся в индивидуальную карту пловца в ластах.

Каждая коррекция параметров учебно-тренировочной нагрузки, технических заданий и восстановительных мероприятий завершалась повторным контролем. Оперативные изменения проверялись на следующем занятии или в ближайшем микроцикле, более значительные – по итогам тренировочного мезоцикла. В КГ применялась стандартная программа спортивной школы, включавшая плановые контрольные заплывы, хронометраж и визуальное наблюдение. Индивидуальные решения тренера-преподавателя не оформлялись в виде регламентированного цикла с обязательной фиксацией причины коррекции и последующей проверкой ее эффективности.

Основными результативными показателями являлись время прохождения пловцами в ластах дистанций 100 и 400 м. Контрольные заплывы спортсменов проводились после стандартной разминки при одинаковом порядке старта, распределении по дорожкам и способе хронометража. Электронная регистрация дополнялась резервным ручным контролем. Условия итогового обследования спортсменов соответствовали условиям исходной контрольной точки.

Количественные данные были представлены в виде среднего значения и ошибки среднего. Для каждой группы рассчитывались абсолютные и относительные изменения. Исходная сопоставимость групп и различия итоговых значений оценивались с помощью t-критерия Стьюдента, при необходимости применялась поправка Уэлча. Практическую выраженность различий определяли по величине g Хеджеса и 95-процентному доверительному интервалу. Критический уровень статистической значимости составлял $p < 0,05$.

Исходные результаты групп находились в близких диапазонах. Среднее время на 100 м составляло $40,12 \pm 0,30$ с в ЭГ и $40,05 \pm 0,27$ с в КГ. На дистанции 400 м зарегистрированы значения $194,5 \pm 2,1$ и $194,0 \pm 2,0$ с соответственно. Межгрупповые различия до начала формирующего воздействия не достигали статистической значимости. Для дистанции 100 м значение p составило 0,863, для 400 м – 0,864.

После завершения тренировочного макроцикла среднее время прохождения соревновательных дистанций 100 и 400 м сократилось в обеих группах. Вы выраженность изменений различалась. Результаты исходного и итогового контроля представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика результатов квалифицированных пловцов в ластах на дистанциях 100 и 400 м

Дистанция	ЭГ до, с	ЭГ после, с	Изменение ЭГ	КГ до, с	КГ после, с	Изменение КГ
100 м	40,12 ± 0,30	38,25 ± 0,28	-1,87 с -4,7%	40,05 ± 0,27	39,20 ± 0,25	-0,85 с -2,1%
400 м	194,5 ± 2,1	186,3 ± 1,8	-8,2 с -3,8%	194,0 ± 2,0	191,5 ± 1,9	-2,5 с -1,2%

Примечание. Значения представлены как $M \pm m$. Отрицательное изменение времени означает улучшение спортивного результата. Проценты рассчитаны относительно исходного группового среднего.

Регламентированный цикл педагогической коррекции положительно повлиял на результаты квалифицированных пловцов в ластах. После четырехмесячного макроцикла среднее время на 100 м в экспериментальной группе сократилось на 1,87 с (4,7%), в контрольной – на 0,85 с (2,1%); межгрупповое различие статистически значимо ($p = 0,016$, $g = -0,81$). На 400 м улучшение составило соответственно 8,2 с (3,8%) и 2,5 с (1,2%), преимущество ЭГ – 5,7 с ($p = 0,055$, $g = -0,64$), что расценивается как выраженная практическая тенденция.

Более чёткий эффект на короткой дистанции объясняется высокой чувствительностью скоростного результата к точной постановке индивидуальной задачи – старт, подводная часть, выход и поддержание темпа во второй половине – тогда как на 400 м результат в большей мере зависит от распределения усилий, устойчивости техники при утомлении и специальной выносливости. Регламентированный цикл позволил тренеру выявить ограничивающее звено и адресно скорректировать параметры подготовки, проверяя решение повторным контролем.

Полученные данные согласуются с представлением о тренировке как управляемой системе, где обратная связь реализуется через последовательность: диагностика – индивидуальная задача – мониторинг – коррекция – повторная оценка. Практическая ценность подхода в том, что он упорядочивает деятельность тренера, не требуя

увеличения объёма занятий: фиксируется отклонение, устанавливается вероятная причина, изменяется один управляемый параметр и назначается срок проверки. Адресность коррекции – ключевое условие; выделение ведущего ограничивающего фактора в каждом цикле позволяет избежать неоднозначной интерпретации результатов.

Исследование имеет ограничения: одна спортивная школа, выборка 37 человек, отсутствие полной рандомизации, включение разнополых спортсменов и разных специализаций, комплексный характер воздействия, не позволяющий разделить вклад отдельных элементов. Это ограничивает перенос точных величин эффекта, но не снижает практической значимости выявленного направления. Дальнейшие исследования должны охватывать больше организаций, учитывать пол и дистанционную специализацию, дополнять временные показатели функциональными и техническими параметрами, а на 400 м – анализировать прохождение 50-метровых отрезков для уточнения механизмов и повышения чувствительности статистических моделей.

Таким образом, гипотеза о преимуществе регламентированного цикла педагогической коррекции перед традиционной подготовкой подтверждена на дистанции 100 м и получила частичное подтверждение на 400 м, что обосновывает его внедрение в практику без дополнительных временных затрат.

Литература

1. Гончарова О. В. Мониторинг в современной системе подготовки спортсменов // *Fan-Sportga*. 2021. № 1. С. 51–54.
2. Епишкин И. В. Методика развития скоростно-силовых способностей у пловцов на начальном этапе подготовки // *Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта*. 2025. Т. 20. № 2. С. 78–84.
3. Ялкапова Г. Буданова А. Исследования спортсменов: адаптационные механизмы, показатели работоспособности и современные методы анализа // *Наука и мировоззрение*. 2025 Т. 1. № 62. С. 219–225.
4. Дудченко П. П. Анализ переходных этапов в тренировках пловцов в ластах: от резиновых ласт до гипермоносты // *Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт*. 2025. № 5. С. 86–92.
5. Тимакова Т. С. К проблеме повышения качества подготовки квалифицированного резерва спортивными школами страны // *Вестник спортивной науки*. 2016. № 3. С. 18–22.

ФЕНОМЕН КИБЕРБУЛЛИНГА В ЭПОХУ ИИ: ПОДХОДЫ К ПРЕВЕНТИВНЫМ МЕРАМ

Зубеева Елена Валериевна

кандидат экономических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Туманова Диана Александровна

студент

Московский городской педагогический университет

Аннотация: Вместе с внедрением нейросетей в нашу повседневную жизнь мы не только получаем более комфортные условия для обучения и работы, но и неизбежно сталкиваемся с рядом негативных последствий от их использования. Одним из них выступает неправомерное использование искусственного интеллекта. В сообществе детей и подростков он нередко становится инструментом унижения достоинства сверстников. В статье рассмотрен феномен кибербуллинга в школьной среде. Предложены меры по его предупреждению.

Ключевые слова: кибербуллинг, искусственный интеллект, дипфейки, психическое здоровье, кибербуллинг подростков.

Одна из наиболее распространенных и острых проблем, обсуждаемых в психолого-педагогическом сообществе по всему миру, – буллинг среди детей и подростков. С развитием технического прогресса и внедрением таких его показательных достижений, как нейросети в повседневную жизнь, буллинг приобретает новые формы. Так можно говорить о кибербуллинге, становящимся все более и более популярной разновидностью негативного психологического воздействия на детей и подростков.

По заявлению руководителя центра Безопасность 2.0 Елены Суторминой, эта тенденция очень тесно связана с использованием искусственного интеллекта. По данным центра количество случаев кибербуллинга с участием несовершеннолетних с 2024 года выросло на 14%. [2]

Чтобы понять как использование нейросетей может влиять на эту статистику и как можно предупредить ее ухудшение, рассмотрим подробнее само понятие и механизмы его работы.

В 1997 году канадский педагог и исследователь дал определение кибербуллингу, сформулировав его как использование информационных и коммуникативных технологий (электронной почты, смартфонов, Интернета, гаджетов) для сознательного, систематического, агрессивного поведения индивида и/или группы, целенаправленного на оскорбление и унижение других людей [1].

С течением времени подход к этой проблеме менялся, однако само понятие осталось практически таким же.

Говоря о широте происходящего можно выделить несколько наиболее подверженных использованию ИИ форм, используемых киберагрессорами:

- кибертравля – публикация недоброжелательной информации на различных интернет-ресурсах, в социальных сетях, на мемориальных страницах, тем самым побуждая эмоциональный всплеск

- секстинг – обнародование фото и/или видео интимного характера

- клевета – обнародование обманчивой, унижающей, обвиняющей информации [1].

Во всех трех случаях недоброжелателями может применяться одна из наиболее тяжело регулируемых со стороны права и одна и наиболее тяжелых к распознаванию, в некоторых случаях, технологий – дипфейки. Данный механизм позволяет создать ложный фото и видео контент с человеком, используя его биометрические данные жертвы (портретные фото или видео)

По данным центра Безопасность 2.0 количество случаев использования подобных технологий в отношении несовершеннолетних за три месяца наблюдений составило порядка 1,5 тысяч [2], что свидетельствует о развитии данной тенденции в потенциальную угрозу для психического здоровья молодежи. По данным всероссийского центра изучения общественного мнения за 2024 год, каждый пятый россиянин считает кибербуллинг одной из ключевых угроз для детей в интернете. [5] А по исследованиям, проведенным исследовательской группой ЦИРКОН, тенденция к использованию подростками данных технологий и применения их в целях «травли» – унижения чужого достоинства экспертами оценивалась на 1,7 балла из 3 возможных. [3]

Кибербуллинг обладает своим рядом последствий, которые должны регулироваться и минимизироваться со стороны школы, так как работа по ликвидации последствий и восстановлению контакта между детьми и подростками выступает настолько же важной, насколько работа по предупреждению.

Создание и распространение «фейковых», то есть, ненастоящих фото или видео с жертвой буллинга может привести к внутренним конфликтам в классе или даже

конфликтом между ребенком и родителем, если созданный контент противоречит взглядам семьи. С первого взгляда распознать применение дипфейков бывает тяжело, что может вызвать необоснованную и травмирующую для ребенка-жертвы эмоциональную реакцию. Также анонимность создателя может выступать проблемой при проработке данного конфликта и способствовать закреплению такого пути поведения у агрессора, из-за ощущения собственной безнаказанности. Все эти возможности развития ситуации кибербуллинга в совокупности приводят к созданию ситуации небезопасности, которая может, оказывая влияние на самоощущение и психологическое здоровье учеников, снижать их академическую успеваемость, что выступает одним из последствий. [6]

В данный момент активно идет разработка правового комплекса мер, для более эффективного урегулирования вопросов взаимодействия с Искусственным интеллектом. Так, в 2021 году, по предложению Президента Российской Федерации В. В. Путина, выдвинутом годом ранее, был принят кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, однако на данный момент документ выступает рекомендательным для соблюдения и не подкреплён поправками в основное законодательство. [4]

Помимо законодательных мер, может быть предложен ряд психолого-педагогических превентивных мер, направленных на более эффективную работу с кибербуллингом и повышение осведомленности детей и родителей о его методах и формах.

Так, можно говорить о нескольких методах:

1. Проведение дополнительных разъяснительных бесед с родителями, включённых в программу родительских собраний в 5, 9 и 11 классах.

Повышение осведомленности о формах кибербуллинга и таких его инструментах, как дипфейки, среди родителей может помочь повысить уровень их критического отношения к контенту, который может быть создан с их ребенком. Также, это может помочь привлечь их внимание к действиям детей и стилю их поведения в интернет-ресурсах, что поможет заметить, выступают ли они агрессорами в кибербуллинге;

2. Введение дополнительных уроков кибербезопасности в курс информатики, а также детализированной темы кибербуллинга.

Информационное просвещение школьников, для понимания ими механизмов действий в случае столкновения с кибербуллингом, установление этических норм работы с ИИ;

3. Разработка методических рекомендаций в качестве элемента национальных проектов по повышению компьютерной грамотности, для педагогов и психологов.

Разработка и распространение шаблона поведения преподавателя и школьного психолога, при обнаружении ситуации кибербуллинга в классе

Данный перечень мер может оказать положительное влияние на тенденцию распространения кибербуллинга среди детей и подростков, что поможет снизить его негативное влияние на школьное образование.

Список использованных источников и литературы

1. Бобровникова Н. С. КИБЕРБУЛЛИНГ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ // МНИЖ. 2022. № 11 (125). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-vidy-i-osobennosti-proyavleniya> (дата обращения: 02.08.2026).
2. Буллинг: проблема и пути решения [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2026. – 12 февраля. – URL: <https://ria.ru/20260212/bulling-2073797064.html> (дата обращения: 02.08.2026).
3. Давыдов Сергей Геннадьевич, Матвеева Наталия Николаевна, Сапонова Анастасия Владимировна ДИПФЕЙКИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-kak-sotsialnaya-ugroza> (дата обращения: 03.08.2026).
4. Михайлов М. А., Кокодей Т. А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-zlonamerennogo-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-vozmozhnosti-ih-minimizatsii> (дата обращения: 03.08.2026).
5. Травля в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuyu-ehpokhu> (дата обращения: 02.08.2026).
6. Этика ненасилия в современном управлении кадрами / Е. А. Гурина, Е. В. Зубеева, Д. В. Беляев, М. А. Гололобов // Экономика и управление в машиностроении. – 2024. – № 1. – С. 59–64.

СОКРЫТИЕ КАК СПОСОБ БЫТЬ ИСКРЕННИМ ПРИ ПОМОЩИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ТЕАТРАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Рахимова Майя Вильевна

кандидат философских наук, доцент

Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского

Аннотация. Данная работа посвящена анализу «повседневной театральности» как феномена социокультурной коммуникации и адаптации человека к внешним и внутренним вызовам, проявляющего «театральную» природу человека и реализующего ее экзистенциальный потенциал в социуме в повседневной культуре общения.

Автор предлагает к осмыслению тезис о двойственной природе сокрытия, помогающей человеку казаться искренним при внешнем социальном общении, с одной стороны, и позволяющей ему быть искренним в его подлинной, внутренней жизни.

Среди методов, действовавших в работе, следует отметить критический, аналитический, дескриптивный методы, а также методы эстетического погружения в художественный текст, его интерпретации и осмысления. В качестве иллюстративного материала предлагаются отрывки из романа Сомерсета Моэма «Театр», и в частности, персонаж Джулии Ламберт на примерах внутренней речи которой потенциал сокрытия

в контексте «повседневной театральности» раскрывается наиболее выпукло и демонстративно.

Автор отмечает, что благодаря режиссуре телевизионной картины, внутренняя речь от коротких реплик до сложных душевных размышлений главной героини, демонстрируется при помощи «апарте и «солилоквия»; встречается и прием «прокеризмы». Что касается эстетического опыта анализа произведения, то благодаря наследию М. С. Кагана, эстетическое погружение в художественный материал помогает понять глубинную суть душевных процессов, переживаемых персонажем произведения.

Ключевые слова: Повседневная театральность, сокрытие, искренность, театр, внутренняя речь, поэтическая истина.

Вступление

Прежде всего, обратим внимание на отрывок из романа Сомерсета Моэма «Театр», имеющий отношение к тому этапу развития сюжета, когда главная героиня (Джулия) не без содействия мужа (Майкла) уже пригласила своего молодого «спутника» (Тома) провести некоторое время в кругу ее семьи (во время отпуска).

У героини были вполне лирические планы на молодого человека, однако весь Его пыл и интерес сконцентрировался не на ней, а на Роджере (сыне главной героини). Молодые люди (юноши) вместе играли в гольф и теннис, купались в реке, проводили время в беседах и спорах. Это обстоятельство больно ударило по самолюбию и ожиданиям главной героини. Однако ей нужно было «сохранять лицо» и никоим образом не выдавать своего разочарования. Как она это делает?

«Так прошла вторая неделя. Майкл, Роджер и Том наслаждались жизнью. Они купались, играли в теннис и гольф, слонялись у реки. Осталось четыре дня. Осталось три дня.

(«Ну, теперь уж я дотерплю до конца. Все изменится, когда мы вернемся в Лондон. Нельзя показывать, как я несчастна. Нужно делать вид, что все в порядке».)

– Повезло нам, отхватили такой кусок хорошей погоды, – сказал Майкл. – А Том пользовался успехом, правда? Жаль, что он не может остаться еще на недельку.

– Да, ужасно жаль.

– Я думаю, Роджеру хорошо иметь такого товарища. Абсолютно нормальный, чистый английский юноша.

– О, да, абсолютно. («Ну и дурак! Ну и дурак!»)

– Прямо удовольствие глядеть, как они едят.

– О да, аппетит у них завидный. («Господи, хоть бы они подавились!») [6, с. 156].

О философии сокрытия в «повседневной театральности»

В круглых скобках заключены сокрытые, эмоционально окрашенные мысли и реакции главной героини (Джулии), отражающие ее подлинные чувства и отношение к происходящему. Это те самые реакции и мысли, которые по целому ряду причин и предлагаемых обстоятельств она не может позволить себе произнести вслух,

но и не в силах не думать, поскольку они есть правда (о ситуации, о ней самой).

Внутренняя речь Джулии Ламберт, сопровождающая произведение на протяжении всего его развития, невероятно обогащает его и может рассматриваться в качестве лейтмотива силы внутренней правды персонажа при необходимости утаивания таковой в сложных коммуникативных вариациях социального общения.

Подвижный внутренний мир героини становится пространством «диалектики души», свободной от условностей, от социальных ролей внешнего мира. Ведь общение с собой предполагает истинную близость, искренность, тесно связано с переживанием как психологическим явлением, с поиском истины, душевного баланса, смысла, наконец [10, с. 35].

То, что внутренняя речь Джулии во всем ее эмоциональном разнообразии и диапазоне, становится доверительно доступной читателю, крайне примечательно и полезно в рамках исследования «повседневной театральности» как философского феномена, поскольку позволяет заглянуть в душу героя и узнать во многом в этой, его внутренней жизни свою внутреннюю жизнь, столь же сокрытую, утаиваемую при внешнем общении, но искреннюю в смысле «диалектики души».

Есть предположение, что «круглые скобки» индивидуальных оценочных реакций на происходящее вовне вполне свойственны не только литературному персонажу Джулии Ламберт, но и простым людям. Не всё человек может и должен говорить из того, что думает при встрече с социальными вызовами или социокультурном взаимодействии.

Почему? Прежде всего потому, что человек – существо социальное, и человеческий разум есть не только самодостаточный и исключительно индивидуальный феномен, но и феномен коллективный [12, с. 46].

Правила этикета, приличий, внутренней культуры, опыт, осторожность, страх и многое другое формирует своеобразный барьер для свободной и искренней коммуникации. Более того, согласно К. Юнгу, общество ожидает, что каждый индивид будет играть отведенную ему роль как можно лучше, как ему подсказывает его «персона».

Персона, как сегмент психики, обладает потенциалом маски, под которой прячется коллективная психика; маска умеет симулировать индивидуальность, заставляя других и самого субъекта верить в эту индивидуальность, тогда как на самом деле он просто играет роль, через которую говорит коллективная психика [12, с. 66].

Выражения «принять официальный вид», «играть социальную роль» связаны со способностями персоны человека выглядеть так или иначе; он может не только прятаться за маской персоны, но и использовать персону как баррикаду [12, с. 98].

Если человек полагает, что скрывать истинную природу излишне, это означает, что человек настолько отождествлен со своей персоной, что больше не узнает себя. В случае, если человек не считает нужным производить на других определенное впечатление, означает, что

человек не осознает истинную природу своих близких [12, с. 129].

Человеку важно, как его принимает общество, насколько он соответствует ожиданиям (собственным и общества), насколько он приятен и успешен в общественной среде. Потому так важны социальные атрибуты, ритуалы, символы, позволяющие быть корректно считываемым, одобряемым, располагающим к себе.

В поисках такого рода успеха и взаимности в социуме, театральные средства выразительности подходят как нельзя лучше. Среди задействуемых активно можно отметить представление, отождествление себя, например, со своей должностью или титулом. Именно поэтому, согласно, К. Юнгу, так много людей представляют собой не что иное, как декорум, навязанный им обществом.

Зависимость человека от социальной среды, ее власть и сила побуждали К. Юнга отмечать особые усилия, которые должен прилагать человек, чтобы развивать личность, например, некоторое обособление, отделение от коллективной психики, поскольку частичная или размытая дифференциация приводит к немедленному растворению индивидуального в коллективно [12, с. 55].

В сложных предлагаемых обстоятельствах повседневной культуры общения справиться с необходимостью ролевого соответствия обстоятельствам человеку помогает феномен «повседневной театральности», частью которого, возможно, является и «персона». Благодаря «повседневной театральности» человек всякий раз выглядит убедительным и искренним в общении, но далеко не всегда является таковым на самом деле.

Владея профессионально мастерством актера, персонаж Джулии Ламберт демонстрирует ряд его инструментальных возможностей, «внутреннюю кухню» осмысления, обработки, оценки происходящих с героем социальных событий, вызовов, решаемых с помощью «повседневной театральности». Не потому ли так интересно наблюдать за внутренней жизнью Джулии Ламберт, что в ней отражаются схожими проявлениями наша внутренняя жизнь? Не потому ли близок юмор внутренних оценок Джулии, что это свойство оценочной аналитической рутины присуще и нашей психической природе?

Тогда что следует понимать под «повседневной театральностью»? На данный момент автором работы «повседневная театральность» характеризуется как комплексный открытый самоорганизующийся феномен адаптации человека к внешним и внутренним вызовам, проявляющий «театральную» природу человека и реализующий ее экзистенциальный потенциал в социуме; как феномен с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью, реализующий себя в повседневной культуре общения.

«Повседневная театральность» тесно связана с игрой как экзистенциальным феноменом, возникает из игры, чаще игры востребует прагматический потенциал в повседневности. Можно выделить такие свойства «театральной» природы человека, как подвижное внутреннее коммуникативное пространство (внутренние диалоги, фантазия), высокий адаптационный потенциал, социокультурную

мимирию, суггестивный потенциал, эгоцентризм, прагматизм, манипуляционный потенциал, ролевое представление, драматическое поведение, экзистенциальный эскейпизм, представление себя «другим». Проблемное поле «повседневной театральности» затрагивает такие аспекты философии, как «грёза», «иллюзия», «маска», «манипуляция», «кажимость», «другой» [8, с. 90,91].

Размышляя о маске, Джордж Сантяна обращает наше внимание на то, что «живые организмы, соприкасаясь с внешней средой, вынуждены обзаводиться какой-то защитной оболочкой», которая становится их образом, кажимостью. Образы, в свою очередь, подобны раковинам, которые покрывают и скрывают субстанции, что находятся внутри. И это, согласно Дж. Сантяне, вовсе не значит, что субстанция существует ради видимости, лица ради масок, страсти ради поэзии и проявлений добродетели. Ничто не возникает в природе ради чего-то другого: все такие фазы и произведения равно включены в круг бытия...» [1, с. 7].

«Повседневная театральность», как специфический инструмент адаптации человека к социокультурной действительности, обладает способностью выстраивать подобные «раковины» кажимостей, представлений, образов и социальных ролей для наилучшего приспособления людей друг к другу, и здесь, конечно, без утаиваний, сокрытий обойтись сложно.

Когда И. Гофман анализирует специфику представления себя другим в повседневной жизни, он говорит о потаенной заинтересованности собеседников в информации друг о друге, которую они стремятся добыть в общении, либо сообщить с помощью образов и демонстраций о себе. Получить информацию о другом они желают полезную и правдивую, передать информацию о себе хотели бы соответствующую обстоятельствам [1, с. 11].

Предполагается, что при социальном взаимодействии мы берем контроль над частью нашей индивидуальности, и это восстанавливает симметрию коммуникационного процесса, а также способствует своеобразной коммуникативной игре – бесконечному круговращению утаиваний, лживых откровений и так далее [1, с. 19].

Как и К. Юнг, И. Гофман осторожен в оценках чистосердечного поведения в обществе и в необходимости такового, полагая искренность оптимистическим идеалом, вовсе необязательным для слаженной работы общества. Более того, И. Гофман считает, что от каждого участника взаимодействия ждут, наоборот, подавления непосредственных сердечных чувств, поскольку важно, чтобы участники транслировали такой взгляд на ситуацию, который в состоянии хотя бы временно принять другие [1, с. 19,20].

«Повседневная театральность» опирается на сокрытие, утаивание информации, оценок, намерений, подлинных чувств и всякий раз выбирает предсказуемое, спокойно считываемое другими поведение, образ, видимость искренности. В этом смысле сокрытие демонстрирует потенциал социокультурной мимирии, своеобразного драматургического камуфляжа, позволяющего человеку в обществе безопасно для самого себя выглядеть,

казаться искренним, даже чувствовать свое поведение как искреннее и верить в демонстрируемый образ.

При этом внутренняя жизнь человека может развиваться параллельно внешнему образу и не обязательно синхронизируется с представлением. В данном случае сокрытие, по-прежнему сохраняя для человека возможность находиться в состоянии безопасности, психологической защищенности, позволяет ему не казаться, а быть искренним, честным с самим собой в той степени осмысления себя и событий, встреч, экзистенциальных вызовов, в какой он в принципе подлинно заинтересован.

Мы наблюдаем двойственную природу сокрытия, задеваемого в общении при помощи «повседневной театральности». Диалектика сокрытия позволяет быть искренним наедине с собой и казаться искренним в общении с другими. И есть предположение, что эти сложные психологические процессы вряд ли могут обойтись друг без друга, поскольку «быть – есть нечто невидимое, если оно не достигает того, чтобы казаться, казаться же есть нечто бессильное, если не достигнет того, чтобы быть» [11, с. 26].

Об эстетике искренности «повседневной театральности»

Продолжая размышление о специфике «повседневной театральности» одновременно скрывать и проявлять в человеке состояние искренности, хотелось бы отметить, что обращение к художественному произведению не только не мешает исследованию проблемы человека с позиций философии, но и во многом представляется полезным, поскольку искусству, равно как и философии, свойственна ориентация на познание духовной жизни человека и общества как главной и конечной цели [5, с. 255].

Кроме того, искусство, будучи тонким духовным инструментом постижения души человеческой, способно удивительно глубоко и прозорливо раскрывать стороны и грани, как внутреннего мира человека, так и жизни общества.

Мы слушаем внутреннюю речь Джулии Ламберт, которая варьируется от коротких реплик в стиле «апарте» до глубоких внутренних монологов – размышлений в духе «солилоквия» о себе и обществе и не замечаем как сливаясь с «субъективной истиной» героини, характерной для ее индивидуальной неповторимости душевной жизни (душевной жизни автора – С. Моэма, вложившего в ее уста свои размышления), находим нечто общезначимое, собственное и нам, поскольку переживания автора и его персонажа откликаются в нас правдой о себе, самопознанием, тем, что можно охарактеризовать как психологически существенное, глубинное, истинное, как «поэтическую истину» [5, с. 258].

Отметим, что, конечно, героиня специально напрямую к читателю со страниц романа не обращается, что было бы свойственно драматическому приему «апарте» в театре. Но благодаря режиссуре телевизионной картины, Джулия «использует» прием «апарте» в киноверсии романа и делает это крайне остроумно. Кстати, помимо «апарте», в фильме встречаются приемы «солилоквия» и «прокеригмы».

И сложно не согласиться с М. С. Каганом в том, что воспроизведение жизни в формах самой жизни позволяет актерскому искусству, как и живописи и литературе, давать индивидуальную конкретность изображаемого, вплоть до «портретности» [3, с. 266]., в данном случае, эффект «портретности» достигается за счет драматургии внутренней речи главной героини, вплетающей в себя реакции «апарте» и «солиловия».

Обращение к «прокеригме» мы встречаем при общении Джулии с персонажем «от автора» в исполнении Яниса Стрейча, который поясняет зрителю биографические вехи главной героини, особенности становления ее как профессиональной актрисы, мастерски полемизирует с Джулией Ламберт (Вией Артмане).

Напомним, что прием прокеригмы в античном театре (V века до н.э.) имел функциональное назначение. В то время, когда внешний облик актера не позволял идентифицировать изображаемого им героя (маски, костюмы не особенно различались), прокеригма обеспечивала анагноризис – узнавание. Позволяя узнать персонажа, реплика-прокеригма характеризовала его состояние, рассказывала о том, что не поддавалось изображению [9, с. 76]. В фильме этот прием задействован с первых минут художественного повествования, в речи «от автора», рассказывающего о семье Джулии Ламберт, о ней самой, и это, кстати, тоже одно из свойств прокеригмы, которая обычно сопровождала выход персонажа на «оркестру», оповещая о его появлении зрителя [9, с. 75].

Короткие реплики в сторону, сопровождающие речь Джулии, напоминающие «апарте», точны, остроумны, правдивы; неважно, дает ли она оценку кому-либо из гостей, либо характеризует себя. Эти реплики не направлены собеседнику, а адресованы самому себе. В них ощущается момент саморефлексии, внутренней правды, благодаря которому зритель вырабатывает и свое суждение.

Технически это может быть обыграно круглыми скобками в тексте, обращением в зал, сменой интонации, мизансцены в театре [7, с. 23]. В любом случае, именно в этих небольших потаенных от социума репликах «апарте» мы наблюдаем честного по отношению к себе, искреннего человека, в котором вполне узнаем и себя. В круглых скобках реплик «апарте» мы также наблюдаем «повседневную театральность» в действии, как внешнего демонстрационного (на публику), так и внутреннего, осмысливающего происходящее, – порядка.

Ближе к финалу романа внутренняя речь Джулии становится все более похожей на «солиловий» – философское размышление о природе социума и страстях, бушующих в нем. Джулия размышляет о своей психологической и моральной ситуации, беспристрастно анализирует и раскрывает душу, освобождаясь от боли и иллюзий [7, с. 318]., при этом зритель, читатель по-прежнему находится в поле зрения героини, включен в душевные процессы, которые переживаются персонажем.

Наконец, наблюдая за Джулией Ламберт, не столько за внешним ее поведением, сколько за техникой ее «внутреннего актера», мы можем многому научиться, если говорить о подлинных возможностях «повседневной театральности». Одним из ярких примеров – учителей

является сцена, в которой Джулия возвращает расположение обидчивого Тома после того, как молодой человек решительно продемонстрировал ей свое оскорбленное достоинство.

«Джулия снова посмотрела на него долгим взглядом. Ей и всегда нетрудно было заплакать, а сейчас она чувствовала себя такой несчастной, что для этого не требовалось даже малейшего усилия. Том ещё ни разу не видел её плачущей. Она умела плакать не всхлипывая, – прекрасные глаза широко открыты, лицо почти неподвижно, и по нему катятся большие тяжёлые слёзы. Её оцепенение, почти полная неподвижность трагической позы производили удивительно волнующий эффект. Джулия не плакала так с тех пор, как играла в «Раненом сердце». Господи, как эта пьеса выматывала её! Джулия не глядела на Тома, она глядела прямо перед собой; она обезумела от боли.

Но что это? Другое, внутреннее её «я» прекрасно понимало, что она делает. Это «я» разделяло её боль и одновременно наблюдало, как она её выражает. Уголком глаза Джулия увидела, как Том побледнел, ощутила, как внезапная мука пронзила его до глубины души, почувствовала, что его плоть и кровь просто не в состоянии выдержать её страдания.

– Джулия! Том кинулся на колени и привлек ее в свои объятия. Он был потрясен» [6, с. 168].

Конечно, приведенный пример расщепления внимания на несколько внутренних задач профессионально разрабатывается с помощью актерского тренинга и доводится до автоматического состояния, чтобы актер на сцене владел контролем, как за реакциями зрительного зала, так и за собой в роли.

Однако, если эту технику можно разрабатывать, следовательно, способность концентрировать внимание на нескольких задачах свойственна человеческой психике в принципе, а не только психике актера. Другое дело, что актер владеет мастерством внимания на профессиональном уровне.

Если мы проанализируем наши повседневные реакции в социокультурном общении, мы сможем заметить, что в сокровище от собеседника, внутреннем пространстве, мы тоже (по ходу взаимодействия с ним) даем оценки, наблюдаем за его реакциями на наш образ, представление, наши предложения и психологические воздействия на него. Получается, что прием самонаблюдения Джулии, оценивания себя в предлагаемых обстоятельствах, является элементом, как профессионального театрального искусства, так и «повседневной театральности».

Джулия Ламберт профессионально следует заветам Дени Дидро о главных качествах великого актера. В «Парадоксе об актере» Д. Дидро настаивает на том, что актер должен быть очень рассудочным; он должен быть холодным, спокойным наблюдателем. Дидро «требует» от актера пронизательности, а не чувствительности [2, с. 5], в коей он видит скорее помеху, нежели профессиональное подспорье.

И в своей наблюдательности за собой и окружающими Джулия достаточно остроумна, что позволяет

ей правдиво и точно характеризовать ситуацию и себя в ней. Так, думается, «работает» ирония. Она ставит под сомнение кажущуюся идеальность реального, то есть срывает со лжи покров истины, с глупости – покров ума, с ничтожности – покров значительности, и именно таким образом празднует духовную победу идеального над несоответствующей ему жизненной реальностью [5, с. 179].

Оставаясь внешне предсказуемой, легко считываемой в реакциях и социальном взаимодействии, но не являясь подлинной искренней ни в том, ни в другом, Джулия Ламберт демонстрирует исключительную честность по отношению к себе и социуму в том сокрытом от внешнего взора пространстве, которое составляет ее внутренняя оценка происходящего, в том числе через внутреннюю речь. Она словно смотрит на себя и окружающих со стороны, а поскольку она выдающаяся актриса Англии, сама технология оценивания и раздваивания становится отчетливой, выпуклой, убедительной.

А зритель (в свою очередь) через контакт с произведением, с помощью диалогического взаимодействия и синхронии с героем, порождая единое эстетическое действие, одновременно созерцает, переживает, понимает его и творчески воссоздает в воображении, в личностной интерпретации, радуясь успешному осуществлению всех этих действий [4, с. 254] с одной стороны, и делая шаг навстречу самому себе подлинному, – с другой.

Выводы

1. В повседневной культуре общения человек может опираться на «повседневную театральность» как специфический инструмент общения и взаимодействия, обладающий потенциалом социокультурной адаптации и управления. Среди качеств, определяющих «повседневную театральность», можно выделить качества ролевого представления, социокультурной мимики, манипуляции и сокрытия.

2. «Повседневная театральность» опирается на сокрытие подлинных намерений и чувств, поскольку сокрытие обладает потенциалом социокультурной мимики, камуфляжа, позволяющих человеку в обществе безопасно для самого себя существовать в тех образах и представлениях, которые он демонстрирует. Сокрытие на внешнем контуре социального общения помогает человеку казаться искренним, выглядеть искренним, демонстрировать искренность.

3. Внутренняя жизнь человека может разворачиваться параллельно внешнему образу, но не синхронизироваться с ним. В данном случае сокрытое прежде, при внешнем общении, теряет свою силу и значимость, но остается психологическим фоном. Состояние сокрытия теперь позволяет человеку быть искренним, пережить подлинные эмоции и выразить их в мыслях, внутренних репликах, диалогах с воображаемыми героями недавно пережитых событий. Таким образом, диалектика сокрытия позволяет быть искренним наедине с собой и казаться искренним в общении с другими.

4. Обращение к эстетическому опыту анализа художественного произведения не только не мешает исследованию «повседневной театральности» как проблемы, но представляется полезным, поскольку искусству, равно как и философии, свойственна ориентация на познание духовной жизни человека и общества как главной и конечной цели.

5. Через анализ художественного материала глубоко и эвристически очерчивается внутренний мир человека, проявляется с особой силой общезначимое, свойственное и нам, во многом потому, что переживания автора и его персонажа откликаются в нас правдой о себе, самопознанием, «поэтической истиной».

Литература

1. Гофман, И. (2021), *Представление себя другим в повседневной жизни*, СПб.: Питер: Серия «Мастера психологии».
2. Дидро, Д. (2021), *Парадокс об актере: учебное пособие*, Санкт-Петербург: Лань: Планета музыки.
3. Каган, М. С. (2025), *Морфология искусств: учебник для вузов*, Москва: Издательство Юрайт.
4. Каган, М. С. (2025), *Философия культуры: учебник для вузов*, Москва: Издательство Юрайт.
5. Каган, М.С. (1997), *Эстетика как философская наука*, Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис».
6. Мозм, С. (2022), *Театр*, Москва: Издательство АСТ.
7. Пави, П. (1991), *Словарь театра*, Москва: Прогресс.
8. Рахимова, М. В. (2025), *Философское размышление о «театральной» природе человека: в поисках направлений исследования «повседневной театральности»*, *Философия и культура*, (3), 89–105. doi: 10.7256/2454-0757.2025.3.73432
9. Стахорский, С. В. (2017), *Паттерны древнего театра и их художественные традиции*, *Артикульт*, (1 (25)), 73–79.
10. Хирзоева, З.М. (2009), *Гендерный аспект внутренней речи в романе С. Мозма «Театр»*, *Известия Дагестанского государственного педагогического университета, Психолого-педагогические науки*, (1), 34–41.
11. Шестаков, В.П. (2009), *История эстетических учений: Учебное пособие*, М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
12. Юнг, К.Г. (2023), *Отношения между эго и бессознательным*, Москва: Издательство АСТ.

Уважаемые читатели!

Если Вас заинтересовала какая-то публикация, близкая Вам по теме исследования, и Вы хотели бы пообщаться с автором статьи, просим обращаться в редакцию журнала, мы обязательно переправим Ваше сообщение автору.

Наши полные контакты Вы можете найти на сайте журнала в сети Интернет по адресу www.naupers.ru Или же обращайтесь к нам по электронной почте post@naupers.ru

С уважением, редакция журнала “Научная перспектива”.

Издательство «Инфинити».

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-38591.

Отпечатано в типографии «Принтекс». Тираж 750 экз.

Цена свободная.